

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



16+

16 2025
ЧАСТЬ VI

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 16 (567) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Евгений Иванович Чазов* (1929–2021), советский и российский кардиолог, доктор медицинских наук, профессор.

Евгений Иванович Чазов родился в Нижнем Новгороде в семье военного. После окончания Киевского медицинского института он поступил в ординатуру 1-го Московского медицинского института им. И. М. Сеченова на кафедру госпитальной терапии, которой руководил выдающийся советский кардиолог Александр Леонидович Мясников, директор Института терапии АМН СССР. Уже спустя три года без прохождения аспирантуры состоялась защита его кандидатской диссертации, после чего был двухлетний период работы врачом-терапевтом в 1-й больнице Четвертого главного управления при Минздраве СССР. Мясников отметил способного, инициативного, быстро прогрессирующего ординатора, и по его приглашению Чазов приступил к работе в Институте терапии в должности старшего научного сотрудника.

Вскоре после защиты докторской диссертации Евгений Иванович был назначен на должность заместителя директора Института терапии по науке. Спустя два года ему было присвоено звание профессора, а после внезапного и преждевременного ухода из жизни Мясникова в 1965 году Чазов был назначен директором Института терапии АМН СССР, позднее преобразованного в НИИ кардиологии им. А. Л. Мясникова АМН СССР.

В 1967 году по решению руководства СССР Евгений Иванович был назначен на должность начальника Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения СССР.

В 1970-х годах Евгений Иванович приступил к реализации одного из самых важных проектов своей жизни — к созданию единого кардиологического комплекса, состоящего из институтов клинической, экспериментальной и профилактической кардиологии, а также собственного экспериментального производства, позволяющего воплотить самые смелые идеи от фундаментальных и клинических исследований до разработки и внедрения в клиническую практику лекарственных препаратов. Также по предложению Евгения Ивановича и благодаря его усилиям в крупных городах России и во всех бывших республиках СССР были созданы сети научно-исследовательских институтов кардиологии и республиканские диагностические центры практического здравоохранения, оснащенные самым передовым уникальным оборудованием.

В 1988 году по инициативе Чазова был создан Научно-исследовательский центр профилактической медицины Министерства здравоохранения СССР, что стало признанием приоритета профилактики и ранней диагностики в снижении смертности населения страны от сердечно-сосудистых заболеваний.

Главные направления научной деятельности и достижения Евгения Ивановича были связаны с изучением механизмов тромбообразования и тромболитической терапии, патогенеза и лечения острого инфаркта миокарда. В качестве примера можно

привести исследования, посвященные изучению роли коронарного атеросклероза и внутрисосудистого тромбоза в возникновении ишемии и острого инфаркта миокарда, и последующие приоритетные работы по тромболитической терапии инфаркта миокарда, которые были признаны мировым сообществом.

В октябре 1961 года Чазов, предварительно испытав безопасность препарата на себе, вместе с коллегами успешно применил созданный в рекордные сроки отечественный препарат фибринолизин для лечения артериальной эмболии сосудов правой голени у больного инфарктом миокарда недельной давности, осложненного фибрилляцией предсердий.

Колоссальным вкладом в развитие кардиологической службы в СССР и в мире стало создание в 1963 году при непосредственном участии и руководстве Чазова специализированного отделения для лечения больных острым инфарктом миокарда с палатой интенсивного наблюдения. Выполненное впервые в мире 5 июня 1975 года в отделе неотложной кардиологии НИИ кардиологии им. А. Л. Мясникова интракоронарное лечение — успешное введение тромболитика (отечественного фибринолизина) больному с острым инфарктом миокарда — включено в первую десятку основных достижений мировой кардиологии XX века, а имя Евгения Ивановича Чазова золотыми буквами навечно внесено во все медицинские учебники мира как первого ученого и врача, который применил внутрикоронарный тромболитизис.

В очень сложный период — с 1987 по 1990 год — Чазову выпало руководить Министерством здравоохранения СССР. В это непростое время благодаря выдающимся организаторским способностям Евгения Ивановича в СССР было завершено формирование системы кардиологической помощи, создана сеть диагностических центров, сформирована система борьбы с ВИЧ-инфекцией, пересмотрено законодательство по оказанию психиатрической помощи.

После ухода в 1990 году с должности министра здравоохранения ученый полностью посвятил себя работе на посту директора Кардиологического центра и стал главным внештатным специалистом-кардиологом Минздрава России.

Научная и организационная деятельность Чазова получила самую высокую оценку у нас в стране и за рубежом. Евгений Иванович является автором более 500 научных трудов, более двух десятков книги и монографий, шесть из которых переведены на иностранные языки и изданы в США, ФРГ, Польше, Югославии.

Он был удостоен звания Героя Социалистического труда, был трижды лауреатом Государственной премии СССР и лауреатом Государственной премии Российской Федерации, лауреатом Ленинской премии.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЯ

- Кукса А. Д., Потапова И. А.**
Гумат натрия: перспективы применения
в разных сферах 393

МЕДИЦИНА

- Гордиенко А. И., Ильющенко Д. Д.**
Роль медицины в авиации 396
- Калашникова К. Е.**
Клинические проявления
гастроэзофагеальной рефлюксной болезни
и тревоги у пациентов с метаболическим
синдромом 400
- Магомедалиева А. М., Сижажева Д. А.,
Тимакова К. А., Люфт В. К., Соболев Т. А.**
Возможность совершенствования экспресс-
диагностики глюкозы капиллярной
крови как фактор анестезиологического
обеспечения и антистрессовой защиты
пациентов в периоперационном периоде 402

ФАРМАЦИЯ И ФАРМАКОЛОГИЯ

- Злобина В. А., Акимкин Н. В.**
Анализ возможности фармакотерапии
деменции альцгеймеровского типа 406

ЭКОЛОГИЯ

- Трофимов С. С.**
Особенности термической утилизации
особо опасных отходов 411

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

- Кузнецов И. В.**
Земельная реформа в Японии после Второй
мировой войны и современное состояние
сельскохозяйственного землепользования
в Японии. Реформы Ладежинского 416

СОЦИОЛОГИЯ

- Tsevegsuren A.**
Exploring the “good reader” identity:
a quantitative study of university students’
reading habits and beliefs 426

ПСИХОЛОГИЯ

- Абрамова А. А.**
Мотивация достижения в учебной
деятельности младших школьников с разной
самооценкой 430
- Ананьева Я. Г.**
Визуализация внутреннего образа
при помощи искусственного интеллекта
для более успешного поиска причины
психологической травмы 431
- Горобченко Л. А.**
Обзор современных методов арт-терапии
для людей разного возраста 433
- Малкина В. В., Забродина О. В.**
Связь между удовлетворенностью жизнью
и предрасположенностью студентов
к интернет-зависимости 436
- Немцева Н. Ю.**
Современные средства коучинга 439
- Рахманкулов Д. М.**
Психологическое консультирование
родителей обучающихся по вопросам
нравственного воспитания 442
- Рябинина А. С., Архипова И. В.**
Влияние уровня тревожности на развитие
коммуникативных способностей у детей
дошкольного возраста 444
- Старкова К. Д.**
Родительские установки и их влияние
на формирование самооценки подростков 446

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Ермагамбетова Г. У.**
Исполнительский анализ сонаты для скрипки
и фортепиано Клода Дебюсси 449

ФИЛОЛОГИЯ,
ЛИНГВИСТИКА**Ахмедов Н. А.**

Особенности национального колорита
при переводе произведений Чулпана
на китайский язык..... 461

Yermekbayeva A. S., Saidazim N.

Navigating challenges and strategies in cross-
cultural humor translation..... 464

Жарбулова С. Т., Муканов А. Н.

Педагогический идеал и творческая
индивидуальность педагога
в произведении В. Г. Распутина «Уроки
французского» 468

Kabilanova A. A.

The role of gender in translation: comparing
different Russian and Kazakh translations of
Wilde's «The Happy Prince»..... 471

Khudainazarov J. A., Altynbekova A. K.,**Sabit D. B.**

Methods and techniques of translating
poetry works 474

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Балуева Н. Ю.

Дыхание в психоанализе..... 479

БИОЛОГИЯ

Гумат натрия: перспективы применения в разных сферах

Кукса Александр Дмитриевич, студент магистратуры;

Потапова Ирина Анатольевна, кандидат химических наук, доцент

Научный руководитель: Языкова Марина Юрьевна, доктор биологических наук, профессор

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

В статье представлен обзор универсальных возможностей применения гумата натрия в сельском хозяйстве, животноводстве, аквакультуре, экологии и биомедицине. Особое внимание уделяется перспективам дальнейшего изучения гумата натрия для стандартизации и расширения его использования в различных отраслях.

Ключевые слова: гумат натрия; биомедицина; сельское хозяйство; агротехнологии; биотехнологии; животноводство; экология.

Прежде чем погрузиться в тему гумата натрия — одного из значимых соединений, связанных с гуминовыми веществами, — стоит сначала разобраться в их общей природе. Это поможет понять, как из этих сложных органических структур рождается столь перспективное вещество, находящее применение в самых разных сферах.

Гуминовые вещества (ГВ) — это сложные органические соединения, образующиеся в процессе разложения растительных и животных остатков под воздействием микроорганизмов и абиотических факторов среды. Они являются основной органической составляющей почвы, воды и твердых горючих ископаемых, таких как бурый уголь и торф.

Интерес к гуминовым веществам начался в XVIII веке, когда немецкий ученый Франц Ашар выделил их из торфа в 1786 году. В России с середины XX века препараты на основе гуминовых веществ, такие как гуматы, используются для подкормки растений и животных. Значительный вклад в изучение гуминовых веществ внесли такие учёные, как Д. С. Орлов и М. М. Кононова. Орлов разработал классические положения химии гумусовых веществ и предложил структурную формулу гуминовых кислот, а Кононова создала теоретическую схему гумификации, основанную на взаимодействии хинонов и аминокислот. Их исследования заложили научную базу, которая позволила применять гуминовые вещества в таких сферах, как экология, сельское хозяйство и медицина.

ГВ состоят преимущественно из углерода (50–60 %), кислорода (30–40 %), водорода (3–5 %) азота (1–5 %) и серы (<1 %). Этот состав варьируется в зависимости от источника, например, гуминовые вещества из почвы могут иметь больше азота, чем из водных систем — озёр или речных вод [2].

Гуминовые вещества подразделяются на три основные фракции, различающиеся по растворимости. Фульвокислоты растворимы в воде, кислотах и щелочах при любом pH. Гуминовые кислоты нерастворимы в кислотах, но растворимы в щелочной среде, также растворимы в воде при нейтральном и щелочном pH, но нерастворимы в воде при кислотном pH ниже 2. Гумин — наиболее сложноорганизованная и высокомолекулярная фракция, нерастворимая ни в воде, ни в кислотах, ни в щелочах.

Одной из ключевых характеристик гуминовых веществ является наличие различных функциональных групп, определяющих их химические свойства. Карбоксильные группы (–COOH) отвечают за кислотность и способность связывать металлы, фенольные гидроксильные группы (–OH) участвуют в окислительно-восстановительных реакциях, а карбонильные группы (C=O) влияют на полярность и растворимость. Метоксигруппы (–OCH₃) чаще всего встречаются в ароматических структурах, тогда как хиноновые структуры играют важную роль в электрохимических процессах.

Строение углеродного скелета гуминовых веществ включает как алифатические, так и ароматические части. Алифатические компоненты представлены прямыми и разветвленными цепями, а также циклическими структурами, которые часто связаны с остатками липидов и углеводов. Ароматические компоненты содержат бензольные кольца с различными заместителями, такими как –OH, –OCH₃ и –COOH, причем их особенно много в гуминовых кислотах, полученных из угля или леонардита.

Известно, что ГВ представляют собой не одну большую молекулу, а сборку меньших молекул, связанных слабым взаимодействием, например, водородными связями, силами Ван-дер-Ваальса и π-π взаимодействия [8].

Эти меньшие молекулы происходят из разложения растительного и животного материала, включая лигнин, целлюлозу, белки и липиды. Они амфифильны, то есть имеют как гидрофильные (функциональные группы), так и гидрофобные (ароматические или алифатические) части, что позволяет им формировать мицеллоподобные структуры в растворе.

Эта модель объясняет их способность связывать и транспортировать гидрофобные соединения и металлы, а также изменять структуру в зависимости от условий, таких как pH или ионная сила. Например, при экстракции с помощью щелочи гуминовые кислоты образуют растворимые соли, а при закислении они выпадают в осадок, в то время как фульвокислоты остаются растворимыми [6].

Один из важных компонентов гуминовых веществ — гуминовая кислота, которая используется для производства гумата натрия.

Гумат натрия — это соль гуминовой кислоты, получаемая обработкой гуминовых кислот гидроксидом натрия, что делает его водорастворимым. Он представляет собой тёмный порошок или жидкость, богатую углеродом и содержащую функциональные группы, такие как карбоксильные и фенольные. Эти группы играют ключевую роль в способности гуминовых веществ образовывать хелатные комплексы с микроэлементами, такими как Mg^{2+} , Ca^{2+} , Fe^{2+} и Fe^{3+} , что способствует их доступности для растений.

Гумат натрия представляет собой одно из самых популярных средств, способных улучшать качество почвы, ускорять рост растений и поддерживать здоровье животных. Богатый микроэлементами и обладающий широким спектром биологической активности, этот природный материал демонстрирует свою эффективность в самых разнообразных сферах — от сельского хозяйства до инновационных технологий.

Одним из направлений, где гумат натрия показывает свою эффективность, является аквакультура. Важно не только ускорять рост гидробионтов, но и поддерживать их здоровье, снижая затраты на корма и улучшая качество воды. Известно влияние этой добавки на скорость роста и выживаемость стерляди *Acipenser ruthenus*. Введение гумата натрия в рацион улучшает коэффициент конверсии пищи на 17,4 %, несмотря на незначительное увеличение темпов роста. Наилучшие результаты были получены при использовании гумата натрия в концентрации 200 мг/кг. Это свидетельствует о потенциальной возможности его применения в рыбоводстве [10].

Также демонстрируется положительное влияние гумата натрия на развитие и здоровье белоногих креветок *Litopenaeus vannamei*. Сочетание гумата натрия и пробиотиков (*Lysinibacillus*, *Bacillus subtilis*) приводит к улучшению роста, повышению выживаемости до 88,44 % и увеличению активности пищеварительных ферментов у креветок. Кроме того, гумат натрия способствует улучшению микробной среды воды, повышая содержание полезных бактерий *Proteobacteria*, *Bacteroidetes*, *Actinobacteria*, *Pseudohongiella* и *Ruggiella*, и снижая уро-

вень аммиака с 3,03 мг/л до 0,73 мг/л, что делает его перспективным биостимулятором для использования в интенсивных системах аквакультуры [5].

Гумат натрия находит применение в животноводстве как эффективная альтернатива оксиду цинка, который традиционно используется для профилактики диареи у поросят после отъёма. Известно, что оксид цинка приводит к серьёзным экологическим проблемам. Добавление гумата натрия в рацион поросят положительно влияет на их рост, повышает уровень иммуноглобулинов M (IgM) и G (IgG), что способствует снижению воспалительных процессов. Кроме того, он помогает уменьшить уровень окислительного стресса, включая малоновый диальдегид (MDA). Добавление гумата натрия в корм поросётам позволяет частично заменить оксид цинка, улучшая их здоровье и уменьшая воздействие на окружающую среду [12].

В птицеводстве важно не только обеспечивать здоровый рост птицы, но и создавать оптимальные условия для её развития. Одним из перспективных решений является добавление гумата натрия в их рацион. В кормах для бройлеров гумат натрия, полученный из пресноводного сапропеля, увеличивает массу тушек на 6,06 % за 36 дней, улучшает усвоение питательных веществ и нормализует работу пищеварительной системы [11].

Гуматы обладают способностью повышать урожайность и усиливать вегетацию сельскохозяйственных культур. Влияние гуматов, произведённых из выветрелых углей, на прорастание семян овощных культур проявляется в улучшении всхожести. Обработка семян капусты белокочанной раствором гумата калия повышает их всхожесть, а для томатов определённая концентрация также эффективна. Смесь гуматов калия и натрия увеличивает всхожесть семян баклажанов, сладкого перца и огурцов, достигая 90 % [7].

Гумат натрия получают из природных источников, он биоразлагаем и экологически безопасен. В сельском хозяйстве помогает снижать потребность в синтетических удобрениях и пестицидах, уменьшая загрязнение окружающей среды. Однако чрезмерное применение может привести к повышению солёности почвы из-за содержания натрия, поэтому важно соблюдать нормы использования.

В пчеловодстве гумат натрия используется для укрепления иммунитета пчёл, повышения их продуктивности и защиты от неблагоприятных факторов среды. К тому же, добавление его в сахарный сироп способствует увеличению расплода и медовой выработки до $26,35 \pm 1,83$ кг/колония. Однако при высокой дозировке наблюдалось снижение продуктивности, что подчёркивает важность оптимального подбора концентрации [1].

Одним из наиболее эффективных методов очистки воды от загрязнителей является использование гумата натрия в качестве абсорбента. Добавление гумата натрия в процессе пиролиза биомассы (арахисовой шелухи и остатков белого клевера) при 600 °C значительно повышает адсорбционные свойства биоугля, что позволяет эффективно очищать воду от тяжёлых металлов и синтетического красителя — метиленового синего [3].

Современная онкология разрабатывает методы повышения эффективности лечения опухолей и снижения побочных эффектов химиотерапии. Перспективным направлением является фототермическая терапия с локальной доставкой препаратов. Для этого созданы светочувствительные гидрогели на основе метилцеллюлозы с гуматом натрия, которые преобразуют лазерное излучение в тепло, инициируя гелеобразование и регулируя высвобождение цисплатина. Локальный нагрев способствует уничтожению раковых клеток. Оптимальные условия производства зависят от концентрации гумата натрия и времени лазерного воздействия: их увеличение повышает устойчивость гидрогеля, снижает набухание и обеспечивает постепенное высвобождение лекарства [4].

Гумат натрия улучшает пластичность и прочность керамических материалов для 3D-печати, что может быть полезно в биомедицине. Добавление гумата натрия и лигносульфоната в керамические смеси повышает качество керамики, способствуя созданию надёжных стоматологических коронок, мостов, имплантов, ортопедических покрытий для суставных протезов и биосовместимых медицинских изделий [9].

Гумат натрия считается безопасным для сельского хозяйства и кормов для животных, но его использование в пищевой и фармацевтической промышленности ограничено из-за нехватки данных о влиянии на здоровье человека. Регулирующие органы пока не установили чётких норм его применения.

Для преодоления этих ограничений необходимы токсикологические исследования и клинические испытания, оценивающие безопасность и эффективность гумата натрия. Сотрудничество с регуляторами и публикации научных данных повысят доверие и упростят процесс одобрения.

Гумат натрия обладает широкими перспективами в разных сферах: от улучшения здоровья животных до внедрения экологически чистых технологий. Дальнейшие исследования помогут раскрыть его потенциал и решить важные экологические задачи.

Литература:

1. Arısı B. The effects of supplemental feeding with sodium humate on the performance of honey bee colonies (*Apis Mellifera* L.) / B. Arısı, A. Mellifera, L. Sodyum, H. Katkılı, B. Performans, Ü. Muhammet, M. Tunç, M. Cengiz, K. Yazıcı, M. Turan // *Uludağ Arıcılık Dergisi*. — 2020. Vol. 20. — P. 181–188.
2. Chin Y.-P. Identification of next-generation International Humic Substances Society reference materials for advancing the understanding of the role of natural organic matter in the Anthropocene / Y.-P. Chin, D. McKnight, J. D'Andrilli, N. Brooks, K. Cawley, J. Guerard, E. Perdue, C. Stedmon, P. Tratnyek, P. Westerhoff, A. Wozniak, P. Bloom, C. Foreman, R. Gabor, J. Hamdi, B. Hanson, R. Hozalski, A. Kellerman, G. McKay, D. Reckhow // *Aquatic Sciences*. — 2023. Vol. 32. — P. 1–16.
3. Dou G. Preparation of Sodium Humate-Modified Biochar Absorbents for Water Treatment / G. Dou, Z. Jiang // *ACS Omega*. — 2019. Vol. 4. — P. 16536–16542.
4. Ghorbani F. Injectable light-assisted thermo-responsive methylcellulose-sodium humate hydrogel proposed for photothermal ablation and localized delivery of cisplatin / F. Ghorbani, B. Ghalandari, Z. Liu, D. Li, B. Yu // *Front. Bioeng. Biotechnol.* — 2022. Vol. 10. — P. 1–14.
5. Liao W. Effects of sodium humate and probiotics on growth performance, enzyme activity and microbial environment of *Litopenaeus vannamei* in high-density zero-water exchange systems / W. Liao, Z. Lin, M. Liao, Y. Xue, J. Zhou, Y. Wang, D. Hou, C. Sun // *Front. Mar. Sci.* — 2022. Vol. 9. — P. 1–14.
6. Maffia A. Humic Substances: Bridging Ecology and Agriculture for a Greener Future / A. Maffia, M. Oliva, F. Marra, C. Mallamaci, S. Nardi, A. Muscolo // *Agronomy*. — 2025. Vol. 15. — P. 1–33.
7. Martynova E. N. Assessment of the effect of humates produced by "Shubarkol Komir" JSC on germination of vegetable seeds / E. N. Martynova, S. E. Dadyka, I. A. Safronova, A. Zh. Abyurov, D. V. Ageev, A. K. Ramazanov // *Bull. Karaganda Univ. "Biol. Med. Geogr. Ser."* — 2024. Vol. 29. — P. 70–76.
8. Mayans B. Evaluation of Commercial Humic Substances and Other Organic Amendments for the Immobilization of Copper Through ¹³C CPMAS NMR, FT-IR, and DSC Analyses / B. Mayans, J. Pérez-Esteban, C. Escolástico, E. Eymar, A. Masaguer // *Agronomy*. — 2019. Vol. 9. — P. 1–17.
9. Nguyen T. Effects of sodium humate and sodium lignosulfonate additives on the plasticity of 3D printing materials for ceramic tableware production / T. Nguyen, V. Mai, T. Nguyen // *Ministry of Science and Technology, Vietnam*. — 2024. Vol. 66. — P. 9–12.
10. Polishchuk N. Study of the effect of feed additive of sodium humate for sterlet by the cage method of growing / N. Polishchuk, B. Kovalenko, N. Vovk, I. Kononenko, V. Kovalenko // *Anim. Sci. Food Technol.* — 2021. Vol. 12. — P. 1–15.
11. Proskina L. Assessment of the inclusion of a feed additive of sodium humate derived from freshwater spropel in diets for broiler chickens / L. Proskina, D. Barzdina, A. Valdovska, I. Pilvere, I. Vircava, S. Cerina, S. Meskis // *Vet. World*. — 2023. Vol. 16. — P. 2029–2041.
12. Wang Q. Effects of Dietary Supplementation of Humic Acid Sodium and Zinc Oxide on Growth Performance, Immune Status and Antioxidant Capacity of Weaned Piglets / Q. Wang, J. Ying, P. Zou, Y. Zhou, B. Wang, D. Yu, W. Li, X. Zhan // *Animals (Basel)*. — 2020. Vol. 10. — P. 1–9.

МЕДИЦИНА

Роль медицины в авиации

Гордиенко Арина Ивановна, студент;

Ильющенко Дарья Дмитриевна, студент

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А. А. Новикова

В статье рассматривается значимость авиационной медицины в обеспечении безопасности полётов и сохранении здоровья авиационного персонала и пассажиров. Анализируются основные направления авиационной медицины, включая физиологические и психологические аспекты, медицинскую экспертизу лётного состава, санитарную авиацию и военные технологии. Особое внимание уделяется современным вызовам, связанным с развитием авиационной индустрии, и перспективам внедрения инновационных медицинских решений в авиации.

Ключевые слова: авиационная медицина, безопасность полётов, физиология полёта, санитарная авиация, медицинская экспертиза, гипоксия.

The role of medicine in aviation

The article examines the significance of aviation medicine in ensuring flight safety and maintaining the health of aviation personnel and passengers. The study analyzes key areas of aviation medicine, including physiological and psychological aspects, medical certification of flight crews, air ambulance services, and military aviation technologies. Special attention is given to modern challenges related to the aviation industry's development and prospects for implementing innovative medical solutions in aviation.

Key words: aviation medicine, flight safety, flight physiology, air ambulance, medical certification, hypoxia.

Медицина в авиационной отрасли традиционно рассматривается как один из ключевых факторов обеспечения безопасности и эффективности полётов. Она затрагивает широкий спектр задач — от подготовительной медицинской сертификации лётного состава до оперативной помощи пассажирам и экипажу в чрезвычайных ситуациях. Столь комплексная роль медицинского сопровождения обусловлена многообразием рисков, связанных с полётами на значительных высотах, а также необходимостью сохранения высокой работоспособности экипажа при воздействии экстремальных факторов.

Для лётчиков и бортпроводников здоровье — не просто личное благо, а элемент профессиональной пригодности, предопределяющий безопасность пассажиров и устойчивость функционирования авиации в целом. В условиях быстрорастущей глобальной мобильности и увеличивающегося пассажиропотока (по данным Международной организации гражданской авиации, годовой объём авиаперевозок увеличивается на 4–6 % [2, с. 73]), значимость медицинского сопровождения выходит на качественно новый уровень.

В данном исследовании ставится цель комплексно осветить роль медицины в авиации, её исторические предпосылки, физиологические и регуляторные аспекты, а также выявить современные тенденции, формирующие будущее авиационной медицины.

Авиамедицина возникла практически одновременно с первыми опытами полётов на воздушных шарах и планёрах. Уже в XIX веке учёные начали фиксировать негативное влияние разрежённого воздуха на человеческий организм. Так, работы Журдане и Вера, опубликованные в 1895 году, были одними из первых, где системно изучалось воздействие высоты на физиологические процессы [6, с. 112–114]. Эти исследования заложили фундамент для дальнейшего понимания рисков, связанных с гипоксией и пониженным давлением.

Помимо фундаментальных трудов зарубежных исследователей, в России важный вклад внёс И. М. Сеченов, детально описавший общие закономерности физиологии человека и подвижность адаптационных механизмов [9, с. 25–48]. Он указал на гибкость нервно-мышечной регуляции при изменении атмосферных условий, что подтвер-

дило возможность более глубокого исследования реакции организма на полётную среду.

На заре XX века стремительное развитие авиации вызвало необходимость институционализировать авиационную медицину, определить стандарты отбора и подготовить медицинские протоколы для лётных команд. В это время стали появляться первые руководства по адаптации к гипоксии (работы Л. А. Орбели, 1937) [7, с. 43–50], где описывались принципы компенсации при недостатке кислорода. Одновременно формировалась практическая школа авиационной медицины, ориентированная на разработку тренировочных методик и профилактику острых состояний в полёте.

Систематический подход включал в себя создание специализированных центров и лабораторий, занимающихся вопросами отбора, подготовки и углублённого обследования пилотов. Объединение знаний физиологии, психологии и метеорологии позволило выработать первые научно обоснованные требования к здоровью авиаторов и приёмам их защиты от негативных факторов окружающей среды.

Основные физиологические нагрузки в полёте связаны с перепадами давления, ускорениями и вибрационными воздействиями. Гипоксия на высоте может вызывать нарушения координации и когнитивных функций, что особенно опасно для пилотов [5, с. 56–60]. Одной из главных задач авиационной медицины остаётся предотвращение снижения реакции и чёткости мышления, поскольку от этого напрямую зависит безопасность полёта.

Важным аспектом является также воздействие центробежных сил при выполнении сложных манёвров или в истребительной авиации. Острые перегрузки могут провоцировать ишемические состояния и ухудшение кровоснабжения головного мозга, что требует специальных тренировок и проведения регулярных медицинских обследований. По данным NASA Human Research Program, длительные экспозиции в условиях невесомости или микрогравитации приводят к значительным изменениям в системе кровообращения и нарушению вестибулярного аппарата [3, с. 120–125]. Хотя исследования проводились в первую очередь для космических полётов, полученные результаты оказались ценными и для авиационной сферы.

Немаловажное влияние на работоспособность лётного состава оказывают психологические факторы. Вызванное напряжённым графиком полётов, ограниченной возможностью полноценного отдыха, а также ответственностью за жизнь пассажиров психологическое давление может приводить к повышенной утомляемости и росту рисков ошибок [5, с. 97–102].

Специальные тренинги и программы стресс-менеджмента (предусмотренные авиационными ведомствами различных стран) помогают пилотам сохранять эмоциональную стабильность в экстремальных ситуациях. В современных условиях развивается практика внедрения систем мониторинга усталости экипажей, что позволяет идентифицировать факторы риска и корректировать рабочий график.

Поскольку здоровье лётного состава непосредственно влияет на безопасность полётов, существует система юридически закреплённых требований и стандартов, регламентирующих медицинское освидетельствование пилотов и другого авиационного персонала. Европейское агентство по безопасности полётов (EASA) определяет общие критерии годности для пилотов, в том числе возрастные ограничения, максимальные показатели давления и допустимый уровень физической подготовки [1, с. 46–50].

В Российской Федерации соответствующие нормы установлены федеральными авиационными правилами медицинского освидетельствования [10, с. 15–32]. Они включают регулярный контроль основных показателей состояния здоровья, исследование функции дыхательной и сердечно-сосудистой систем, а также оценку психологической стабильности. Нарушения выявленных норм могут привести к временной или постоянной дисквалификации пилота, что подчёркивает значимость строгой медицинской регламентации.

Реализация регуляторных норм невозможна без разветвлённой сети аккредитованных центров, обладающих необходимым оборудованием и штатом квалифицированных специалистов. Подобные учреждения проводят обследования, формируют медицинские заключения, консультируют пилотов по вопросам укрепления здоровья и профилактики заболеваний. В рамках глобализации авиационных перевозок создаётся единая база данных о состоянии здоровья пилотов, доступная авиакомпаниям и компетентным органам в разных странах [2, с. 78].

Такой подход способствует оперативному обмену информацией и своевременному выявлению возможных противопоказаний, благодаря чему повышается безопасность международных полётов. Кроме того, активная взаимосвязь между организациями здравоохранения и авиационным сектором даёт возможность быстро внедрять новые технологии диагностики и улучшать качество медицинского сопровождения экипажей.

Стремительное развитие цифровых технологий оказывает большое влияние на авиационную медицину. Телемедицинские решения позволяют осуществлять удалённые консультации и контролировать состояние здоровья экипажа в режиме реального времени. В условиях дальнемагистральных рейсов, где отсутствует возможность скорой госпитализации, такие системы приобретают особую актуальность.

Компании, занимающиеся разработкой телемедицинских платформ, интегрируют портативные диагностические приборы (например, для измерения показателей крови, пульса и артериального давления) и программное обеспечение для передачи данных на наземные станции. Это облегчает принятие решений в экстренных ситуациях и повышает шансы на своевременную медицинскую помощь [2, с. 83–84].

Компьютерные алгоритмы с элементами искусственного интеллекта активно внедряются для обработки больших массивов медицинской информации, со-

бираемой в процессе полётов. По прогнозу McKinsey & Company, в ближайшие 10 лет широкое использование систем AI позволит повысить точность диагностики и улучшить прогнозирование рисков на 15–20 % [2, с. 85].

При этом важно учитывать вопросы кибербезопасности, поскольку нарушение целостности медицинских данных может привести к искажению диагнозов и неверным управленческим решениям. Совершенствование технологий анализа информации идёт параллельно с разработкой протоколов защиты данных, что снижает вероятность несанкционированного доступа к медицинским системам авиакомпаний.

Тренажёрные комплексы с биологической обратной связью позволяют адаптировать пилотов к различным стрессовым сценариям, включая сложные метеоусловия и внезапные отказные ситуации. Такое моделирование помогает лётчикам отработать алгоритмы действий и укрепить психологическую устойчивость [4, с. 213–217]. Кроме того, современные программы реабилитации после перегрузок и длительных командировок фокусируются на восстановлении сердечно-сосудистой системы и вестибулярного аппарата.

Собранная в процессе тренировок телеметрия используется для индивидуальной настройки нагрузок, что сокращает риск переутомления и травматизма. Системы виртуальной реальности постепенно занимают всё более значимую нишу, позволяя тестировать поведение организма в условиях, максимально приближенных к полётным.

Важная отрасль авиации — санитарная авиация, которая выполняет уникальную функцию — доставку медицинской помощи в труднодоступные регионы и экстренные зоны, а также транспортировку тяжёлых больных для последующего лечения. Её история в России уходит корнями в советский период, когда для эвакуации пострадавших стали активно применять самолёты и вертолёты. В 1930-х годах формировались первые санитарные эскадрильи, оснащённые специальными медицинскими укладками [4, с. 355–359].

В XXI веке значение санитарной авиации особенно возросло: по данным Министерства здравоохранения РФ, ежегодно с её помощью спасаются тысячи жизней, а объёмы перевозок пациентов непрерывно растут. Вместе с тем, развитие региональной инфраструктуры и внедрение новых вертолётных платформ позволяют оперативно реагировать на вызовы даже в самых отдалённых уголках страны.

Современные санитарные воздушные суда оборудуются аппаратурой интенсивной терапии, что дает возможность оказывать помощь на месте и проводить реабилитационные мероприятия прямо во время полёта [8]. Использование таких комплексных систем предъявляет высокие требования к квалификации бортового медицинского персонала, который обязан не только владеть общей клинической практикой, но и уметь работать в условиях ограниченного пространства и турбулентности.

Помимо этого, крупные авиакомпании, такие как «ЮТэйр — Вертолётные услуги», активно участвуют в национальных программах развития санитарной авиации, предоставляя авиапарк и пилотов для экстренных вылетов [11]. Сотрудничество с государственными органами позволяет эффективнее распределять ресурсы и внедрять новые стандарты оказания помощи.

В ближайшие годы ожидается ужесточение медицинских требований к пилотам и бортпроводникам ввиду увеличения пассажиропотока. По прогнозам McKinsey & Company, к 2030 году станет обязательным углублённый анализ генетических факторов риска для кандидатов в авиацию [2, с. 87]. Такой подход будет стимулировать раннее выявление предрасположенности к сердечно-сосудистым заболеваниям и снижать вероятность внезапного ухудшения состояния на борту.

Однако возникает дискуссия относительно этики генетического тестирования, поскольку оно способно ограничить допуск к профессии на основании вероятностных факторов. Эти и подобные вопросы потребуют правовой регламентации для сохранения баланса между безопасностью полётов и недопущением дискриминации.

Новым направлением, где роль медицины особенно важна, становятся суборбитальные и космические туристические рейсы. Опыт NASA Human Research Program по изучению воздействия невесомости [3, с. 130–135] показывает, что краткосрочные космические полёты требуют принципиально других методик подготовки пассажиров и экипажей.

Технологические компании, работающие над суборбитальными полётами, — такие как Virgin Galactic и Blue Origin — уже сегодня сталкиваются с необходимостью строгого медицинского отбора «космических туристов». В условиях, когда космический туризм может выйти на массовый рынок, авиационная медицина должна будет расширить свою область компетенции, внедряя новые стандарты и форматы обучения.

Важно учитывать и глобальные вызовы, такие как пандемии, с которыми человечество столкнулось в последние годы. Возможность оперативного реагирования на вспышки инфекционных заболеваний с помощью санитарной авиации, внедрение бортовых фильтрационных систем и поддержка экипажей в вопросах иммунизации становятся частью новой реальности.

Параллельно исследуются способы снижения психологической нагрузки на пилотов, работающих в условиях возросших санитарно-эпидемиологических требований. Стресс от необходимости строжайшего соблюдения мер безопасности усиливает традиционные профессиональные риски и требует дополнительной медицинской поддержки.

Роль медицины в авиации многогранна и выходит далеко за рамки рутинных осмотров пилотов. Она включает в себя углублённые физиологические исследования, разработку систем профилактики и быструю реакцию на чрезвычайные ситуации. Исторический путь развития авиационной медицины демонстрирует её тесную связь

с научным прогрессом, а также с меняющимися социально-экономическими реалиями.

Сегодня, в эпоху глобальной мобильности, ключевыми векторами развития становятся инновационные технологии диагностики, телемедицина, искусственный интеллект и совершенствование регуляторных норм. Специализированные медицинские центры и организации, включая службы санитарной авиации, формируют каркас, на котором держится система обеспечения безопасности и здоровья в полётах.

В условиях нарастающей сложности авиационных систем, появления суборбитальных полётов и новых форм космического туризма роль авиационной медицины лишь возрастает. От чёткого взаимодействия между научным сообществом, государственными органами и авиационной промышленностью зависит, насколько эффективно удастся интегрировать современные методы диагностики и профилактики, сохранив при этом доступность и надёжность авиаперевозок.

Литература:

1. European Aviation Safety Agency (EASA). Medical certification standards for pilots and aircrew. — Brussels, 2024. — P. 45–78.
2. McKinsey & Company. The Future of Aviation Medicine: Trends and Forecasts for 2030 // Industry Report, 2023. — P. 67–89. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/the-top-trends-in-tech#enterprise-tech-adoption> (дата обращения: 13.03.2025).
3. NASA Human Research Program. The effects of spaceflight on human physiology. — Washington, 2021. — P. 112–140. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.nasa.gov/humans-in-space/hhc-spaceflight-risks/> (дата обращения: 13.03.2025).
4. Авиационная медицина: Учебное пособие / Под ред. В. В. Стрельцова. — М.: Воениздат, 1989. — 420 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://militera.lib.ru/med/streltsov_vv01/index.html (дата обращения: 13.03.2025).
5. Братанов Г. И. Адаптация летного состава к факторам полета. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. — 312 с.
6. Журдане М., Вер П. Влияние высоты на организм человека // Медицинские исследования в воздухоплавании. — Париж, 1895. — С. 112–135. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rapportgallica.bnf.fr/recherche?query=%28dc.identifier%20all%20%22bpt6k63779731%22%29%20and%20%28gallica%20any%20%22Jourdan%20M%20%2C%20Ver%20P%20%20Influence%20de%20la%20hauteur%20sur%20le%20corps%20humain%22%29&ig=2&mb=5&lang=fr> (дата обращения: 13.03.2025).
7. Министерство здравоохранения РФ. Санитарная авиация в России: состояние и перспективы. — М.: Издательство Минздрава РФ, 2022. — 93 с.
8. Орбели Л. А. Физиология человека в условиях гипоксии и ускорений. — Л.: Наука, 1937. — 256 с. [Электронный ресурс]. — URL: https://nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/72887/1 (дата обращения: 13.03.2025).
9. Ростех. Национальная служба санитарной авиации: отчет о деятельности за 2017–2023 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rostec.ru> (дата обращения: 13.03.2025).
10. Сеченов И. М. Очерки физиологии человека. — М.: Государственное издательство, 1903. — 340 с. [Электронный ресурс]. — URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003643972?page=11&rotate=0&theme=white (дата обращения: 13.03.2025).
11. Федеральные авиационные правила медицинского освидетельствования летного состава гражданской авиации Российской Федерации. — М.: Министерство транспорта РФ, 2021. — 87 с.
12. ЮТэйр — Вертолётные услуги. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.utair.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

Клинические проявления гастроэзофагеальной рефлюксной болезни и тревоги у пациентов с метаболическим синдромом

Калашникова Кристина Евгеньевна, ординатор

Научный руководитель: Шрайнер Евгения Владимировна, кандидат медицинских наук, старший преподаватель
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Ключевые слова: тревога, метаболический синдром, ГЭРБ.

Актуальность

В настоящее время увеличивается число пациентов с метаболическим синдромом (МС). Существует тенденция к увеличению данного заболевания не только в Российской Федерации, но и во всем мире [1]. МС представляет собой группу взаимосвязанных клинических состояний: ожирение, инсулинорезистентность, гипертонию и дислипидемию. Чаще именно у таких пациентов отмечается ГЭРБ [2].

ГЭРБ — патологическое состояние, возникающее в результате ретроградного заброса содержимого желудка в пищевод, что приводит к появлению симптомов и осложнений, которые снижают качество жизни [3]. Частые изжога и/или регургитация достоверно ассоциированы с частой отрыжкой воздухом, хроническим кашлем, диспепсией, болью за грудиной, тошнотой, дисфонией, дисфагией, одинофагией, а также с запором [4].

Установлено, что частота заболевания ГЭРБ у людей, страдающих ожирением, выше в 1,73 раза [5]. В основе развития ГЭРБ лежат механизмы нарушения двигательной функции верхних отделов желудочно-кишечного тракта. Моторная активность пищевода осуществляется посредством нервной регуляции, что позволяет отнести это заболевание к категории психосоматических [6]. Выявлена прямая связь пациентов с ГЭРБ в анамнезе, и наличием у них тревожных расстройств [7]. Известно, что пациенты с МС чаще подвержены развитию ГЭРБ, что увеличивает риск развития тревожности [8].

Цель исследования: Оценить выраженность клинических проявлений ГЭРБ и проявлений тревоги у пациентов с МС методом анкетирования.

Материал и методы: Было обследовано 60 пациентов в возрасте от 18 до 40 лет, основную группу (n=30) составили пациенты с МС и ГЭРБ, вторую группу (n=30) пациенты с изолированным течением ГЭРБ. В основную группу (n=30) входили 14 мужчин (23,3 %), средний возраст: $30,2 \pm 9,3$, и 16 женщин (26,6 %), средний возраст: $31,3 \pm 6,8$. В контрольную группу (n=30) составляли 13 мужчин (21,6 %), средний возраст: $31,4 \pm 7,5$, и 17 женщин (28,3 %), средний возраст: $32,8 \pm 4,5$.

Обследование пациентов проводилось на базе ГБУЗ НСО ГКБ № 25 и ЦНМТ г. Новосибирска в период с 2023 по 2025 г.

Критерии включения: окружность талии >80 см у женщин и >94 см у мужчин, АД $>140/90$ мм. рт. ст./ те-

рапия антигипертензивными препаратами; ТГ крови $>1,7$ ммоль/л, ЛПВП в крови $<1,0$ ммоль/л у мужчин и $<1,2$ ммоль/л у женщин; нарушенная толерантность к глюкозе и/или гликемия натощак ($>5,6$ ммоль/л);

Критерии исключения: Заболевания эндокринной системы, приводящие к развитию инсулинорезистентности (синдром Иценко-Кушинга, тиреотоксикоз, гипотиреоз, акромегалия, феохромоцитома, синдром поликистоза яичников, первичный альдостеронизм, сахарный диабет). Онкологический процесс. Тяжелая коморбидная патология (цирроз печени с портальной гипертензией, ОНМК, деменция, ИБС, СПИД, ХБП II-V). Сопутствующая терапия препаратами, снижающими тонус НПС. Отсутствие добровольного информированного согласия.

Клиническое обследование пациентов включало в себя сбор и уточнение характера жалоб, сбор анамнеза заболевания и жизни, объективный осмотр, оценка антропометрических данных (расчет ИМТ), оценка результатов лабораторных исследований (общий анализ крови, биохимический анализ крови (триглицериды, уровень глюкозы, ЛПВП), инструментальные исследования: видеоэзофагогастродуоденоскопия (ЭГДС).

Оценка уровня развития тревожности проводилась с помощью опросника Спилберга (STAI), отражающего уровень развития реактивной и личностной тревоги. Данный опросник состоит из 40 высказываний, которые разделены на две основные группы. Из чего 20 высказываний относятся к проявлению тревожности как к состоянию «в моменте», (реактивная тревожность), и 20 высказываний построены на проявлении тревожности как диспозиции (личностная тревожность).

Результаты и обсуждение

В результате проведенного исследования, посредством опросника STAI, уровень реактивной тревоги в основной группе оказался высоким, и составил $55,1 \pm 13,2$, в группе контроля $26,4 \pm 4,7$, что по критериям опросника относится к низкому уровню тревоги, различия между группами статистически оказались значимы, ($p=0,045$).

Уровень личностной тревоги в основной группе оказался высоким $51,3 \pm 14,4$, а в группе контроля умеренным $30,4 \pm 7,3$, различия между группами статистически не значимы ($p=0,20$).

У мужчин и женщин из основной группы: уровень как реактивной, так и личностной тревоги оказался высоким и оказался примерно одинаков. У мужчин уровень РТ 54.9 ± 13.1 (высокий), у женщин РТ 51.5 ± 13.5 (высокий). У мужчин ЛТ 51.5 ± 16.2 (высокий), у женщин ЛТ 51.1 ± 13.1 (высокий).

У мужчин и женщин из группы контроля: мужчины оказались более подвержены развитию личностной тревоги 32.3 ± 6.8 (умеренный), чем женщины 29.0 ± 7.5 (низкий).

По анализу пищеводных и внепищеводных проявлении ГЭРБ выраженность симптомов в основной группе оказалась выше, чем в группе контроля. Достоверно выше отмечались такие симптомы как: изжога ($p=0.008$), отрыжка кислым ($p=0.009$), затруднение глотания ($p=0.003$) и сухой кашель ($p=0.002$).

По анализу эндоскопических данных, пациенты из основной группы оказались более подвержены поражению слизистой оболочки (СО) пищевода, чем пациенты из группы контроля ($p = 0.023$). Шансы тяжелого поражения СО пищевода у пациентов с МС выше в 8,8 раз ($OR = 8,82$), чем у пациентов без МС. Риск повреждения СО пищевода оказался выше в 7 раз ($RR = 7.0$).

Заключение

МС оказываетотягощающее воздействие на психоэмоциональную сферу, усиливая уровень реактивной и лич-

ностной тревоги у пациентов с ГЭРБ. По результатам опросника Спилберга уровень реактивной тревоги у пациентов с МС оказался выше чем у пациентов без МС. Уровень личностной тревоги оказался также значительно выше у пациентов с МС. Пациенты с МС имели большую выраженность клинических проявлений ГЭРБ: изжога, отрыжка кислым, затруднение глотания и сухой кашель. По анализу эндоскопических данных шансы тяжелого поражения слизистой оболочки пищевода у пациентов с МС выше, чем у пациентов без МС.

МС является проблемой современного человечества. У пациентов с МС зачастую присутствует ГЭРБ в анамнезе. Эти патологии очень негативно сказываются на качестве жизни пациентов. Лишний вес, одышка, повышенное давление, изжога, отрыжка, першение в горле — это лишь малая часть того, что приносит ежедневный дискомфорт. Пищеводные, внепищеводные симптомы ГЭРБ и компоненты метаболического синдрома взаимно отягощают друг друга, тем самым способствуя декомпенсации состояния. Постоянное нервное напряжение способствует развитию тревоги. Сочетание МС с ГЭРБ и тревоги, требует более внимательного диагностического и терапевтического подхода в каждом отдельном случае. Индивидуальный подход в плане назначения терапии и рекомендации по нормализации образа жизни помогут многим пациентам с данной патологией.

Литература:

1. Boutari C, Mantzoros CS. A 2022 update on the epidemiology of obesity and a call to action: as its twin COVID-19 pandemic appears to be receding, the obesity and dysmetabolism pandemic continues to rage on. *Metabolism*. 2022 Aug;133:155217. doi: 10.1016/j.metabol.2022.155217. Epub 2022 May 15. PMID: 35584732; PMCID: PMC9107388.
2. Осадчук М. А., Васильева И. Н., и др. Метаболический синдром как фактор риска онкогенеза. 2023.
3. Mayev I. V., Andreev D. N., Ovsepyan M. A., Barkalova E. V. Gastroesophageal reflux disease: risk factors, modern diagnostic capabilities and treatment optimization. *Medical advice*. 2022;16(7):16–26. <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2022-16-7-16-26>
4. Chatila A. T., Nguyen M. T. T., Krill T., Roark R., Bilal M., Reep G. Natural history, pathophysiology and evaluation of gastroesophageal reflux disease. *Dis Mon*. 2020;66(1):100848. DOI: 10.1016/j.disamonth.2019.02.001
5. Друк И. В., Усачева Е. В., и др. ГЭРБ, ожирение, бронхиальная астма: простое сочетание или сложное взаимодействие? Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2023.
6. Hsieh, YH., Wu, MF., Yang, PY. et al. What is the impact of metabolic syndrome and its components on reflux esophagitis? A cross-sectional study. *BMC Gastroenterol* 19, 33 (2019). <https://doi.org/10.1186/s12876-019-0950-z>
7. Zeng Y, Cao S, Yang H. The causal role of gastroesophageal reflux disease in anxiety disorders and depression: A bidirectional Mendelian randomization study. *Front Psychiatry*. 2023.
8. Lee SW, Chang CS. Impact of Overlapping Functional Gastrointestinal Disorders on the Quality of Life in Patients With Gastroesophageal Reflux Disease. 2021.

Возможность совершенствования экспресс-диагностики глюкозы капиллярной крови как фактор анестезиологического обеспечения и антистрессовой защиты пациентов в периоперационном периоде

Магомедалиева Айшат Магомеднабиевна, студент;

Сижажева Дисана Аслановна, студент;

Тимакова Ксения Алексеевна, студент;

Люфт Виктория Константиновна, студент;

Соболь Татьяна Александровна, студент

Научный руководитель: Щербак Ирина Борисовна, кандидат педагогических наук, методист;

Научный руководитель: Кипиани Юлия Владимировна, преподаватель

Медицинский колледж № 5 г. Москвы

Научный руководитель: Некрасов Олег Игоревич, врач анестезиолог-реаниматолог

Московский клинический научный центр имени А. С. Логинова

В статье рассматривается возможность совершенствования экспресс диагностики глюкозы капиллярной крови как фактора анестезиологического обеспечения и антистрессовой защиты пациентов в периоперационном периоде.

Ключевые слова: анестезиология, реаниматология, специальность

Possibility of improving express diagnostics of capillary blood glucose as a factor in anesthetic support and anti-stress protection of patients in the perioperative period

Keywords: anesthesiology, resuscitation, specialty

Гипергликемия — это наиболее частый признак критических состояний, таких как нарушения дыхания, кровообращения и хирургической патологии. Гипергликемия является результатом острых метаболических и гормональных изменений, ответственных за ответ организма на стресс. [1]

Сложный комплекс нейроэндокринной регуляции, запускающий первичные реакции стресса, необходим для двух главных целей — повысить производство энергии и увеличить кровоснабжение мозга и сердца в условиях агрессии, которую организму предстоит выдержать.

Реакция организма на травму или хирургическую агрессию сопровождается ростом энергетических процессов и высоким катаболизмом. Повышенный расход энергетических веществ при этом неизбежен, и если нет их внешнего поступления, то запасы организма истощаются очень быстро.

Подобное состояние повышенного расхода энергии в ответ на травму реализуется через стимуляцию симпатико-адреналовой системы. Главным энергетическим «сырьем» организма являются глюкоза и ненасыщенные жирные кислоты. Адреналин повышает уровень глюкозы в крови, стимулируя распад гликогена в печени, и мобилизует жирные кислоты из липидов, активизируя все три процесса образования энергии через биологическое окисление. [2]

В условиях шока или операционной агрессии в крови резко возрастает уровень глюкозы и свободных жирных кислот, которые содержатся главным образом в триглицеридах — основном их депо. Триглицериды находятся в организме преимущественно в виде липопротеидов низкой плотности (бета-липопротеидов), поступающих в кровь при стрессовом состоянии в больших количествах.

Таким образом, в усилении энергетического метаболизма при шоке или операционном стрессе участвует не только углеводная система (гликоген-глюкоза), но и фосфолипидный метаболизм, причем он покрывает около половины энергетических затрат. [3]

При проведении экспресс диагностики глюкозы в капиллярной крови пациентов важно получить результат, который по степени достоверности будет сопоставим с показателем глюкозы в артериальной крови, которая является золотым стандартом в диагностике. [3]

Однако установка артериального катетера сопровождается рядом издержек: финансовый аспект, энергозатратность, подготовка рабочего места, риск возникновения инфекционных осложнений.

Поэтому целью исследования стало выявление корреляции между уровнями гликемии, полученными методом экспресс диагностики и при помощи анализатора газов крови и электролитов в крови.

Соответственно задачами стали:

1. Выявление корреляции уровня гликемии между первой каплей капиллярной крови и артериальной крови
2. Выявление корреляции уровня гликемии между второй каплей капиллярной крови и артериальной крови
3. Выявление корреляции уровня гликемии между третьей каплей капиллярной крови и артериальной крови
4. Проведение сравнительного анализа и вычисление коэффициента корреляции Пирсона для первой, второй и третьей капли крови.

Исследование проводится на базе Московского клинического научного центра имени Логинава, отделения реанимации и интенсивной терапии в рамках детальности студенческого научного кружка по анестезиологии и реаниматологии.

В исследование включили пациентов, которым планируется длительное оперативное вмешательство.

После получения добровольного информированного согласия, пациентам была проведена пункция и катетеризация лучевой артерии с подключением инвазивного мониторинга гемодинамики. Каждому пациенту было проведено измерение гликемии в трех последовательных каплях капиллярной крови, а также в артериальной

На настоящий момент в исследование включено 30 человек, из которых 60 % женщины, 40 % — мужчины

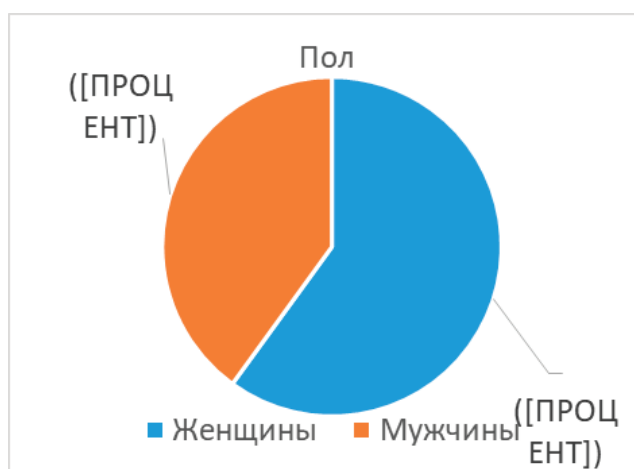


Рис. 1. Соотношение по полу

У 53 % респондентов в анамнезе есть сахарный диабет.

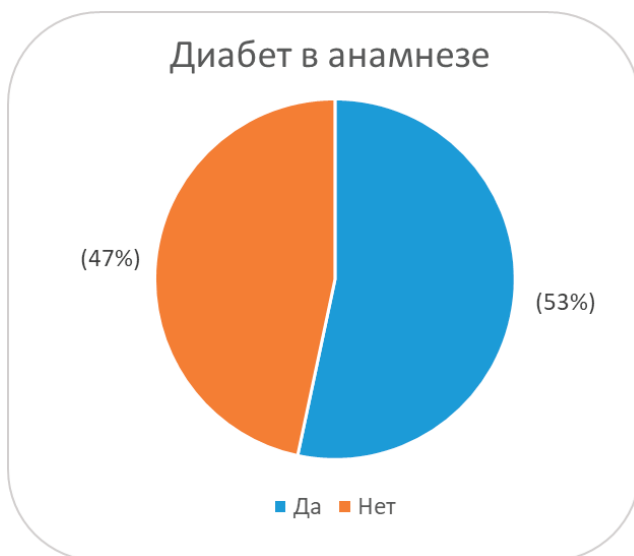


Рис. 2. Наличие диабета в анамнезе

Встречаемость сахарного диабета 2-го типа в выборке составила 75 %.

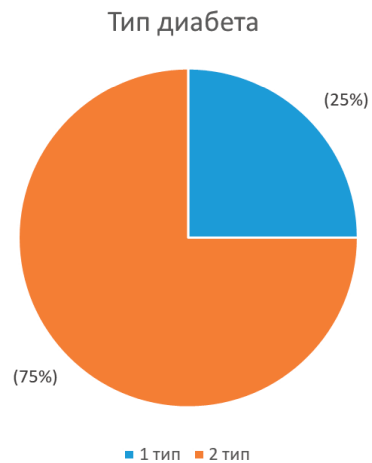


Рис. 3. Тип диабета в анамнезе

На рисунках 4, 5, 6 представлен график соотношения уровня гликемии между каплей капиллярной крови, который отображен зеленой линией, и артерией — соответственно красной линией. Как видим, графики очень схожи между собой.



Рис. 4. Соотношение 1 капли



Рис. 5. Соотношение 2 капли

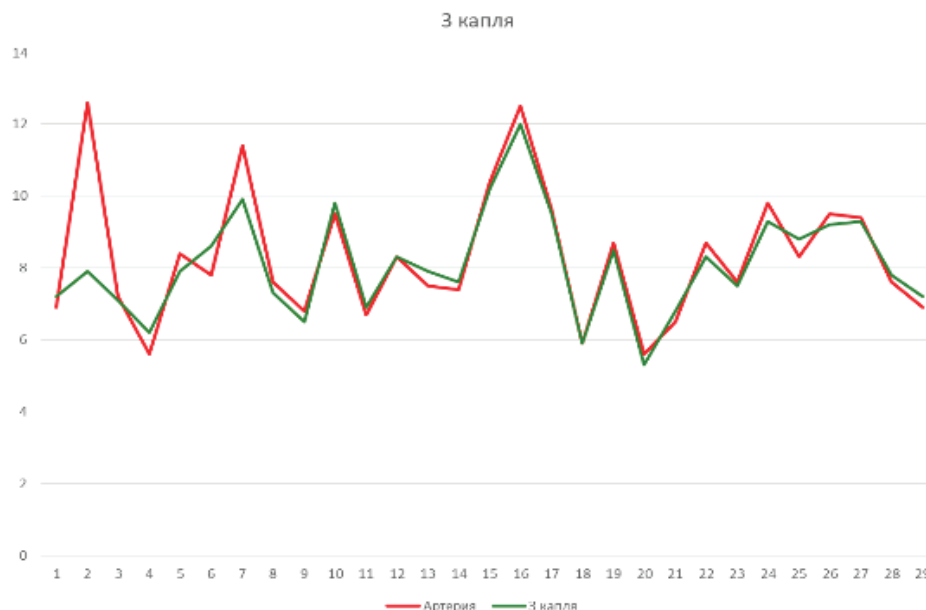


Рис. 6. Соотношение 3 капли

Для выявления корреляции между каплями капиллярной крови и артериальной был выбран коэффициент корреляции Пирсона — безразмерный индекс в интервале от $-1,0$ до $1,0$, который отражает степень линейной зависимости между двумя множествами данных. И чем ближе значение к единице, тем сильнее положительная линейная связь. Этот коэффициент был высчитан для каждой капли крови и имеет наибольшую силу для третьей капли, где составляет $0,87654$.

Таблица 1. Расчет коэффициента Пирсона для 1, 2 и 3 капли крови

	1 капля	2 капля	3 капля
r	r = 0,85265	r = 0,87620	r = 0,87654

По предварительным итогам исследования можно сделать вывод, о том, что наибольшая корреляция установлена между третьей каплей капиллярной крови и уровнем гликемии в артериальной. Работа в данном направлении еще не окончена, планируется увеличить количество пациентов, участвующих в исследовании для получения более точных и достоверных выводов.

Литература:

1. Анестезиология и реаниматология: учебник / под ред. О. А. Долиной. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2021. — 576 с.: ил. — ISBN 978-5-9704-6114-3. — Текст: электронный // ЭБС «Консультант студента»: [сайт]. — URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970461143.html>
2. Анестезиология и реаниматология: учебник / под ред. О. А. Долиной. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2021. — 576 с.: ил. — ISBN 978-5-9704-6114-3. — Текст: электронный // ЭБС «Консультант студента»: [сайт]. — URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970461143.html>
3. Овечкин, А. М. Безопиоидная аналгезия в хирургии: от теории к практике / Овечкин А. М., Яворовский А. Г. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2019. — 240 с. — ISBN 978-5-9704-4970-7. — Текст: электронный // ЭБС «Консультант студента»: [сайт]. — URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970449707.html>

ФАРМАЦИЯ И ФАРМАКОЛОГИЯ

Анализ возможности фармакотерапии деменции альцгеймеровского типа

Злобина Вероника Андреевна, студент;

Акимкин Николай Владимирович, студент

Научный руководитель: Галкин Алексей Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент

Кировский государственный медицинский университет

Актуальность: В связи с увеличением средней продолжительности жизни населения наблюдается рост числа случаев деменции, в особенности альцгеймеровского типа. Это создает серьезную нагрузку на систему здравоохранения и требует разработки эффективных терапевтических подходов. На сегодняшний день радикальное излечение болезни Альцгеймера недостижимо. Фармакотерапия направлена на замедление прогрессирования симптоматики и улучшение качества жизни пациентов, что обуславливает необходимость детального анализа существующих и разрабатываемых лекарственных препаратов.

Цель: Осуществить всесторонний анализ текущих и перспективных фармакотерапевтических подходов к лечению деменции альцгеймеровского типа, включая оценку их эффективности.

Материалы и методы исследования: Анализ и формализация современных литературных данных об артериальной гипертензии и принципах ее лечения с помощью компьютерного пакета Word.

Результат: Болезнь Альцгеймера — первичное дегенеративное церебральное заболевание неизвестной этиологии. Она проявляется специфическими нейрохимическими, нейроморфологическими психопатологическими признаками. Установлено, что в ее основе лежит прогрессирующий центральный ацетилхолинергический дефект. Нейрогистологические изменения по мере развития болезни захватывают гиппокамп, базальные отделы коры, затем — задневисочные и теменные отделы коры, при тяжелой деменции — лобные отделы мозга [1]. Основные симптомы деменции включают в себя: прогрессирующую амнезию, когнитивные расстройства (трудности с планированием, решением задач, восприятием пространства), психические изменения (депрессия, тревожность, раздражительность или социальная изоляция) и постепенное снижение интеллектуальных способностей.

Объяснение возможных причин развития заболевания базируется на трех основных конкурирующих гипотезах. Первая гипотеза предполагает накопление амилоидных бета-отложений. Происходит аномальное накопление бета-амилоида (A β), формирующегося из белка-предшественника амилоида (APP). Накопление A β в виде бляшек между нейронами рассматривается как один из ранних патологических признаков болезни Альцгеймера. Вторая гипотеза связана с фосфорилированием тау-белка. Тау — это белок, стабилизирующий микротрубочки в нейронах. При болезни Альцгеймера происходит его патологическое фосфорилирование, что приводит к образованию нейрофибриллярных клубков (NFT), нарушающих транспорт веществ внутри клеток, что в итоге вызывает гибель нейронов и потерю их функций. Третья гипотеза — холинергическая, согласно которой болезнь Альцгеймера обусловлена снижением синтеза нейромедиатора ацетилхолина.

Исходя из патогенеза болезни Альцгеймера, подходы к её лечению охватывают несколько направлений.

Дефицит ацетилхолина лежит в основе когнитивных нарушений и опосредует выраженность и характер клинических проявлений заболевания. В основном, на настоящий момент, в лечении болезни Альцгеймера используются ингибиторы холинэстеразы. Последнее поколение этих лекарственных средств отличается пролонгированным эффектом и может назначаться один (донепезил) или два (галантамин, ривастигмин) раза в сутки [2].

В терапевтической практике также применяются антагонисты NMDA-рецепторов, представителем которых является Мемантин. Эффективность Мемантина зависит от дозировки и продолжительности курса лечения. Исследования демонстрируют улучшение двигательных функций и снижение когнитивных нарушений на фоне применения препарата. Предполагается, что лечебный эффект Мемантина связан не только с воздействием на NMDA-рецепторы, но и с влиянием на высвобождение дофамина в префронтальной коре головного мозга. Вероятно также опосредованное влияние глутаматергической медиаторной системы на другие системы мозга. Кроме того, Мемантин обладает нейропротекторными свойствами. Наиболее частым побочным эффектом Мемантина является психомоторное возбуждение, однако препарат в целом хорошо переносится и подходит для длительного применения.

Ацетилкарнитин также используется для лечения деменции. Он выступает в роли нейропротектора, предохраняя клетки и их органеллы, особенно митохондрии, а также является трофическим фактором, способствующим восстановлению клеточной структуры. Нейротрофическая и нейропротективная эффективность ацетилкарнитина подтверждена в различных исследованиях, в том числе, его воздействием на активность фактора роста нейронов. Ввиду структурного сходства с ацетилхолином, ацетилкарнитин проявляет холиномиметическое действие, стимулируя синтез ацетилхолина из холина в мозге млекопитающих и служа донором активированных ацетильных групп. Он также способен модулировать функции как холинергической, так и дофаминергической систем.

Снизить патологическое влияние амилоида можно посредством лекарств, которые воздействуют на процесс его формирования или способствуют его сокращению в тканях мозга. К таковым относятся ингибиторы β -секретазы — фермента, задействованного в расщеплении предшественника амилоидного белка (APP) на бета-амилоиды. Подавление данного фермента может привести к уменьшению концентрации А β . Сейчас ряд подобных препаратов проходит клинические исследования, но ни один из них пока не разрешен для клинического использования. Кроме того, существуют ингибиторы γ -секретазы, также участвующие в расщеплении APP, способные снизить формирование бета-амилоида. Отдельные медикаменты этого класса проходят клинические испытания, но их успехи пока невелики. Помимо этого, разрабатываются моноклональные антитела, нацеленные на А β , способствующие его удалению из мозга и предотвращению образования бляшек. Примером такого препарата является Адуканумаб (Aduhelm) — первый препарат, одобренный FDA для лечения болезни Альцгеймера, призванный снизить уровень бета-амилоида в мозге. Тем не менее, эффективность и безопасность препарата до сих пор вызывают дискуссии, так как у пациентов наблюдались различные побочные эффекты. В этой связи была разработана новая версия — Леканемаб (Leqembi), также направленная на А β и показавшая свою эффективность в ходе клинических испытаний.

Данные анализа можно представить в сравнительной таблице.

Класс препаратов	Препарат	Механизм	Преимущества	Показания	Побочные эффекты	Стоимость
Ингибиторы холинэстеразы	Донепезил [3]	Блокирует ацетилхолинэстеразу головного мозга и периферических тканей, аллостерически повышает активность Н-холинорецепторов	Обладает длительным периодом полувыведения, что позволяет принимать препарат 1 раз в сутки.	Симптоматическое лечение деменции альцгеймеровского типа лёгкой или средней степени тяжести	Брадикардия, синусовая блокада, AV-блокада. Обморок, повышенная утомляемость, головокружение, головная боль, бессонница, диарея, тошнота, рвота, диспепсия, анорексия, желудочно-кишечные расстройства, кровотечения из ЖКТ, язвы желудка и двенадцатиперстной кишки,держание мочи., боль различной локализации	1759 р. Стоимость курса лечения — 2638,5. Первичный курс длится 6 недель. Курс имеет продолжение, если имеется терапевтический эффект
Ингибиторы холинэстеразы	Ривастигмин [4]	Препятствует разрушению ацетилхолина, селективно повышает содержание ацетилхолина в коре головного мозга и гиппокампе, облегчает холинергическую передачу, улучшает когнитивные процессы при болезни	Снижает риск развития делирия. Препарат может быть полезен пациентам с уже развившимся делирием на фоне инсульта. Уменьшает частоту возникновения зрительных галлюцинаций у пациентов с деменцией	Уменьшение частоты возникновения зрительных галлюцинаций у пациентов с деменцией	Повышенная утомляемость, астения, головокружение, головная боль, сонливость, возбуждение, бессонница, нарушения ориентации, депрессия, тремор. тошнота, рвота, диарея, боль в животе, анорексия, диспепсия, аллергические реакции, потливость, снижение массы тела, инфекция верхних дыхательных путей и мочевыводящих путей	652 р. Стоимость курса лечения — 1956. Курс продолжается, пока сохраняется терапевтический эффект. Первичный курс длится 3 месяца

Класс препаратов	Препарат	Механизм	Преимущества	Показания	Побочные эффекты	Стоимость
Метаболическое средство	Ацетилкарнитин [5]	За счет полноценного энергетического обеспечения организма при меньшем потреблении кислорода тканями АЛК защищает ткани мозга от ишемии. Благодаря своему структурному сходству с ацетилхолином, АЛК оказывает холиномиметическое действие, а также проявляет нейропротективные свойства	Ацетилкарнитин замедляет процессы старения за счёт усиления транспорта жирных кислот в митохондрии. Обеспечивает полноценное энергетическое обеспечение при меньшем потреблении кислорода тканями	Деменция альцгеймеровского типа легкой или умеренной степени тяжести, в т. ч. с хроническими нарушениями мозгового кровообращения	Аллергические реакции. Тошнота, изжога. Гастралгия, диспепсия. Мышечная слабость (у пациентов с уреимией). Беспокойство. Появление специфического запаха у мочи, пота и изо рта	738 р. Стоимость курса — 2952 р. Длительность первичного курса — 4 месяца
Ингибиторы холинэстеразы	Галантамин [6]	Обратимо ингибирует ацетилхолинэстеразу, усиливает и удлиняет действие эндогенного ацетилхолина	Возможность использования для лечения позитивных, когнитивных и негативных симптомов шизофрении.	Для симптоматического лечения деменции альцгеймеровского типа лёгкой и средней тяжести	Тремор, синкопе, заторможенность, извращение вкуса, зрительные и слуховые галлюцинации, поведенческие реакции, депрессия), апатия, параноидные реакции, повышение либидо, делирий, снижение или повышение артериального давления, ортостатический коллапс, сердечная недостаточность, отёки, атриовентрикулярная блокада, трепетание или мерцание предсердий, вздутие живота, диспепсия, желудочно-кишечный дискомфорт, анорексия, диарея, абдоминальная боль, тошнота, рвота, гастрит, дисфагия	2819 р. Стоимость курса — 5638 р. Первичный курс длится 2 месяца, продолжается при наличии терапевтического эффекта

Класс препаратов	Препарат	Механизм	Преимущества	Показания	Побочные эффекты	Стоимость
Антагонисты NMDA-рецепторов	Мемантин [7]	Связывается преимущественно с открытыми кальциевыми каналами, управляемыми NMDA-рецепторами, в состоянии покоя и блокирует поток ионов, уменьшая негативное влияние патологически повышенного уровня глутамата	Хорошая переносимость. Долгосрочные исследования показывают хорошую переносимость мемантина с приемлемым профилем побочных эффектов. Выраженное нейропротекторное действие. Мемантин предотвращает развитие нейродегенеративных изменений в ткани головного мозга	Деменция (альцгеймеровского типа, сосудистая, смешанная деменция всех степеней тяжести)	Реакции гиперчувствительности, сонливость, спутанность сознания, галлюцинации, головокружение, нарушения равновесия, судороги, повышение артериального давления, сердечная недостаточность, венозный тромбоз и/или тромбоз болячая., запор, рвота, тошнота	1060 р. Стоимость курса — 3180 р. Первичный курс длится 3 месяца
Ингибиторы β-секретазы	Адуканумаб [8]	Связывается с бета-амилоидом в количестве 3–7 аминокислот, это приводит к замедлению прогрессирования болезни Альцгеймера	В отличие от симптоматического лечения, «Адуканумаб» воздействует на конкретную патологическую особенность болезни Альцгеймера, предлагая более прямой подход к лечению	Деменция легкой степени	Отек мозга (эдема), небольшие кровоизлияния в мозг, головная боль, спутанность сознания, головокружение или нарушения зрения. Реакции гиперчувствительности, аллергические реакции, включая зуд, сыпь и отек	Препарат невозможно приобрести в России. 56000 \$

Заключение

Несмотря на доступность ряда лекарственных средств, таких как мемантин, донепезил, галантамин, ривастигмин, ацетилкарнитин и адуканумаб, эффективность их применения в лечении болезни Альцгеймера недостаточна:

— Ограниченная эффективность. Многочисленные исследования свидетельствуют, что данные медикаменты способны лишь незначительно притормозить развитие заболевания или обеспечить кратковременное улучшение когнитивных показателей. В подавляющем большинстве случаев получаемый эффект не достигает выраженности, достаточной для существенного улучшения качества жизни пациентов.

— Побочные эффекты. Использование этих лекарств может сопровождаться разнообразными побочными эффектами, потенциальные риски от которых иногда перевешивают возможные преимущества, что ставит под сомнение целесообразность их назначения.

— Недостаточная доказательная база. Адуканумаб, хотя и олицетворяет собой новый терапевтический подход, подвергается критике в связи с дефицитом убедительных доказательств его эффективности и внушительной стоимостью. Это вызывает вопросы о его целесообразности применения в клинической практике.

Как итог, при наличии определенных преимуществ у существующих лекарств, их неспособность обеспечить значительное улучшение состояния пациентов подчеркивает необходимость продолжения исследований и поиска новых стратегий лечения болезни Альцгеймера.

Литература:

1. Энциклопедия РЛС, Классификация МКБ-10, F00-F09 Органические, включая симптоматические, психические расстройства, F00 Деменция при болезни Альцгеймера (G30+)
2. Тихонова О. О. Фармакотерапия болезни Альцгеймера // Успехи современного естествознания. 2014. № 6. С. 110–111
3. Энциклопедия РЛС, Указатель действующих веществ, Донепезил.
4. Энциклопедия РЛС, Указатель действующих веществ, Ривастигмин.
5. Энциклопедия РЛС, Указатель действующих веществ, Ацетилкарнитин.
6. Энциклопедия РЛС, Указатель действующих веществ, Галантамин.
7. Энциклопедия РЛС, Указатель действующих веществ, Мемантин.
8. Громова Д. О. Новое в терапии болезни Альцгеймера // Поведенческая неврология. 2021. № 2. С. 48–55.

ЭКОЛОГИЯ

Особенности термической утилизации особо опасных отходов

Трофимов Сергей Сергеевич, студент

Научный руководитель: Аникина Елизавета Вячеславовна, кандидат биологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье автор определяет виды отходов и их способы утилизации под действием высоких температур.

Ключевые слова: отходы, термический метод, сжигание, пиролиз.

Введение

В современном мире проблема утилизации отходов становится все более актуальной. Большую угрозу представляют собой особо опасные отходы, которые могут нанести серьезный вред окружающей среде и здоровью человека. Одним из эффективных способов утилизации таких отходов является термическая обработка. Термическая утилизация — это процесс обработки отходов, при котором происходит их сжигание или термическое разложение. Этот метод позволяет уничтожить опасные вещества, содержащиеся в отходах, и превратить их в безопасные соединения. В данной работе целью является рассмотрение особенностей термической утилизации особо опасных отходов, ее преимущества и недостатки, а также требования, предъявляемые к процессу.

Я поставил следующие задачи:

- 1) Узнать о видах отходов, категориях и для чего требуется их устранение.
- 2) Разобраться в тонкостях термической утилизации, её методах и требованиях.

Одной из наиболее острых экологических проблем в настоящее время является загрязнение окружающей природной среды отходами производства и потребления и в первую очередь опасными отходами. Сконцентрированные в отвалах, хвостохранилищах, терриконах, несанкционированных свалках отходы являются источником загрязнения атмосферного воздуха, подземных и поверхностных вод, почв и растительности.

Все отходы подразделяют на естественные (природные) и антропогенные. Антропогенные делятся на отходы производства (сельскохозяйственные и промышленные) и бытовые отходы.

Бытовые отходы могут находиться как в твердом, так и жидком и реже — в газообразных состояниях. Твердые бытовые отходы (ТБО) — совокупность твердых веществ

(пластмасса, бумага, стекло, кожа и др.) и пищевых отходов, образующихся в бытовых условиях. Жидкие бытовые отходы представлены в основном сточными водами хозяйственно-бытового назначения. Газообразные — выбросами различных газов.

Производственные отходы представляют собой оставшиеся продукты сырья, материалов и полуфабрикатов, возникающие в процессе изготовления товаров или выполнения работ и утратившие свои первоначальные потребительские характеристики. Они могут быть представлены в различных агрегатных состояниях: твердые (например, металлические отходы, пластик, древесина), жидкие (такие как промышленные сточные воды, использованные органические растворители) и газообразные (например, выбросы из промышленных печей и автомобильного транспорта).

Аналогично бытовым отходам, производственные отходы часто оказываются на нелегальных свалках из-за нехватки специализированных полигонов для захоронения. Лишь небольшая часть, около 20 %, подвергается обезвреживанию и переработке. Наибольший объем промышленных отходов образуется в угольной промышленности, металлургии (черной и цветной), теплоэнергетике и производстве строительных материалов.

Утилизация особо опасных отходов направлена на устранение их негативного воздействия путем обеззараживания или захоронения, чтобы предотвратить ущерб здоровью населения и сохранить экологическое равновесие. Если в ходе производственных процессов образуются отходы с высоким уровнем опасности, то правильная переработка позволяет полностью их нейтрализовать и избежать штрафных санкций [4].

Отходы классифицируются как особо опасные, если они являются источником радиации, вызывают коррозию, способствуют распространению инфекций или негативно влияют на качество воздуха, воды и почвы. Такие

материалы не подлежат вторичной переработке, и для их нейтрализации применяются специализированные методы.

1. Механические методы: дробление, прессование и другие способы физического изменения формы отходов с целью уменьшения их объема и облегчения дальнейшей обработки.

2. Физические методы: использование ультразвука, ультрафиолетового излучения, электрического тока и других физических воздействий для изменения свойств отходов и снижения их токсичности.

3. Химические методы: применение химических реагентов для взаимодействия с токсичными веществами в составе отходов, что приводит к их нейтрализации или снижению концентрации.

4. Термические методы: включают различные виды термической обработки, такие как пиролиз, сжигание и другие процессы, при которых происходит разрушение токсичных соединений.

5. Ликвидационные методы: захоронение особо опасных отходов на специально оборудованных полигонах, где обеспечивается их безопасное хранение и изоляция от окружающей среды.

Выбор метода зависит от характеристик отходов, их класса опасности и требований законодательства. Важно помнить, что процесс нейтрализации должен проводиться специализированными предприятиями, имеющими лицензию на работу с опасными отходами.

Также есть категории опасности, среди которых:

— чрезвычайно опасные отходы, которые могут нанести непоправимый вред окружающей среде и человеку. К ним относятся радиоактивные, химически и биологически опасные отходы.

— высокоопасные отходы, которые могут привести к серьезному нарушению эко-среды, её восстановление займет не менее 30 лет. К таким отходам относятся аккумуляторы, батарейки, остатки нефтепродуктов, пиротехника, вещества, содержащие мышьяк, свинец и др.

— умеренно опасные отходы, восстановление экосистем после которых займет не менее 10 лет. К ним относятся бытовая химия, навоз, птичий помет, медные проволки, моторное масло и некоторые строительные отходы.

— малоопасные отходы, наносящие небольшой вред окружающей среде, но требующие специальной утилизации. К ним относятся предметы, прошедшие обработку химическими веществами, строительный мусор, бытовая техника и электроника.

Утилизация и обезвреживание особо опасных отходов требуют особого подхода и соблюдения строгих мер безопасности. Часть отходов подвергается обезвреживанию на специальных предприятиях, где установлено оборудование, позволяющее уменьшить их токсичность.

Термическая обработка отходов — это процесс, при котором отходы подвергаются воздействию высоких температур с целью их обезвреживания, уменьшения объема и массы, а также извлечения полезных ресурсов. Таким

способом при термической переработке выделенные для переработки отходы производства и потребления превращаются в возобновляемые источники энергии.

Наиболее распространенным и простым способом термической переработки твердых коммунальных отходов (ТКО) является обычное сжигание. Этот процесс представляет собой окисление органических компонентов отходов в специализированных печах. Однако, существенным минусом этого метода является его негативное воздействие на окружающую среду [2]. При сгорании органических веществ в атмосферу выделяются вредные вещества, такие как углекислый газ, оксиды азота и серы, угарный газ, бензапирен, диоксины, а также образуется зола с высоким содержанием тяжелых металлов. Для минимизации выбросов требуется установка дорогостоящих систем очистки газов. Кроме того, в результате сжигания образуются шлаки, требующие дополнительной утилизации. Еще одним недостатком является невысокая эффективность использования тепловой энергии, обычно не превышающая 65 %. Таким образом, простое сжигание сложно назвать экологически чистым и ресурсосберегающим методом утилизации ТКО.

В качестве альтернативы сжиганию предлагается пиролиз — термическое разложение отходов в условиях недостатка или отсутствия кислорода. Пиролиз классифицируют на низкотемпературный (450–900 °C) и высокотемпературный (выше 900 °C) в зависимости от температуры процесса и соотношения получаемых продуктов. Низкотемпературный пиролиз дает больше жидких продуктов и твердого остатка, тогда как высокотемпературный — преимущественно газ. Преимуществом пиролиза является более безопасное хранение и захоронение продуктов, так как тяжелые металлы переходят в золу, не восстанавливаясь. Однако, пиролиз также требует очистки дымовых газов. Полученный пиролизный газ, после фракционирования, осушки и очистки, используется как вторичное топливо, что приводит к выбросам загрязняющих веществ в атмосферу. Но количество отходящих газов при пиролизе значительно меньше, чем при сжигании, что снижает затраты на очистку.

Газификация — это термическая обработка органических ТКО в присутствии окислителя (воздуха, кислорода, водяного пара) с получением синтез-газа и минерального остатка. В процессе газификации органические соединения частично окисляются при высокой температуре (от 700 °C), разлагаясь на твердый остаток (углерод) и летучие вещества (оксид углерода и водород). Эти газы используются для обогрева реакторов газификации и выработки энергии. Газификация также способствует окислению токсичных веществ, содержащихся в ТКО, что требует применения сложного оборудования для очистки и осушки синтез-газа. Недостатками технологии являются низкий выход синтез-газа и высокое содержание тяжелых металлов в золе.

Менее распространенный способ термической обработки отходов — сжигание RDF-топлива (Refuse Derived

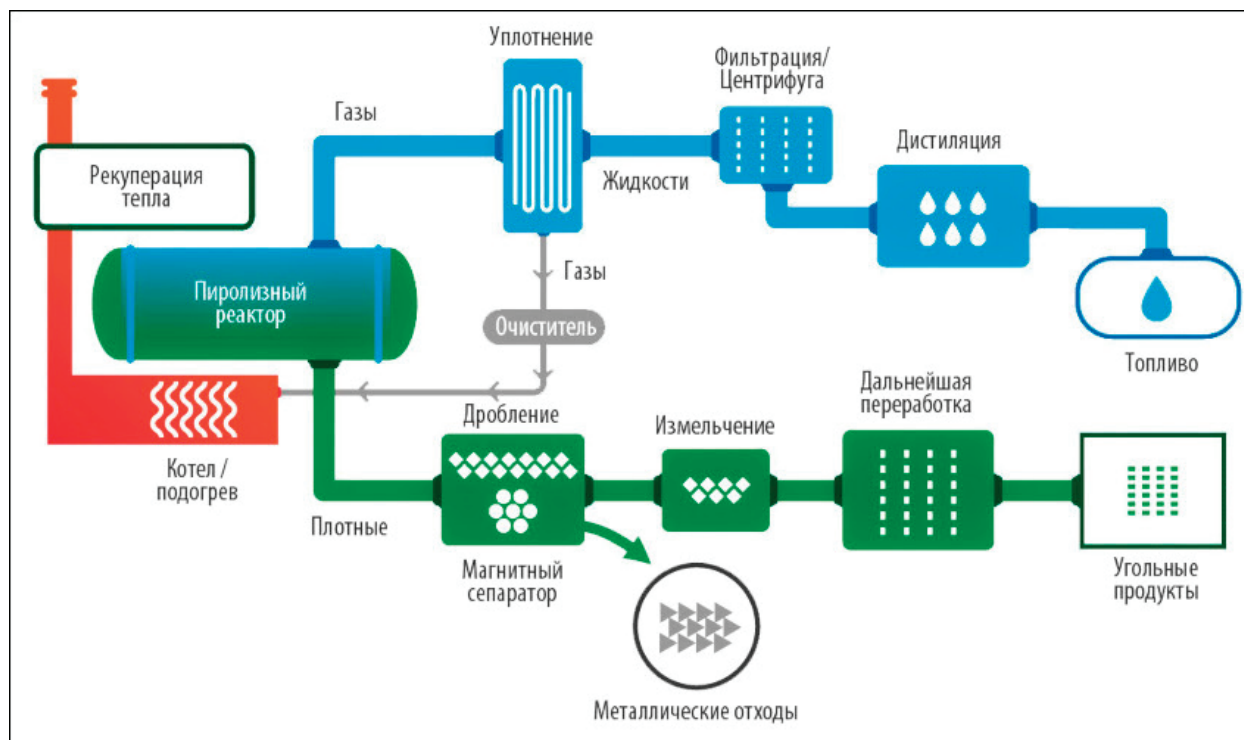


Рис. 1. Пиролиз

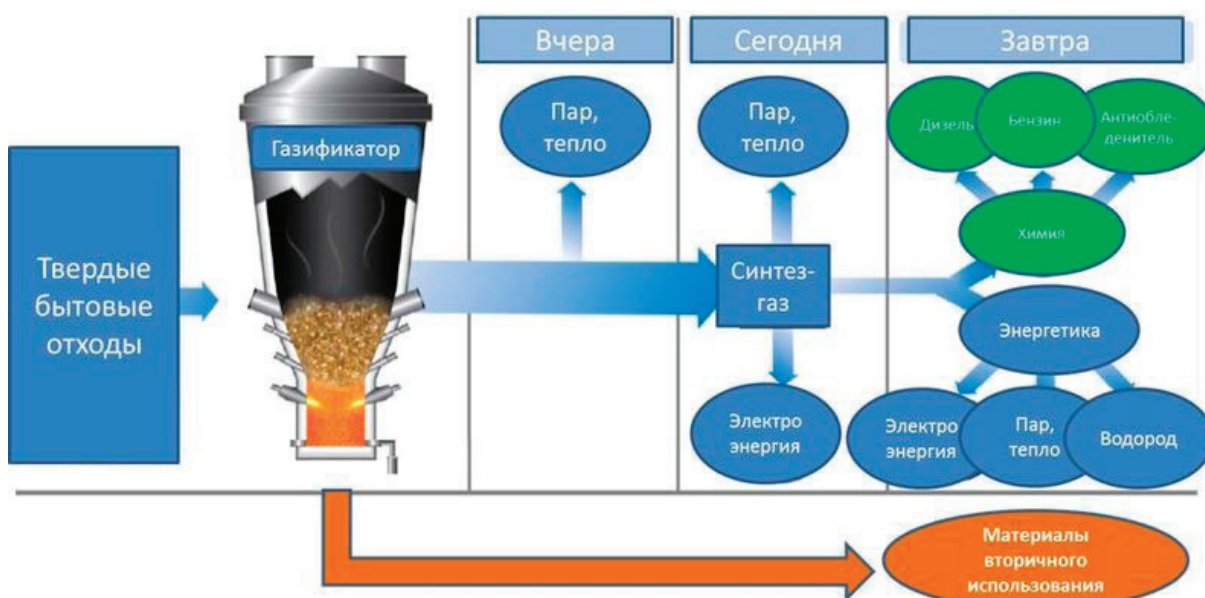


Рис. 2. Газификатор отходов

Fuel), изготовленного из подготовленных отходов, в цементных печах. Этот метод предполагает предварительную сортировку твердых коммунальных отходов с извлечением фракций, пригодных для дальнейшей переработки. Затем отобранные материалы подвергаются сушке, прессованию и гранулированию для получения топлива с высокой теплотворной способностью и минимальным содержанием компонентов, выделяющих опасные вещества при горении [1].

Реализация этой технологии требует инвестиций в строительство мусоросортировочных комплексов. Для

достижения экономической выгоды от использования RDF рекомендуется устанавливать необходимое оборудование на уже существующих сортировочных предприятиях. Экономическая эффективность метода обусловлена более высокой теплоотдачей RDF по сравнению с природным газом, что позволяет сократить объемы потребляемого топлива.

Сжигание RDF оказывает менее вредное воздействие на экологию, чем традиционное сжигание, пиролиз и газификация. Это обусловлено эффективным удалением загрязняющих веществ из отходящих газов благодаря высоким

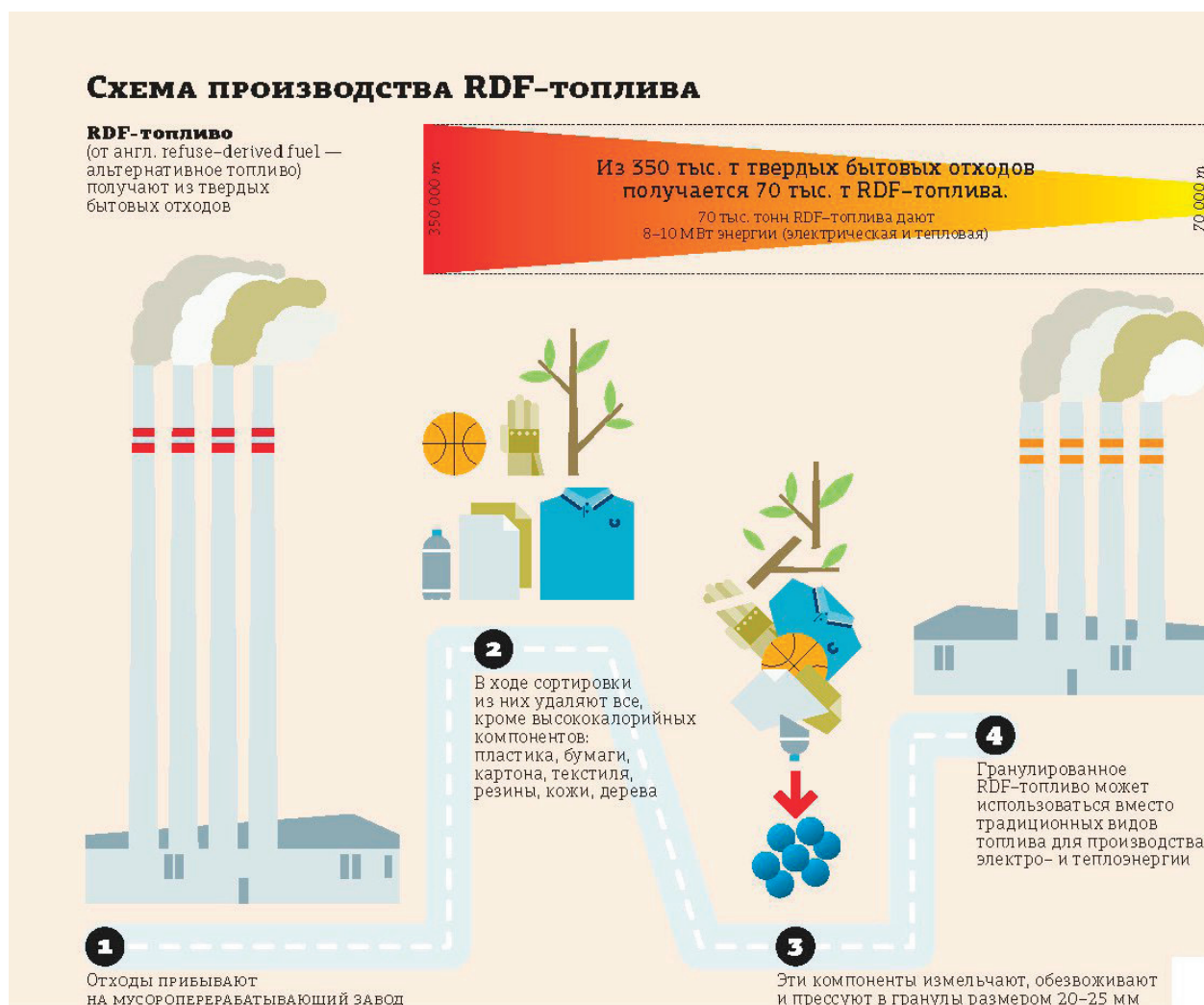


Рис. 3. Схема производства RDF-топлива

температурам (около 1700 °С), достигаемым в цементных печах. Альтернативные методы термической обработки не обеспечивают столь высоких температур. Таким образом, рассмотрев основные термические методы утилизации ТКО, можно сделать вывод, что оптимальным ресурсосберегающим и экологичным способом является сжигание RDF-топлива. Однако такая технология требует предварительной сортировки ТКО и дополнительного оборудования, т. к. в топливе не должно присутствовать опасных веществ. Широкое внедрение метода позволит утилизировать значительную часть отходов с получением продукта без ухудшения качества окружающей среды.

Для термической обработки особо опасных отходов требуется формирование достаточного человеческого потенциала, финансовых и научно-технических возможностей. Эффективное управление деятельностью в области сжигания отходов играет ключевую роль. Важно также обеспечить плотность населения и образование отходов, близость к объекту утилизации и удаления отходов, а также эффективную транспортную сеть. Планирование промышленной площадки и прилегающей территории должно учитывать мнение общественности. Отходы должны быть преобразованы в газ перед сжиганием, при

этом газификация должна быть быстрой для достижения высокой эффективности сгорания. Для этого жидкость распыляется на мелкие капли в точке смешивания воздуха/топливо топки. Размер и характер взвешенных частиц в потоке газа влияет на скорость сгорания твердых веществ. Энергоемкость отходов имеет основополагающее значение для проектирования и эксплуатации систем их сжигания. Достаточность количества воздуха, поступающего в зону горения, важна для эффективного сжигания отходов. Избыточный воздух вызывает охлаждение, поэтому его подачу необходимо тщательно контролировать. Конечное размещение отходов должно осуществляться экологически безопасным образом, с надлежащим учетом опасности материалов и возможностью снижения этих опасностей посредством предварительной обработки

Заключение

Благодаря ознакомлению с данной темой стало известно об угрозе отходов и необходимости их утилизации, узнали о подразделении отходов на промышленные и бытовые, механические, термические, химические и другие, что существуют как малоопасные, так и чрезвычайно

опасные отходы. Далее мы проанализировали способы термической утилизации опасных отходов и пришли к выводу, что наиболее выгодным и экологически безопасным является сжигание RDF-топлива. Несмотря на некоторые

ограничения, термические методы остаются важными инструментами в арсенале современных технологий управления отходами, способствуя снижению их объема и обеспечению экологической безопасности.

Литература:

1. Бернадинер И. М., Александрова Е. Ю. Использование RDF и отработавших автомобильных покрышек в цементной печи [Электронный ресурс] // Вестник ПНИПУ. Прикладная экология. Урбанистика. — 2018. — № 2 (30). — С. 47–59. — DOI: 10.15593/2409–5125/2018.02.04.
2. Козловский В. А., Колясников С. А. Строительство и использование заводов по термической переработке отходов как этап развития технологий зеленой экономики // Экономика и управление: теория и практика. — 2022. — Т. 8, № 1. — С. 31–36.
3. Налетов И. Д., Амосов Н. Т. Влияние процесса утилизации твердых бытовых отходов на окружающую среду // Неделя науки СПбПУ: материалы научной конференции с международным участием. Институт энергетики и транспортных систем. — Ч. 1. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. — 248 с.
4. Поташников Ю. М. Утилизация отходов производства и потребления: учебное пособие. — Тверь: Изд-во ТГТУ, 2004. — 107 с.
5. Сазонов Э. В. Экология городской среды: учебное пособие для среднего профессионального образования. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2019. — 275 с.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Земельная реформа в Японии после Второй мировой войны и современное состояние сельскохозяйственного землепользования в Японии. Реформы Ладежинского

Кузнецов Илья Валентинович, студент
Институт стран Востока (г. Москва)

В статье рассматривается эволюция сельскохозяйственной модели Японии в результате земельных реформ Ладежинского, как заложивших основы современной модели японского сельского хозяйства. Автор анализирует политическую и экономическую конъюнктуру в послевоенной Японии и влияние политических и экономических факторов на процессы, протекавшие в сельскохозяйственной отрасли и на структуру сельскохозяйственного землепользования. Автор описывает влияние процессов, протекавших в Японии на формирование современной модели японского сельского хозяйства. Анализируется и описывается послевоенная земельная реформа в Японии.

Ключевые слова: Япония, сельское хозяйство, землепользование, земельные реформы, Вольф Ладежинский

Land reform in Japan after The Second World war and the current state of agricultural land use in Japan. The reforms of Ladezhinsky

Kuznetsov Ilya Valentinovich, student
Institute of Oriental Countries (Moscow)

The article examines the evolution of Japan's agricultural model as a result of Ladezhinsky's land reforms, which laid the foundations for the modern model of Japanese agriculture. The author analyzes the political and economic situation in post-war Japan and the influence of political and economic factors on the processes that took place in the agricultural industry and on the structure of agricultural land use. The author describes the influence of the processes that took place in Japan on the formation of the modern model of Japanese agriculture. Post-war land reform in Japan is analyzed and described.

Keywords: Japan, agriculture, land use, land reforms, Wolf Ladezhinsky.

*Who till the soil of Japan shall have a right and equal
opportunity to enjoy the fruits of their labour.*

*General MacArthur, land-reform directive
of 15th December 1945*

Введение

История японского землепользования разительно отличается как от европейских, так и от остальных азиатских путей развития сельского хозяйства и землепользования. Япония прошла довольно нетипичный путь развития от феодального землевладения до современного. В настоящее время в Японии преобладает мелкая и средняя собственность на землю, что является результатом сложного

и долгого эволюционного пути японского землевладения и землепользования. Нельзя сказать, что этот путь был полностью эволюционно-естественен, равно как нельзя назвать этот путь и полноценно капиталистическим путем развития земельно-рыночных отношений, хотя Япония за свою современную историю, безусловно, не переживала никаких социалистических экспериментов в экономике.

Отход от феодальных форм землевладения в Японии начался сравнительно поздно: первые земельные ре-

формы были проведены только в эпоху Мэйдзи, во второй половине XIX века. На начальных этапах реформ Мэйдзи императорскому правительству удалось передать часть земель землевладельцев в собственность крестьянам, в основном, в обмен на политические уступки, однако неравенство и крупное землевладение в сельских общинах сохранялось. На эту квазифеодальную земельную систему накладывался постоянный рост населения Японии, которое всё ещё оставалось преимущественно сельским, вопреки успехам японской индустриализации. Данные реформы не смогли полностью устранить феодальные пережитки в сельском хозяйстве и поместное землевладение. Японское безземельное и малоземельное крестьянство того времени все еще находилось в неравном и невыгодном положении по отношению к крупным землевладельцам и арендодателям.

В эпоху Мэйдзи, Тайсё и довоенную эпоху Сёва японский крестьянин все еще оставался на одной из низших ступеней иерархии японского общества, чему способствовала и все еще сохраняющаяся традиционность японской общественно-политической структуры.

Положение дел стало меняться только после Второй мировой войны, с установлением на территории Японии режима союзной оккупации во главе с Дугласом МакАртуром. Важнейшую роль в земельных реформах союзной оккупационной администрации сыграли советник по аграрной реформе при Командовании союзными оккупационными войсками в Японии Вольф Исаакович Ладежинский и японский социалист Хироо Вада.

Именно благодаря реформам Ладежинского и Хироо Вады, японское сельское хозяйство и землепользование обрело свой современный вид преимущественного мелкого и среднего землепользования. Основным постулатом реформы Ладежинского было обеспечение крестьян землей при помощи государства, которое должно было выкупить землю у крупных помещиков, разбить ее на небольшие участки и продать мелким крестьянам в рассрочку на 30 лет. В результате этой реформы, в Японии появился новый класс мелких фермеров-собственников, а левые настроения в селе практически сошли на нет.

В настоящее время в Японии, несмотря на развитие агропромышленной интеграции и появление крупных агрохолдингов и фермерских хозяйств, большей частью все еще сохраняется мелкая и средняя структура собственности на землю, при значительной роли сельскохозяйственных и фермерских кооперативов в аграрном секторе экономики. Однако сельскому хозяйству Японии в настоящее время присуща тенденция на укрупнение сельскохозяйственной отрасли, а также ряд других проблем.

В данной работе мы подробнее рассмотрим и проанализируем земельные реформы эпохи Мэйдзи и реформы Ладежинского, а также проведем анализ современного состояния сельского хозяйства и землепользования в Японии.

Земельная реформа Ладежинского

Политическое сопровождение земельной реформы: режим и реформы администрации МакАртура Перед тем как перейти напрямую к рассмотрению послевоенной земельной реформы, автор считает нужным рассмотреть и более глобальные политические и экономические реформы и процессы, происходившие в Японии того времени, поскольку полагает невозможным рассматривать процесс реформирования землепользования в отрыве от иных политических реформ, а сельское хозяйство, как важнейшую и неотъемлемую часть экономики, — в отрыве от общей экономической картины.

В результате поражения Японии во Второй мировой войне в стране был установлен оккупационный режим союзной администрации под руководством генерала Дугласа МакАртура. Несмотря на то, что хотя вся полнота власти в государстве и находилась в руках оккупационной администрации и её командования, выступавшего от имени союзных держав, политика оккупационной администрации проводилась не напрямую, а через японское правительство. Основы послевоенной политики союзных держав в отношении Японии были определены Потсдамской декларацией от 26 июля 1945 года. В ней говорилось о “необходимости навсегда искоренить милитаризм в Японии, устранить препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций в японском народе, установить свободу слова, вероисповедания и мышления, уважать основные человеческие права”. На основе Потсдамской декларации оккупационные власти издали ряд директив по демократизации и демилитаризации Японии: была разрешена деятельность политических партий и профсоюзов, освобождены политические заключенные, в том числе и коммунисты. Закон о профсоюзах впервые в истории Японии предоставил всем японским трудящимся право на создание независимых профсоюзов и право на забастовку. Было введено всеобщее избирательное право, предоставленное как мужчинам, так и женщинам. Вооруженные силы Японии, военные учреждения и тайная полиция были распущены. Парамилитаристские и националистические организации также подлежали роспуску.

В результате в 1947 г. после принятия и вступления в силу закона о запрете монополий и обеспечении справедливых сделок и закона о запрете чрезмерной концентрации экономической мощи, было произведено разделение крупных японских компаний — дзайбацу. Были реорганизованы концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда. Принадлежавшие дзайбацу акции и другие ценные бумаги были арестованы и выставлены на торги. Их новыми приобретателями стали преимущественно служащие и работники этих компаний. В итоге из 167 млн акций, которыми владели дзайбацу, к 1951 г. было продано 165 млн на сумму 7,57 млрд иен. Новые антимонопольные законы запрещали создание холдинговых компаний, картелей и других монополистических объединений, а также перекрестное владение более чем 25 % акций других ком-

паний. В результате такого разделения, семейное управление, семейная собственность и контроль в крупном бизнесе, как и концентрация большого количества акций в одних руках, ушли в прошлое. Помимо принятых антимонопольных законов была также создана комиссия по честной торговле. Она была призвана следить за соблюдением антимонопольного законодательства и пресекать нечестные и нелегальные методы конкуренции, образование картелей, синдикатов, трестов и концернов во главе с холдинговыми компаниями. Контролировались и могли быть пресечены поглощения и слияния, которые вели к исчезновению конкуренции на рынке. Ограничивалось право скупки и владения акциями других компаний. В период оккупации была проведена чистка в правительственном аппарате, бизнесе, образовании, в результате которой было уволено 200 тыс. человек. На Токийском трибунале было осуждено 28 главных военных преступников. Оккупационной администрацией был проведен ряд важных реформ, важнейшей из которых стала конституционная реформа, воплотившая принцип суверенной власти народа. Японское общество в целом достаточно спокойно приняло реформы, и в том числе введение новой конституции, которая стала фундаментом политико-правовых реформ послевоенных лет и моральной юридической основой существования государства. Среди других реформ следует отметить принятие нового трудового законодательства, установившего 8-часовой рабочий день, систему оплачиваемых отпусков, охрану труда женщин и подростков, хотя не устранило некоторые проблемы и недостатки японских трудовых отношений, как, например, дискриминацию в оплате женского труда, а также не смогло ликвидировать систему временных рабочих, также носившую дискриминационный характер. Послевоенная японская конституция провозгласила принцип деполитизации государственного чиновничества и определила его статус «как слуг всего общества, а не какой-то его части». Послевоенная политическая система Японии стала представлять собой в значительной степени уникальное сочетание норм континентального (преимущественно, германского) права, пришедших в Японию еще в период реформ Мэйдзи, и новейших заимствований из англо-саксонского права. Это наложило отпечаток на все отрасли современного права Японии, в том числе и на его разделы, регулирующие систему государственного управления. В то же время в концепции государственного права и управления остался этико-ментальный элемент о главенствующей роли государственной власти. Говоря о демократии в Японии, стоит сказать, что по-настоящему она была принесена в страну лишь после войны, несмотря то, что в Конституции Мэйдзи Япония провозглашалась конституционной монархией. Демократизация была осуществлена прежними консервативными, бюрократами и политиками, так называемого, второго эшелона, поскольку высший немногочисленный слой политической элиты подвергся чистке в годы оккупации. Реформы этого периода нанесли ощутимый удар по феодальным пере-

житкам в стране. Из полу-конституционной абсолютистской монархии по прусскому образцу, в дальнейшем эволюционировавшей в квази-тоталитарное военно-бюрократическое государство, Япония была превращена в конституционно-парламентскую монархию, политически близкую западным демократиям.

Обратный курс, линия Доджа и экономическое восстановление Однако, тенденция на демилитаризацию и активное проведение демократических и социальных реформ угасала по мере нарастания страха перед «красной угрозой» — победа коммунистов в Китае, война в Корее и рост левых настроений в самой Японии сподвигнул оккупационную администрацию пересмотреть роль Японии во внешнеполитической доктрине США и сдвинуть акценты проводимой ими политики в сторону укрепления экономики и безопасности страны, что вылилось как в ставшие безусловным благом для Японии финансовые и земельные реформы и экономическое восстановление и рост, так и в ремилитаризацию, отмену некоторых реформ и ограничений, введенных ранее, и возвращение старых политиков и бюрократов довоенной эпохи Сёва.

Новый план экономического восстановления Японии получил название «линия Доджа» по фамилии автора и руководителя реформ — американского финансиста Джозефа Доджа.

Этот план предусматривал достижение профицита государственного бюджета путем увеличения налогов и лимитирования выдачи субсидий, а также стабилизацию заработной платы и установление контроля над ценами на ряд товаров. Полный список мер, осуществленный в рамках линии Доджа, выглядит так:

1. Достижение бюджетного профицита.
2. Увеличение налоговых поступлений.
3. Стабилизация заработной платы.
4. Существенное ограничение правительственных субсидий.
5. Установление контроля над ценами.
6. Усиление контроля над внешней торговлей и иностранной валютой.
7. Создание эффективных цепочек поставок сельскохозяйственного и промышленного сырья.
8. Поддержка отечественного производства и уменьшение импортной зависимости Японии.

Одним из важнейших направлений линии Доджа было преодоление инфляции, вызванной чрезмерными государственными тратами. Додж представил министерству финансов Японии проект бюджета, предполагавший превышение доходов над расходами, для реализации чего, в первую очередь, требовалось заменить правительственные субсидии частным и государственным предприятиям на банковское кредитование, а также серьезно повысить налоги. Джозеф Додж не скрывал, что данные меры приведут к серьезному снижению уровня жизни населения, однако иных вариантов плана выхода из экономического кризиса у японского правительства в наличии

не было, и парламент страны принял проект жесткой бюджетной экономии без поправок.

Проведенная в 1949 году бюджетно-финансовая реформа позволила Японии держать профицит бюджета практически 15 лет подряд. Государство стало использовать систему частного кредита, поддерживая его стоимость на приемлемом для предприятий уровне.

Столь жесткий экономический курс способствовал ускоренному накоплению капитала, подъему промышленного производства, снижению уровня инфляции, стабилизации монетарной системы страны, и заложил фундамент под дальнейшее экономическое развитие, которое впоследствии будет названо “японским экономическим чудом”.

Однако этот процесс имел сложный и противоречивый характер. С одной стороны, шло форсированное восстановление и развитие тяжелой и химической промышленности, с другой — снижение государственной поддержки средних и мелких предприятий, что вынуждало их сокращать производство, массово увольнять сотрудников, задерживать или уменьшать заработную плату или объявлять о банкротстве — положение средних и мелких предприятий сильно ухудшилось, большое число из них обанкротилось.

До 1949 года восстановление японской экономики шло медленнее, чем аналогичные процессы в странах Западной Европы. Но с началом проведения “линии Доджа” ситуация заметно меняется: в мае 1949 года американские власти заявили о полном прекращении демонтажных работ и изъятии военных предприятий из репарационных списков и одновременно были сняты введенные ранее ограничения объемов производства в ряде отраслей японской промышленности и запреты на импорт железной руды, нефти и бокситов. По рекомендации Доджа были внесены изменения и в систему американской экономической помощи Японии. Так, например, был создан эквивалентный фонд, предназначенный для долгосрочного кредитования крупных компаний под контролем оккупационных властей и пополнявшийся средствами от продажи в Японии американских товаров, которые поставлялись в порядке помощи. В целях сокращения американской помощи были приняты меры по расширению экспорта и уменьшению отрицательного сальдо торгового баланса Японии.

Важной частью “линии Доджа” была осуществленная в 1949 году реформа налоговой системы Японии, которая состояла в перераспределении налогового бремени — снижение налогов на крупные корпорации путём переоценки стоимости постоянного капитала и отмена налога на сверхприбыль компенсировалась за счёт увеличения налогообложения мелких предприятий и простых людей. Однако начавшийся рост экономики имел узкую базу, поскольку покупательский спрос широких слоёв населения, ввиду их низкого уровня материального благосостояния, был весьма ограниченным, что подтолкнуло Японию к выбору экспортно ориентированной экономи-

ческой модели. Таким образом, в конце 1940-х — начале 1950-х годов в Японии была успешно проведена шоковая терапия. Однако при снятии контроля над частной хозяйственной деятельностью внутри страны был сохранен, на базе введения единого твердого курса иены к доллару, жесткий контроль над всей системой внешней торговли и расчётов. Япония установила государственный контроль над всеми финансовыми передвижениями национальной и иностранной валюты через границу, над ввозом и вывозом капитала. С этой целью были приняты законы о контроле над валютным обменом и внешней торговлей и об иностранном капитале. Первоначально они предполагались как временные, но в итоге просуществовали почти 30 лет до пересмотра первого и отмены второго уже в 1980-х годах.

Суть и содержание земельной реформы Ладежинского

Ко времени установления в Японии режима союзной оккупационной администрации, довоенная модель сельского хозяйства и землепользования, сложившаяся в эпоху Мэйдзи, подходила к исчерпанию ресурсов своего развития. К 1945 году в сельском хозяйстве была занята (полностью или частично) приблизительно половина населения Японии. К этому времени отрасль, имеющая важнейшее значение для экономики страны, находилась в откровенном упадке. В японской деревне господствовала система помещичьего землевладения, утвердившаяся в эпоху Мэйдзи. Большая часть пахотных земель принадлежала крупным и мелким помещикам-дзинуси, которые сдавали их для обработки арендаторам на условиях, ставших к тому времени практически кабальными. К 1947 году примерно две трети пахотной земли обрабатывалась арендаторами. Профессор Я. А. Певзнер приводит следующие цифры: 1947 году из 5909 тысяч крестьянских хозяйств лишь 2154 тысяч (около 37 %) не прибегали к аренде земли, а 1574 тысяч хозяйств (около 27 %) вообще не имели земли в собственности. Число же хозяйств, арендующих от 10 % до 50 % обрабатываемой земли, составляло 1183 тысяч (20 %), хозяйств, арендующих от 50 % до 90 % земли — 997 тысяч (около 17 %). Автор будущей земельной реформы в Японии Вольф Ладежинский, описывая в своих статьях состояние земельных отношений, писал следующее: “Природа в Японии достаточно скупа к фермерам, которые владеют своими земельными участками. Но они обрабатывают лишь половину сельскохозяйственных угодий Японии. Остальная часть обрабатывается арендаторами и полуарендаторами, которые составляют около 70 % из 5 700 000 японских фермерских семей. Традиционно они были вынуждены отдавать половину или больше урожая со своих арендованных участков в пользу арендодателя. Средний арендатор обрабатывает так мало земли, что эти урожаи, которыми он вынужден делиться, действительно мизерны. 50 % арендаторов арендуют менее 1,2 акра каждый, или в среднем пол-акра,

и еще 27 % арендуют в среднем по 1,7 акра. Это само по себе объясняет бедность японских арендаторов. Но ситуация усугубляется условиями аренды. Земельный голод и интенсивная конкуренция за право владения землей и за право на обработку земли, сохранили стоимость земли и арендную плату намного выше уровня, оправданного продуктивностью почвы. Помещики в полной мере воспользовались этими условиями. Арендная плата в 50 % от урожая риса и лишь немногим меньше от урожая других культур были обычным делом. Кроме того, арендатор выплачивает ряд других взносов и пошлин, покупает на собственные деньги удобрения, и сам обслуживает свой дом, хозяйственные постройки, инвентарь и сам же покупает семена. Доля же, из которой он имеет средства к существованию, часто составляет не более 30 % урожая. Добавьте к этому тот факт, что арендодатель имеет право расторгнуть договор аренды по своему усмотрению, и становится ясно, почему условия жизни японского арендатора были весьма плачевными. Проблемы в сельскохозяйственной отрасли Японии начали накапливаться еще до начала Второй мировой войны — отдельный период обострения сельскохозяйственного кризиса в начале 1930-х годов, в японской историографии даже получил отдельное название “Сельскохозяйственной депрессии эпохи Сёва”. В этот период произошло значительное падение цен на два основных экспортных товара японской деревни — шелк-сырец и рис. Первое было вызвано падением, на фоне Великой Депрессии спроса и производства в текстильной и легкой промышленности США, второе, по мнению ряда японских исследователей, — притоком дешевого риса из японских колоний и других стран. Это обстоятельство поставило множество крестьянских хозяйств на грань экономического, а в отдельных случаях, даже физического выживания: так, например, японский историк Масанори Накамура приводит цифру примерно в 200 тысяч человек, которые страдали от недоедания по всей стране. Характерной проблемой японской деревни был высокий уровень арендных платежей (которые зачастую взимались частью урожая) и многочисленные конфликты, возникавшие на этой почве между арендаторами и помещиками-дзинуси. Уровень механизации японского сельского хозяйства также оставался довольно низким. Не стоит упускать из виду и стихийные бедствия (например, цунами 1934 года в Тохоку) и неурожайные годы, нанесшие сельскому хозяйству Японии серьёзный ущерб.

Вторая мировая война нанесла тяжелый урон сельскому хозяйству страны. Сильно пострадало шелководство, резко сократилось применение удобрений, и в целом производство всех основных видов сельскохозяйственной продукции заметно снизилось: производство риса сократилось более, чем на 40 %, овощей — на 20 %, фруктов — на 40 %, шелка-сырца — на 75 %. Из-за реквизиции рыболовных судов, сокращения районов рыболовства и уменьшения численности рыбаков уменьшился вылов рыбы.

Следует отметить, что японское правительство понимало критическое положение сельскохозяйственной от-

расли и попыталось предпринять меры еще до выхода непосредственных распоряжений оккупационных властей.

В октябре 1945 года, под руководством министра сельского и лесного хозяйства Японии Мацумары Кэндзо был разработан “План реформы землевладения”, согласно которому предусматривалось принудительное отчуждение принадлежавших помещикам-дзинуси, не занимавшимся напрямую сельским хозяйством и не жившим в сельской местности, обрабатываемых земель в пользу арендаторов. План встретил ожесточенное сопротивление как самих землевладельцев, так и политически связанных с ними чиновников и бюрократов. Им удалось добиться сокращения числа земельных владений, подлежавших полному или частичному изъятию, в 10 раз. Однако, даже такой вариант плана реформ вновь встретил сильное противодействие в японском парламенте, многие депутаты которого также политически опирались на помещиков-дзинуси.

Ситуация в японской деревне, тем временем, накалялась: резко увеличилось число арендных споров: по данным, приведенным японским исследователем Тюшити Сузуки за весь 1945 год было зарегистрировано 5171 спор, а за первую половину 1946 года количество споров возросло до 20 тысяч зарегистрированных случаев. Неудачная попытка земельной реформы вызвала недовольство в штабе генерала МакАртура, который в декабре 1945 года передал правительству Японии “Директиву о земельной реформе”.

17 июля 1946 года штаб оккупационной администрации вручил правительству Японии “Рекомендации относительно второй земельной реформы”. Руководствуясь ими, правительство Сигэру Ёсида, разработало соответствующие законопроекты. В октябре 1946 года они были приняты японским парламентом, состав которого в результате первых послевоенных выборов претерпел существенные изменения.

Автором и руководителем второй земельной реформы стал Вольф Исаакович Ладежинский, советник по сельскому хозяйству при Командовании союзными оккупационными войсками в Японии. Крупнейшая реорганизация земельных отношений в Японии началась.

В соответствии с директивой генерала МакАртура, японское правительство, активно консультируясь с оккупационными властями, как было сказано выше, разработало проект “Специальных мер по созданию фермеров-собственников” (Закон о земельной реформе) и законопроекты “О сельскохозяйственных землях” и “О корректировке сельскохозяйственных земель” от 1946 года. Эти документы обеспечили правовую основу для проводимой земельной реформы.

Реформа предусматривала покупку японским правительством приблизительно 2 миллионов гектар обрабатываемой земли (около 80 % сельскохозяйственных угодий), для последующей перепродажи малоземельным и безземельным арендаторам. Перераспределение прав собственности на землю, согласно планам, должно было идти примерно два года. Согласно новым законам о земельной

реформе государство выкупало у землевладельцев, не занимавшихся сельским хозяйством напрямую и не жившим в сельской местности, все принадлежащие им земли, а у землевладельцев, так или иначе занятых в сельском хозяйстве, — земли, превышающие площадь примерно 3 гектар (на Хоккайдо — более 12 гектар).

Одной из причин провала предыдущей попытки земельной реформы, заключалась в отсутствии установленных государством фиксированных цен на землю — до этого цена земли оставалась элементом договора между землевладельцем и арендатором. Ранее землевладельцы также, как писал сам Ладежинский, не были официально принуждены к продаже земли в определенные сроки и могли вести переговоры с позиции силы, заламывая заоблачные цены на землю. В программе земельной реформы, разработанной под руководством Ладежинского, на землю были введены официальные фиксированные цены: государство выкупало землю по цене 3 000 иен за акр плодородных земель (главным образом, отведенных под возделывание риса) и по 1 860 иен за акр суходольных земель. Кроме того, землевладельцы получали дополнительную плату в размере 880 иен за акр для рисовых и 520 иен за акр для суходольных полей за первые приобретенные у одного землевладельца 7,5 акров земли на Хонсю, Кюсю и Сикоку, и 30 акров на Хоккайдо. Государство, как правило, рассчитывалось с землевладельцами облигациями на 24 года и с процентной ставкой в 3,65 % в год.

Выкупленные государством участки земли продавались по твердым, озвученным выше, ценам крестьянам-арендаторам. Были установлены максимальные размеры участка, который крестьянин-арендатор мог приобрести в собственность, аналогичные размерам земель, оставляемым в собственность землевладельцам: в среднем по стране не более 3 гектар на одно хозяйство, на Хоккайдо — до 12 гектар. Институт земельной аренды в пореформенной японской деревне все еще сохранялся, но становился строго регламентирован: устанавливались предельные нормы арендной платы, которую надлежало выплачивать в денежной, а не в натуральной форме. Также, арендодатель более не мог разрывать договор с арендатором без наличия на то адекватных причин. Для практического осуществления реформы на местных, префектурных и национальном уровнях были созданы выборные земельные комиссии, в руках которых находилось управление перераспределением земли и земельной реформой в целом. Местные земельные комиссии являлись центральными административными элементами реформы. Они определяли фактические участки в сельской местности, которые в дальнейшем приобретались арендаторами в собственность. Местная комиссия обычно состояла из пяти арендаторов, трех землевладельцев-арендодателей и двух фермеров-собственников, которые избирались местными жителями.

Над местными комиссиями существовало 46 префектурных комиссий, также состоящие из арендаторов, зем-

левладельцев и фермеров-собственников, избираемых местными комиссиями, через которые проводилась общая политика земельных реформ, установленная Центральной земельной комиссией, председателем которой являлся Министр сельского и лесного хозяйства Японии.

Неотъемлемым элементом аграрных преобразований стало также государственное поощрение добровольной и равноправной фермерской кооперации в сельском хозяйстве. В “Меморандуме о земельной реформе” отмечалась необходимость “программы развития и поощрения кооперативного движения в среде японского крестьянства, свободного от господства некрестьянских элементов и ставящего своей целью экономический и культурный прогресс”.

В ноябре 1947 были приняты законы о роспуске довоенных сельскохозяйственных ассоциаций и объединений, политически и экономически зависимых от государства и формировании независимых сельскохозяйственных кооперативов. Тем самым был заложен прочный правовой фундамент для зарождения широкого фермерского кооперативного движения. Создание демократических и независимых сельскохозяйственных кооперативов, с равноправными условиями членства, вместо прежних их суррогатов, служивших для мобилизации сельского хозяйства на нужды экспансионистской политики, само по себе стало важной мерой обеспечения экономической устойчивости и благополучия фермерских хозяйств новых крестьян-собственников. Участие практически всех фермерских хозяйств в различных формах сельскохозяйственной кооперации стало одним из важнейших факторов подъема сельскохозяйственного производства, а также решения многих социальных проблем в сельской местности.

После проведения земельной реформы жизнь деревни стала довольно быстро налаживаться: высокие цены на продовольствие в первые послевоенные годы, обесценивание крестьянских долгов вследствие инфляции и избавление от непомерной арендной платы, а с начала 1950-х годов — и новые возможности для дополнительного заработка в городе привели к быстрому росту доходов японских фермеров и их семей. Это, вкупе с государственными субсидиями, в свою очередь, позволило фермерам, закупать больше современных удобрений, пестицидов, сельскохозяйственной техники, а также диверсифицировать свое производство.

Земельная реформа была завершена к 1949–1950 годам. Её ускорению способствовали как сравнительно низкие выкупные цены на землю, так и бурная инфляция первых послевоенных лет. Денежная компенсация, выплаченная правительством помещикам за выкупленную землю, быстро обесценилась, и в результате помещики лишились не только земли, но и каких-либо финансовых рычагов влияния на жизнь деревни. Крестьяне же, напротив, оказались в выигрыше, так как инфляция привела к существенному уменьшению реальной величины их выплат за приобретенную землю. Арендаторы в короткий срок

смогли рассчитаться за приобретенную землю, по сути, символическими денежными суммами. Если накануне реформы около 46 % сельскохозяйственных площадей сдавались в аренду, то к 1950 году этот показатель упал до примерно 10 %. При этом число хозяйств крестьян-собственников, не прибегавших к аренде, увеличилось почти на 1700 тысяч, а число хозяйств безземельных крестьян-арендаторов, напротив, сократилось на 1150 тысяч человек. Также увеличились непосредственно объемы сельскохозяйственного производства (на 35 % в период с 1958–1960 года относительно довоенного периода с 1933 по 1935 годы) и общая площадь обрабатываемых пахотных земель (с примерно 5 миллионов гектар в 1950 до примерно 6,1 миллионов гектар в 1960 году) — такие цифры приводит Я. А. Певзнер.

Земельная реформа Ладежинского радикально изменила ситуацию в сельском хозяйстве страны. Главным ее результатом стало формирование многочисленного слоя крестьян-собственников. Им предстояло хозяйствовать на малых по размерам земельных площадях. Но хотя основная часть хозяйств (4495 тысяч, что составляло около 72 % общего числа дворов) владела наделами до 1 гектара, упразднение помещичьей эксплуатации повысило заинтересованность крестьян в результатах своего труда, привело к росту их доходов и создало возможность накопления средств и ресурсов на расширение существующих и создание новых производств, для модернизации своих хозяйств и совершенствованию методов сельскохозяйственного производства, что вело к дальнейшему росту урожайности и доходов.

Однако, следует сказать, что земельная реформа Ладежинского имеет гораздо большее значение, чем может показаться на первый взгляд, поскольку она несла в себе не только социально-экономический, но и немалый общественно-политический аспект. Уже много позже земельной реформы в Японии, Ладежинский вспоминал в своих статьях, что наиболее важной и трудной частью реформы было ее воплощение в жизнь, имея в виду не экономические трудности и препятствия, а политическое противодействие реформе.

Реальная сила помещиков и их политических союзников в препятствовании земельной реформе проистекала не из убедительности их аргументов, а из их социального положения, которое они занимали в правительстве и в деревне. Традиционно главенствующая роль сельских помещиков среди крестьян являлась одним из серьезных негативных факторов, тормозящих реформу. Хотя они находились в меньшинстве в сельских земельных комиссиях, которые определяли ход реформы, их статус и положение давали им большое влияние в этих органах. В противодействии и препятствовании земельной реформе помещикам помогало и повсеместное незнание крестьян-арендаторов о реформе. Общая атмосфера и настроения, в которой проходила земельная реформа, была характеризована представителями оккупационной администрации следующим образом: «враждебность землевладельцев,

попытки коррупции и саботаж, запугивание арендаторов и государственных служащих, а также апатия и неосведомленность арендаторов».

Было понятно, что перспектива столь серьезных изменений в традиционном аграрном обществе, неизбежно вызовет сильные общественные пертурбации и волнения. Курс на ликвидацию помещичьего господства в японской деревне вызвал сопротивление японских политиков и интеллектуалов, а также, разумеется, самих помещиков. Одной из основ могущества политической и промышленной олигархии, на которой держалось ее господство, была эксплуатация труда бедного и неимущего крестьянства, укоренившаяся в традиционном патерналистском аграрном обществе. А сами же помещики откровенно оправдывали свою патерналистскую роль тем, что помещичий патернализм, вкупе с помещичьим земельным монополизмом — это культурная и экономическая необходимость для японской деревни. Критика земельной реформы на более официальном и сложном уровне исходила от японских интеллектуальных кругов. Стоит также отметить, что у японских арендаторов было мало представителей среди интеллигенции. В решающий момент жизни японских крестьян-арендаторов те из японских интеллектуалов, от кого можно было бы ожидать поддержки интересов крестьян, оказывали поддержку помещикам.

Яркими представителями негативно настроенной по отношению к реформе помещичьей элиты были члены клана Хомма, одного из крупнейших землевладельческих кланов в Японии. 16 семей, входящих в клан, суммарно владели примерно 4 тысячами акров плодородных рисовых полей в префектуре Ямагата, накопленных за два с половиной века путем покупки и отчуждения земель, типичным для большинства крупных японских поместий. Значительная часть из 5 142 арендаторов, обрабатывающих эти владения, являются потомками мелких фермеров, которые потеряли свои земли в результате продажи их семьям Хомма в результате голода, экономической депрессии, феодальных и налоговых поборов и ростовщической практики. Хомма называли реформу «наказанием для бережливых, эффективных и более успешных». Они предупреждали серьезный экономический и культурный упадок во всей сельской Японии, если помещики будут ликвидированы, а арендаторы станут владельцами мелких ферм. Они признали необходимость «правильной» земельной реформы, однако они хотели исключить два ключевых компонента реформы проекта Ладежинского: официально установленные цены, по которым должна приобретаться земля, и положение о принудительной продаже. По их мнению, в результате реформы Ладежинского крестьяне бы лишились экономической стабильности, обеспечиваемую помещиком, который платил налоги и, предположительно, помогал арендаторам во время бедствий и неурожая. Однако вся гипотетическая польза, что арендаторы могли извлечь из патернализма и опеки со стороны доброжелательно настроенных землевладельцев (что, впрочем, встречалось довольно редко и было скорее

исключением из правила), значительно перевешивалось экономическими, политическими и социальными пороками подобной системы в целом. С помощью земельной реформы американская оккупационная администрация стремилась не только перераспределить землю более справедливым образом, и не только исправить социально-экономическое положение в японской деревне и проблемы в сельскохозяйственной отрасли, но и искоренить саму патерналистскую помещичью систему, которая систематически подавляла японское крестьянство, не давая им полноценно выражать и отстаивать свои интересы, систему, основанную на заведомом социальном, политическом и экономическом неравноправии сторон, а также на архаичных и кабальных принципах лендлордизма, и препятствующую развитию демократических институтов в деревне и не дававшую японским крестьянам адекватного политического представительства и представительства их прямых интересов на региональных и местных уровнях. Довоенная система помещичьего землевладения отжила свое и стала лишь тормозом и преградой на пути к построению в Японии более равноправного, открытого и демократического общества. С созданием же широкой прослойки мелких и средних фермеров и дисперсной структуры землевладения, были созданы мощные стимулы к увеличению благосостояния как самих фермеров, так и всей страны в целом. Также, стоит сказать, что земельная реформа Ладежинского на десятилетия вперед создала эффективный предохранительный механизм от зарождения земельного монополизма и лендлордизма, который, впрочем, к настоящему времени начинает все чаще давать сбой.

Заключение. О лендлордизме или о пользе лозунга “Землю — крестьянину!”

С момента осуществления реформ Ладежинского в Японии прошло уже более 70 лет и, несмотря на то, что реформа многократно улучшила жизнь японских крестьян и фермеров, а ее базис и по сей день лежит в основе японского сельского хозяйства, наследие реформы постепенно размывается, а ее авторы — американский сельскохозяйственный экономист Вольф Ладежинский, — и многочисленные соавторы, например, японский социалист Хироо Вада, незаслуженно забыты. Сам Вольф Ладежинский после реформ в Японии, был советником по проведению аналогичной земельной реформы на Тайване под названием “Land to Tiller”, заложившей основу уже тайваньского экономического скачка. Нарботки реформ Ладежинского использовались в Южной Корее, Индии и других странах.

Реформы Ладежинского были основаны на дистрибутистском подходе, который противопоставлялся как частному, так и государственному земельному монополизму. Идеалом реформы было большое сообщество мелких фермеров-собственников, работавших на своей земле, и обеспечивающих продовольствием всю страну, что

будет служить не только гармоничному развитию экономики, но и общественному благу. Как говорилось выше, целью реформы было не только более справедливое перераспределение земли, но и разрушение в деревне лендлордистских и земельно-монополистических институтов, которые не только сдерживали экономическую инициативу крестьян, но и создавали значительные перекосы в политической сфере, лишая крестьян адекватного политического представительства и возможности отстаивать свои интересы. Именно поэтому дистрибутистский подход к землепользованию, который мы видим в реформе Ладежинского — есть вопрос не только экономики, но и общественного благополучия, рационального и справедливого использования земли и, конечно же, вопрос создания стабильной демократической политической системы, обеспечивавшей сельской местности равные и адекватные возможности для представления своих интересов, чему не в последнюю очередь японская деревня обязана своим стабильным развитием.

Вопрос рационального и справедливого использования земли особенно актуален для Японии, с ее географическим положением и малоземельем. Однако немаловажен и политический аспект данного вопроса, поскольку ни земельный лендлордизм, наличествующий в некоторых западных странах, ни государственный монополизм на землю, представленный, например, в КНР, не могут обеспечить наиболее полную самостоятельность и независимость фермеров при принятии решений и управлении своим хозяйством, фактически, низводя их до состояния наемных рабочих, а не полноправных собственников, что, в конечном итоге, чревато различными проблемами, некоторые из которых были названы в настоящей работе.

Именно примат мелких и средних фермерских хозяйств, с широкой государственной поддержкой в модернизации и улучшении методов ведения хозяйства, широким распространением добровольной, горизонтальной и равноправной фермерской кооперации, созданием надлежащей правовой базы, обеспечивающей здоровую и открытую конкуренцию и беспрепятственный оборот земли, а также с жестким антимонопольным законодательством, прогрессивным земельным налогом, административными ограничениями на максимальный размер земельных участков и крупными штрафами за неиспользуемую землю, является, по мнению автора данной работы, тем путем, который проложила для японской деревни реформа Ладежинского. К сожалению, японское правительство пошло по этому пути далеко не в полной мере, в результате получив целый комплекс проблем в сельскохозяйственной отрасли. Хочется сказать, что дистрибутистский путь развития сельского хозяйства, с точки зрения автора, является наиболее рациональным и справедливым, и является той моделью развития сельского хозяйства и землепользования, к которой стоило бы присмотреться не только Японии, но и всему миру, поскольку именно эта модель способна обеспечить наиболее

рациональное, справедливое и разумное использование наиболее ограниченного в масштабе ресурса нашей планеты — земли. И именно подобный подход, по мнению автора, способен заложить фундамент не только более гармоничного социально-экономического развития сельской

местности, чей разрыв в развитии по сравнению с городами стоит, во многих частях света, особенно остро, но и положить начало решению глобального продовольственного вопроса и, в конечном итоге — создания более справедливого и благополучного человеческого общества.

Литература:

1. Жуков А. Е., Лебедева И. П. (отв. ред.). Япония и современный мировой порядок, М.: Восточная литература, 2002.
2. История Японии. Т. II. 1868–1998, Жуков Александр Евгеньевич.
3. Япония: экономика, политика, история. / Под ред. Б. Е. Косолапов. М.: Наука, 1989. 274 с.
4. История государства и права зарубежных стран. Под общ. ред. О. А. Жидкова, Н. А. Крашенинниковой. М. 1996 г. ч. II. М. 1998 г. ч. II.
5. Маркарьян С. Б. Аграрный сектор японской экономики: основные проблемы 80-х годов / Отв. ред. В. А. Попов. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1990. — 216 с.
6. Маркарьян С. Б. Сельскохозяйственная кооперация Японии (проблемы и перспективы) // Ежегодник Японии. 2007. № 36.
7. Маркарьян С. Б. Основные направления аграрной реформы в Японии // Восточная аналитика. 2016. № 4.
8. Сайфудинова Н. З., Сибатов Н. Ф., Чепайкин М. О., Мальцев И. С., Пронькин П. Д. Развитие сельского хозяйства в Японии // Московский экономический журнал. 2021. № 5.
9. Иконникова О. В. Сельское население Японии в начале XXI века: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 11–1.
10. Панкратова А. И. «Японское экономическое чудо» как проект непрерывной «консервативной модернизации» (исследовательские подходы) // Вестник НАСА. 2016. № 1 (12).
11. Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития: в 2-х книгах / Ред.-сост. И. В. Дерюгина. М.: ИВ РАН, 2020. — 280+288 с.
12. Лебедева И. П. Япония: общество среднего класса // Японские исследования. 2017. № 4.
13. Певзнер Я. А. Государство в экономике Японии. М.: Наука, 1976. — 321 с.
14. Япония / Отв. ред. Я. А. Певзнер и др. М.: Мысль, 1981. — 429 с.
15. Норман Герберт. Становление капиталистической Японии, М.: Иностранная литература, 1952.
16. Новикова А. А., Ишджан Т. Перераспределительная земельная реформа и структурные изменения в Японии, Южной Корее и на Тайване // American Journal of agricultural Economics. — Oxford, 2018. — Vol. 100, n 3. — p. 732–761 //
17. Емельянова О. Н., Щербаков Д. А. Земельно-налоговая реформа в Японии в эпоху Мэйдзи и ее значение // Проблемы Дальнего Востока. 2020 № 6 С. 155–166.
18. Сэн Катаяма. К 15-летию рисовых бунтов 1918 года в Японии // Коммунистический Интернационал, 1933, № 26–27, стр. II, 13–14.
19. Декларация глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая о Японии (Потсдамская декларация). 26 июля 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т.6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.) — М.: Политиздат, 1980. — С 382–384.
20. Кравченко А. А. Основные направления политики Японии в области обеспечения продовольственной безопасности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2013. № 2.
21. Экономические и политические проблемы современной Японии / Отв. ред. Я. А. Певзнер. М.: Издательство Восточной литературы, 1963. — 503 с.
22. Маркарьян С. Б. Аграрный сектор Японии: есть ли перспективы развития? // Восточная аналитика. 2012. № 3.
23. Маркарьян С. Б. Япония: есть ли шанс поднять конкурентоспособность сельского хозяйства? (анализируя статистику) // Восточная аналитика. 2020. № 3.
24. Ohno, Kenichi. The History of Japanese Economic Development: Origins of Private Dynamism and Policy Competence. Routledge, 2017. 216 p.
25. Ray A. M., Robinson D. R. Partners for Democracy: Crafting the New Japanese State under MacArthur. Oxford University Press, 2004. 432 p.
26. Ladejinsky, Wolf. “Agrarian Revolution in Japan.” Foreign Affairs, vol. 38, no. 1, 1959, pp. 95–109.
27. Ladejinsky, Wolf. “Land Reform in Japan.” The Journal of Modern History, vol. 32, no. 1, 1960, pp. 28–31.
28. Ladejinsky, Wolf. “Land Ceilings and Land Reform.” Economic and Political Weekly, vol. 7, no. 5/7, 1972, pp. 401–08.
29. Ladejinsky, W. I. “Trial Balance in Japan.” Foreign Affairs, vol. 27, no. 1, 1948, pp. 104–16.

30. Ladejinsky, Wolf. "Agrarian Reform in Asia." *Foreign Affairs*, vol. 42, no. 3, 1964, pp. 445–60.
31. Ladejinsky, W. "Agrarian Unrest in Japan." *Foreign Affairs*, vol. 17, no. 2, 1939, pp. 426–33.
32. Gilmartin, William M., and W. I. Ladejinsky. "The Promise of Agrarian Reform in Japan." *Foreign Affairs*, vol. 26, no. 2, 1948, pp. 312–24.
33. Walinsky, Louis J. *Agrarian reform as unfinished business: the selected papers of Wolf Ladejinsky* (English). Unnumbered series, no. UNN 188 Washington, D.C.: World Bank Group.
34. Tsuzuki, Chushichi. *The Pursuit of Power in Modern Japan 1825–1995*. Oxford University Press, 2000. 568 p.
35. Orchard, Dorothy J. "Agrarian Problems of Modern Japan." *Journal of Political Economy*, vol. 37, no. 2, 1929, pp. 129–49.
36. Ritchie Malcolm. *Village Japan: Everyday Life in a Rural Japanese Community*, Tuttle Publishing, 1999.
37. Nakamura Takafusa, *The postwar Japanese economy: Its development a. structure* / Takafusa Nakamura; Transl. by Jacqueline Kaminski. — Tokyo: Univ. of Tokyo press, Cop. 1981. — XIV, 277 с.: ил.; 24 см.; ISBN 0–86008–284–9
38. *The Basic Law on Food, Agriculture and Rural Areas*, 1961
39. *Present state of Japanese agriculture and future prospect for agricultural structure: Detailed picture seen in 2015 Agricultural Census September 1st, 2017* Norinchukin Research Institute Co., Ltd. Basic Research Division SHIMIZU Tetsuro, Director-General Manager
40. OECD (2009), *Evaluation of Agricultural Policy Reforms in Japan*, OECD Publishing, Paris,
41. Deutsch-Japanischer Wirtschaftskreis, and Ludwig-Maximilians-Universität München. 2000. *Japan Analysen Prognosen*. Düsseldorf: DJW.
42. Honma Masayoshi. (2009). *Agricultural trade policy reform in Japan*. 10.1017/CBO9780511674587.007.
43. OECD (2017), «Japan», in *Land-use Planning Systems in the OECD: Country Fact Sheets*, OECD Publishing, Paris.

СОЦИОЛОГИЯ

Exploring the “good reader” identity: a quantitative study of university students’ reading habits and beliefs

Tsevegsuren Ankhniibayar, teacher
Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia)

This study investigates how Mongolian university students perceive themselves as “good readers” and explores the behavioral and attitudinal factors associated with this self-assessment. Drawing on data from a questionnaire completed by 53 students, the study analyzes correlations between students’ self-perceived reading identity and variables such as reading frequency, genre preferences, and metacognitive reading strategies. Descriptive statistics revealed that while 41.5 % of students considered themselves good readers, the majority (58.5 %) did not. A weak positive correlation ($r = 0.11$) was found between self-perception and the number of books read monthly, whereas gender and age showed no statistically significant influence ($p > 0.05$). The findings support previous research suggesting that self-perception in reading is shaped more by engagement and motivation than demographic variables (Guthrie & Wigfield, 2000; Burmaa, 2011).

Keywords: good reader identity, reading self-perception, reading motivation, metacognitive reading strategy

Introduction

In the landscape of modern education, reading is not only a fundamental academic skill but also a core component of independent learning, critical thinking, and identity formation (Grabe & Stoller, 2011). Among university students, the way they perceive themselves as readers—commonly referred to as *reading identity*—plays a crucial role in shaping their motivation, strategy use, and long-term academic engagement (Wigfield & Guthrie, 2000; Zimmerman, 2002).

The concept of a “good reader” is often associated with the ability to read fluently, comprehend deeply, and apply strategies that aid in understanding and reflection (Afflerbach et al., 2008). However, this identity is not always rooted in skill alone; it is heavily influenced by learners’ metacognitive awareness, reading habits, and beliefs about the role of reading in their personal and academic lives (Buehl et al., 2001). Also, students’ attitudes toward reading are shaped by both classroom instruction and socio-cultural expectations, the growing need to support students’ self-regulated learning behaviors, including how they engage with reading tasks outside formal instruction (Burmaa, 2011).

Despite the growing emphasis on metacognition and motivation in language education, there is limited empirical research examining how Mongolian university students perceive their own reading ability and how this perception relates to their actual reading practices. Existing studies have often focused on vocabulary acquisition, textbook use, or test performance, overlooking the nuanced psychological dimensions of reading, such as self-efficacy and strategic awareness (Nation, 2013; Mokhtari & Reichard, 2002).

This study seeks to address this gap by exploring the relationship between reading self-perception and key variables such as reading frequency, preferred reading materials, and engagement strategies. Specifically, it aims to answer the question:

- Do Mongolian university students consider themselves “good readers”?
- What behavioral or attitudinal factors are associated with this self-perception?

To examine these questions, the current study surveyed 53 students using a structured questionnaire designed to capture demographic information, reading beliefs, and habits. The responses were analyzed using descriptive statistics, correlation analysis, and ANOVA to explore potential differences across gender and age groups.

Literature Review

Reading has long been recognized as a multifaceted process involving linguistic, cognitive, and affective dimensions (Grabe & Stoller, 2011). Recent scholarship focuses not only on the mastery of reading skills but also on the construction of *reading*

identity—how individuals perceive themselves as readers and how this perception influences their academic behavior (Gambrell, 2011; Wigfield & Guthrie, 2000).

According to Afflerbach, Pearson, and Paris (2008), good readers possess a repertoire of strategies and demonstrate persistence, flexibility, and reflective thinking. The identity of a good reader is built not merely through instruction but through iterative reading experiences that foster confidence and metacognitive insight (Buehl et al., 2001). Research by Alvermann (2001) emphasizes that reading identity is socially constructed and influenced by peer feedback, classroom discourse, and the type of texts encountered.

Reading in EFL environments is shaped by limited exposure and exam-oriented instruction. Anderson (2003) identified that EFL readers often lack deep comprehension due to insufficient strategy instruction. Meanwhile, research by Oxford (2011) and Sheorey & Mokhtari (2001) supports the need for strategy training in EFL classes, as many learners rely on bottom-up approaches and struggle with global comprehension tasks. Park (2010) and Zhang & Wu (2009) found that when EFL learners in Korea and China were explicitly taught metacognitive reading strategies, their comprehension and confidence improved significantly.

In Mongolia, Burmaa (2011) emphasized the need to integrate student-centered approaches to develop positive attitudes and reading autonomy.

Despite growing global attention on reading identity, few studies have asked students to self-assess their status as «good readers» or to link that perception with behavioral factors. This study aims to fill that gap by examining Mongolian students' reading habits, preferences, and strategic behaviors about how they perceive their reading competence. This not only supports the international literature but also contributes context-specific insight for Mongolian EFL educators.

Methodology

Participants

This study involved 83 university students enrolled in the General English -1 program at a Mongolian State University of Education. The participants were selected using convenience sampling based on their availability and willingness to respond to the survey. Of the respondents, 46 (86.8 %) were female, and 7 (13.2 %) were male. The age of participants ranged from 17 to over 23, with the majority being between 17 and 21 years old. Participation was anonymous and voluntary.

Research Instrument

The primary data collection tool was a self-report questionnaire developed by the researcher, titled “*Are You a Good Reader?*”. The questionnaire consisted of 15 items, combining multiple-choice, Likert-type, and open-ended formats. It covered aspects such as:

- Perceived reading identity (e.g., “Do you consider yourself a good reader?”)
- Reading habits and frequency (e.g., “How often do you read at home, outside homework?”)
- Metacognitive behaviors (e.g., “Do you reread confusing parts?”)
- Genre and material preferences

The items were adapted from existing reading motivation and metacognition frameworks (Mokhtari & Reichard, 2002; Guthrie et al., 2004), and contextualized for Mongolian EFL learners.

Data Analysis

- **Descriptive statistics** summarized demographic information and self-reported habits.
- **Pearson correlation** examined the relationship between reading identity and variables such as several books read and reading behavior.
- **ANOVA** tested differences in reading identity based on age and gender.

Results

This section presents the findings of the study in relation to students' self-perception as good readers and its relationship with key variables such as reading frequency, age, and gender. Descriptive statistics, correlation analysis, and ANOVA results are presented below with accompanying tables and interpretation.

Self-Perception as a Good Reader

Students were directly asked whether they considered themselves to be “good readers.” Out of 82 valid responses, **22 students (42.3 %)** answered “Yes,” while **30 students (57.7 %)** answered “No” (see Table 1). This distribution indicates that a **majority of students do not self-identify as good readers**, suggesting potential challenges in reading confidence or motivation.

Table 1. Self-Perceived Good Reader

Good Reader Self-Perception	Frequency	Percentage
Yes	22	42.3 %
No	30	57.7 %

This result aligns with findings from Burmaa (2011), who observed that many Mongolian university students struggle with self-efficacy in academic reading due to limited strategy instruction and overemphasis on exam performance.

Correlation Between Reading Identity and Book Reading Frequency

To explore whether students who see themselves as good readers tend to read more books, a **Pearson correlation** analysis was conducted between self-perception (*Is Good Reader*) and the number of books read in the past month.

Table 2. Correlation Analysis

Variables	Correlation Coefficient (r)	Interpretation
Is Good Reader vs. Books Read Last Month	0.114	Weak positive correlation

The correlation coefficient ($r = 0.114$) indicates a **very weak positive relationship**, suggesting that students who self-identify as good readers may read slightly more frequently than those who do not. However, the relationship is not strong enough to suggest a meaningful behavioral pattern. This finding supports previous research (e.g., Mokhtari & Reichard, 2002) showing that frequency alone does not define reading identity; rather, it is often shaped by deeper motivational and cognitive factors.

ANOVA Results: Influence of Age and Gender on Reading Identity

To determine whether demographic factors such as **age** and **gender** significantly influenced students' self-perception as good readers, **one-way ANOVA** tests were conducted.

Table 3. ANOVA Results

Factor	p-value	Significance
Age	0.437	Not significant ($p > 0.05$)
Gender	0.439	Not significant ($p > 0.05$)

As shown in Table 3, **no statistically significant difference** was found in reading identity based on age or gender ($p > 0.05$). These results suggest that students' belief in themselves as good readers is **not determined by demographic characteristics** but rather by individual differences in motivation, reading habits, or strategic engagement—similar to what was found by Guthrie & Wigfield (2000) and Zimmerman (2002).

Conclusion

This study set out to explore the self-perceived reading identity of Mongolian university students and how this perception correlates with their reading habits, behaviors, and demographic variables. The data revealed that a majority of students do not consider themselves “good readers,” highlighting a gap between skill acquisition and confidence or motivation. While a weak positive correlation was found between reading frequency and positive self-perception, age and gender did not have a statistically significant effect.

These findings point to the importance of recognizing and cultivating **reading identity** as a critical component of literacy education. In EFL contexts such as Mongolia, where reading instruction often prioritizes decoding and test performance, learners may not develop the confidence or metacognitive awareness necessary to see themselves as competent readers. As previous research (e.g., Guthrie & Wigfield, 2000; Zimmerman, 2002) has shown, good readers are not simply those who read often but those who understand their reading purpose, apply strategies, and engage actively with texts.

From a pedagogical standpoint, educators should design instruction that:

- Encourages **self-reflection** on reading practices,
- Provides opportunities to develop **strategy use**,
- Fosters **intrinsic motivation** through autonomy and text relevance,

— And values student voice in constructing what it means to be a “good reader.”

Future research could expand on these findings using mixed-method or longitudinal approaches, exploring how students’ reading identities evolve over time and how targeted interventions impact both perception and performance. By addressing reading identity holistically, educational institutions can foster not only better readers but more confident and autonomous learners.

References:

1. Afflerbach, P., Pearson, P. D., & Paris, S. G. (2008). Clarifying differences between reading skills and reading strategies. *The Reading Teacher*, 61(5), 364–373. <https://doi.org/10.1598/RT.61.5.1>
2. Bandura, A. (1997). *Self-efficacy: The exercise of control*. Freeman.
3. Buehl, M. M., Schraw, G., & Bruning, R. (2001). Development of an instrument to measure epistemological beliefs. *Journal of Educational Psychology*, 93(2), 234–245. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.93.2.234>
4. Deci, E. L., & Ryan, R. M. (1985). *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-1-4899-2271-7>
5. Grabe, W., & Stoller, F. L. (2011). *Teaching and researching reading* (2nd ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315833743>
6. Guthrie, J. T., Wigfield, A., & Perencevich, K. C. (2004). *Motivating reading comprehension: Concept-oriented reading instruction*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781410610517>
7. Mokhtari, K., & Reichard, C. A. (2002). Assessing students’ metacognitive awareness of reading strategies. *Journal of Educational Psychology*, 94(2), 249–259. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.94.2.249>
8. Paris, S. G., & Paris, A. H. (2001). Classroom applications of research on self-regulated learning. *Educational Psychologist*, 36(2), 89–101. https://doi.org/10.1207/S15326985EP3602_4
9. Wigfield, A., & Guthrie, J. T. (2000). Engagement and motivation in reading. In M. L. Kamil, P. B. Mosenthal, P. D. Pearson, & R. Barr (Eds.), *Handbook of reading research* (Vol. 3, pp. 403–422). Routledge.
10. Zimmerman, B. J. (2002). Becoming a self-regulated learner: An overview. *Theory Into Practice*, 41(2), 64–70. https://doi.org/10.1207/s15430421tip4102_2
11. Бурмаа, Ц. (2011). *Англи хэл суралцагчдад уншиж ойлгох арга барил эзэмшүүлэх арга зүйн судалгаа* [Doctoral dissertation, Mongolian State University of Education].

ПСИХОЛОГИЯ

Мотивация достижения в учебной деятельности младших школьников с разной самооценкой

Абрамова Ангелина Александровна, студент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Младший школьный возраст — важный период в становлении личности ребенка. Ученые не раз отмечали, что в этот период времени ведущей для ребенка становится учебная деятельность. Школа с первых дней ставит перед учениками задачи, не связанные с их опытом, и требует мобилизации интеллектуальных и физических сил.

В начальной школе успешность в овладении учебной деятельностью, программным содержанием учебных предметов, оценка педагога являются важнейшими критериями оценки себя у большинства детей. И это имеет немало важное значение, ведь от того, как ребенок себя ощущает, зависят его внешние проявления к окружающему миру и к той социальной ситуации, в которой ребенок находится. Внутренняя уверенность помогает повысить работоспособность, стремление к освоению новых горизонтов.

Мотивация достижения в учебной деятельности младших школьников с разной самооценкой играет ключевую роль в формировании их учебных привычек и общей успешности. Важно отметить, что самооценка ребёнка существенно влияет на его мотивацию и подход к обучению. Дети с высокой самооценкой, как правило, легче справляются с трудностями и проявляют большее упорство в достижении поставленных целей. Они воспринимают проблемы как вызов, а не как преграду, что стимулирует их стремление к новым знаниям и навыкам [2].

В то же время дети с низкой самооценкой могут испытывать неуверенность и страх перед неудачей, что негативно сказывается на их мотивации. Они часто избегают сложных заданий, боясь не оправдать ожидания учителей и родителей. Такая самооценка может привести к замкнутому кругу, где страх неуспеха подавляет инициативу и желание учиться. Для таких детей крайне важна поддержка со стороны родителей и педагогов, которые могут помочь им поверить в собственные силы и возможности.

Эффективные стратегии для повышения мотивации могут включать в себя создание позитивного учебного окружения, акцент на индивидуальных достижениях и фиксацию прогресса, а также поощрение самостоятельности и ответственности за свой учебный процесс. Учителя могут применять различные игровые и проектные методики, ко-

торые стимулируют активное участие и интерес детей к изучаемым предметам. Родители, в свою очередь, могут способствовать этому процессу, формируя у ребёнка позитивное отношение к учёбе и поддерживая его инициативы.

Формирование мотивации достижения успеха, учебной мотивации тесно связано со всем ходом личностного развития в этот период, и, прежде всего, с формированием самооценки ученика. Именно поэтому мы считаем эту проблему весьма актуальной, требующей теоретического и практического подтверждения. Самооценку определяют, как сложные динамические личностные образования и личностные параметры умственного развития. Основные средства и приемы самооценки: самонаблюдение, самоанализ, самоотчет, самоконтроль, сравнение. Адекватное самооценивание свидетельствует о степени соответствия объективных оснований представлений человека к этим представлениям. Показатели самооценки определяют степень реальной и идеальной, или желаемой, самооценки [1].

Существует прямая связь между мотивацией достижения и самооценкой младших школьников. Чем выше уровень самооценки, тем выше уровень мотивации достижения в процессе обучения.

По результатам исследования М. Ю. Шабалиевского, проведённого в 2024 году, «у 50 % детей наблюдается повышенный уровень мотивации достижения. Это может свидетельствовать о том, что школьники предпочитают средний уровень риска, а также обладают умеренным уровнем притязаний на успех. У 33 % младших школьников данной выборки был выявлен средний уровень мотивации среди детей. Это может значить, что дети имеют более низкую готовность к риску. Высокий уровень мотивации набрали 14 % респондентов в выборке. Такая мотивация может привести к снижению готовности к риску у детей. Лишь у 3 % младших школьников был обнаружен низкий уровень мотивации достижения. Такие дети предпочитают либо совсем не рисковать, либо имеют высокий уровень риска» [5, с. 527].

При этом детям с высоким и средним уровнем мотивации свойственен высокий и средний уровни самооценки, характеризующие её как адекватную. У детей

с низким уровнем мотивации преобладает неадекватная самооценка, то есть низкая.

В исследовании Е. Ю. Мириной отмечалось: «Детям с высоким и средним уровнем мотивации свойственен высокий и средний уровни самооценки, характеризующие ее как адекватную. Учащиеся с завышенной и адекватной самооценкой имеют высокоразвитые познавательные интересы и положительную мотивацию к обучению. Так же можно пронаблюдать, что у детей с низким уровнем мотивации преобладает неадекватная самооценка, то есть низкая. Следовательно, можно сделать вывод, что у младших школьников уровень мотивации и уровень самооценки имеют непосредственную взаимосвязь. Учащиеся с заниженной самооценкой, часто ошибаются в своих выводах о степени сложности и способах достижения успеха в обучении, что негативно сказывается на стратегических, оперативных и тактических аспектах когнитивного развития, приводит к фрустрации, снижению мотивации и активности в обучении» [4, с. 44].

Связь между самооценкой и мотивацией достижения можно объяснить через теорию самооценочного самоподкрепления. Дети с высоким уровнем самооценки стре-

мятся подтверждать и укреплять своё положительное восприятие себя через успехи в учёбе. Они чаще выбирают более сложные задачи, поскольку верят в свою способность справляться с трудностями. В свою очередь, успешное выполнение таких задач подкрепляет их самооценку, создавая позитивный цикл самоподдержки. В то время как дети с низкой самооценкой могут избегать сложных заданий, опасаясь неудач, предпочтительно выбирая задачи, которые гарантируют успех, чтобы минимизировать риск снижения собственного восприятия.

Учителям и родителям важно учитывать эту взаимосвязь для создания поддерживающей образовательной среды. Поощрение даже небольших успехов, признание индивидуальных достижений и вера в потенциал каждого учащегося может значительно повысить их самооценку и, как следствие, мотивацию. Также важно формировать у детей адекватное восприятие ошибок как естественной части образовательного процесса, обучая их анализировать и извлекать уроки из неудач. Такой подход поможет детям развить устойчивую мотивацию достижения, основанную на уверенности в собственных силах и стремлении к личностному росту.

Литература:

1. Асеев, В. Г. Мотивация поведения и формирования личности / В. Г. Асеев. — М.: Мысль, 2018. — 264 с.
2. Бакурадзе, А. Ведущий мотив — достижения успеха / А. Бакурадзе // Директор школы. — 1992. — № 6. — С. 20–24.
3. Кручинин, В. А. Формирование мотивации достижения успеха в подростковом возрасте: монография / В. А. Кручинин, Е. А. Булатова; Нижегород. гос. архит. строит. ун-т. — Н. Новгород: ННГАСУ, 2010. — 155 с.
4. Мирина, Е. Ю. Взаимосвязь самооценки и учебной мотивации младших школьников / Е. Ю. Мирина. — Балашов, 2022. — 122 с.
5. Шаблиевский, М. Ю. Связь мотивации достижения в учебной деятельности и самооценки личности в младшем школьном возрасте / М. Ю. Шаблиевский // Молодой ученый. — 2024. — № 22 (521). — С. 526–529.

Визуализация внутреннего образа при помощи искусственного интеллекта для более успешного поиска причины психологической травмы

Ананьева Яна Геннадьевна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье анализируется возможность применения искусственного интеллекта для создания внутреннего образа пациента.

Описывается механизм воздействия визуального образа на центры головного мозга человека, определенный при помощи магнитно-резонансной томографии.

Обобщается успешный практический опыт создания нейросетью визуального образа и применения этого образа в сеансах психотерапии.

Делаются выводы об успешном опыте применения созданных искусственным интеллектом изображений внутреннего образа пациента при поиске причины психологической травмы.

В психологии образ является опосредованным отражением реальности.

Впервые категория образа в психологии появилась в рамках структурализма Вильгельма Вундта в конце XIX века.

Вильгельм Вундт включил образы в структурное единство всех элементов сознания человека.

В начале XX века канадский психолог Аллан Пайвио в своей теории двойного кодирования высказал предпо-

ложение, что память человека работает по двум направлениям: вербальному и образному.

Слова и визуальные образы необходимы для того, чтобы процесс формирования памяти был более полным и качественным.

Советский ученый Лазарь Резников предложил рассматривать образ как комплекс сигналов, структурно соответствующих объекту отражения.

Алексей Леонтьев считал, что в образе отражены сами объекты.

Внутренние визуальные образы имеют ряд свойств:

- могут быть мимолетными и сопровождаться воображаемым звуком или запахом, любым физическим ощущением;
- могут принимать форму интуитивного знания;
- не вызывают сомнений, какими бы странными и непонятными они ни были;
- обладают таким же правдоподобием, как и непосредственные чувственные ощущения;
- воспринимаются как самопроизвольные;
- вы не сомневаетесь в их истинности;
- устойчивы;
- отличаются от художественных произведений;
- у людей с развитым воображением могут принимать необычные формы.

Для изучения влияния визуальных образов на работу головного мозга специалисты-нейрофизиологи используют в своей работе магнитно-резонансную томографию (МРТ). МРТ — диагностическая процедура, позволяющая получить изображение любых отделов тела человека с высокой контрастностью мягких тканей.

Если базировать свои выводы на уже имеющихся научных данных, можно говорить о способности науки определять при помощи МРТ зоны наибольшего кровенаполнения. Зоны эти связаны с центрами головного мозга, отвечающими за определенную функцию.

Визуальный образ влияет на сетчатку глаза и подает импульс по нервным волокнам в центры головного мозга, которые находятся в правом полушарии. Такой механизм передачи информации был доказан И. Павловым в работах о формировании условного рефлекса.

Возбуждение центров вызывает прилив крови (на МРТ видны зоны более активного кровенаполнения). Усиление кровенаполнения ведет к более активным обменным процессам в исследуемом участке головного мозга. Центры головного мозга, которые связаны с активными центрами единой анатомической локализацией, также включаются в процесс активной деятельности.

Большие полушария головного мозга разделены на доли: лобную, теменную, височную и затылочную. В лобной доле находится двигательный центр, в теменной доле — центр чувствительности, в височной — слуховой центр. Центры зрительного восприятия находятся в затылочной доле головного мозга. При получении сигнала от визуального образа центры зрительного восприятия анализируют полученный сигнал и передают информацию в

слуховые, двигательные и чувствительные центры мозга, вызывая их возбуждение. Такая синхронизация работы мозговых центров вызывает у пациента:

- формирование эмоциональной реакции на визуальный раздражитель;
- формирование пространственной памяти, связанной с визуальным раздражителем;
- формирование ассоциативных образов, связанных с полученным визуальным сигналом;
- формирование целостного общего образа, включающего изображение, звук, чувствительные характеристики и эмоции.

Центры, которые начали синхронное взаимодействие с целью обработки сигнала, полученного от изображения, называются ассоциативными зонами коры больших полушарий головного мозга.

Весь нейрофизиологический процесс формирования данных отражается на снимке МРТ в виде очага обильного кровоснабжения. Очаг этот имеет тенденцию к постепенному увеличению и более контрастному проявлению. Чем более понятно и отчетливо будет подан визуальный образ (раздражитель), тем более контрастной будет зона кровенаполнения в головном мозге.

Воспоминания способны активироваться при визуальном раздражении лучше, чем при включении воображения.

После разглядывания сгенерированного образа в течение 3–5 минут пациент более детально описывает событие, которое тесно связано с данным образом.

Современные технологии и наличие нейросетей, которые могут генерировать визуальный внутренний образ пациента по его описанию, помогают точно воздействовать на нужные центры головного мозга и стимулировать воспоминания, необходимые для поиска травматического случая.

В 2024 году при работе с зависимыми от курения пациентами мною был применен прием генерации визуального образа при помощи нейросети GPT. Картинки были сгенерированы по описанию внутренних образов пациентов, которые не могли самостоятельно вспомнить травматическое событие, связанное с психологической жалобой и зависимостью.

После разглядывания визуального образа в течение 3–5 минут 70 % пациентов (30 человек) стали вспоминать причины возникновения этого образа уже на первом сеансе терапии.

Пациенты легче вспоминали место и время формирования данного образа, изображали эмоции, с ним связанные, произносили ключевые фразы, которые они слышали при формировании внутреннего образа, чувствовали определенные запахи и слышали звуки, связанные с процессом формирования данного внутреннего образа, легче вспоминали начало травматического события и его завершение.

Результаты исследования влияния образов, созданных нейросетью, на память пациента стали более убедитель-

ными после применения у пациента шлема виртуальной реальности (VR) с помещенным в зону наблюдения визуальным образом, сгенерированным специалистом-психологом в процессе сбора информации об этапах формирования психологической жалобы.

Для исследования применялся шлем Oculus Quest. Изображение образа могло быть в двух или трех плоскостях. Оно сопровождалось звуковыми эффектами, которые соответствовали образу или ситуации и были описаны самим пациентом.

Результат превзошел все ожидания. Эффект присутствия визуального образа давал возможность вспомнить условия формирования данного образа более детально. Пациенты становились более коммуникабельными, активно выражали свои эмоции и детально рассказывали о произошедшем событии, которое послужило причиной формирования внутреннего образа.

Литература:

1. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев ; под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. — М. : Смысл, 2000. — 507 с.
2. Трофимов А. М. Психические образы в структуре психических процессов (Виды и видовые характеристики психических образов) / А. М. Трофимов. — М. : Флинта, 2023. — 183 с.
3. Уэстбрук К. Магнитно-резонансная томография : справочник / К. Уэстбрук, Д. Талбот, Д. Кастильо. — М. : Лаборатория знаний, 2018.
4. Вальцев, А. Теория двойного кодирования / А. Вальцев. — Текст : электронный // Блог SF Education : [сайт]. — URL: <https://blog.sf.education/teoriya-dvoynogo-kodirovaniya/> (дата обращения: 21.04.2025).
5. Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики // Л. : Изд-во Ленинградского ун-та. — 1964. — 304 с.
6. Янкевич, С. Теория И. П. Павлова о высшей нервной деятельности человека / С. Янкевич. — Текст : электронный // Zaochnik : [сайт]. — URL: <https://zaochnik-com.com/spravochnik/biologija/obschaja-biologija/teoriya-vysshej-nervnoj-deyatelnosti/> (дата обращения: 21.04.2025).

Выводы

Образ является реальным компонентом процесса формирования памяти человека. Применение в работе психолога визуального образа, созданного нейросетью, делает процесс воспоминания о событии более быстрым и детальным, что сокращает время поиска травматических причин психологических жалоб пациентов и помогает психологу работать более качественно и эффективно.

Визуальный образ, созданный нейросетью, дает возможность более точно воздействовать на ассоциативные зоны головного мозга пациента, делает воспоминания о пережитом травматическом событии более достоверными, уменьшает количество парамнезий, дает возможность пациентам с частичной амнезией восстановить целостность воспоминаний и их последовательность.

Обзор современных методов арт-терапии для людей разного возраста

Горобченко Лилия Альтафовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Белоусова Софья Сергеевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель
Тольяттинский государственный университет

В статье автор исследует различные арт-терапевтические методы, применительно к людям различного возраста.

Ключевые слова: арт-терапия, арт-терапевтические методы, поддержка, подход, терапия.

В ходе изучения определений понятия «арт-терапия», представленных различными авторами, было резюмировано, что арт-терапия — это особое терапевтическое направление, форма психотерапии, подразумевающая использование различных средств искусства, включающих музыку, изобразительную деятельность, литературные произведения и т. д. для воздействия на психоэмоциональное состояние пациента в лечебных и коррекционных целях.

Современный ритм жизни сопровождается высоким уровнем стресса, тревог и депрессий. Арт-терапия предлагает эффективный способ снижения напряжения, улуч-

шения эмоционального состояния и повышения устойчивости к стрессу.

Многие люди испытывают сложности в осознании и выражении своих внутренних конфликтов и переживаний. С помощью арт-терапии возможно выявить скрытые эмоции и проработать их через творчество, минув барьеры словесного выражения.

Арт-терапия интегрируется с другими направлениями психологии, медицины, педагогики и социальной работы, создавая синергию между разными методами поддержки и реабилитации.

Постоянно растущее количество научных исследований подтверждает эффективность арт-терапии в улучшении психоэмоционального состояния, повышении качества жизни и социальной адаптации.

Эти факторы подчеркивают важность изучения и внедрения арт-терапевтических практик в современную систему здравоохранения, образования и социальной поддержки, делая тему актуальной и востребованной в различных сферах общественной жизни.

Рассматривая определение арт-терапевтических методов, выделим, что толкование данного понятия по своей сути мало отличается от толкования понятия «арт-терапия». Итак, арт-терапевтический метод — это терапевтический подход, который использует различные виды искусства для улучшения психического и эмоционального состояния человека [7, с. 37].

Индивидуальные различия требуют персонализированного подхода в лечении и поддержке. Арт-терапия находит широкое применение в работе с детьми, подростками, пожилыми людьми, лицами с посттравматическими расстройствами. Творческие методики помогают таким группам людей преодолевать психологические и социальные барьеры. Арт-терапия адаптируется под нужды конкретного клиента, учитывая его интересы, способности и предпочтения.

Остановимся более подробно на исследовании арт-терапевтических методов применительно к людям разного возраста.

Например, для детей особенно важны игровые методы (игротерапия), а также сказкотерапия, песочная терапия, изотерапия. Эти подходы позволяют детям выразить свои страхи, тревоги и радости, которые они часто не могут сформулировать вербально. Разберем особенности данных подходов.

Игровая терапия — это вид арт-терапевтического воздействия, применяемый к детям, в котором игра выступает ключевым инструментом. Основой различных подходов, объединенных этим понятием, является убеждение в том, что игра играет важную роль в формировании личности. Она способствует установлению теплых связей между участниками, помогает снять напряжение, беспокойство, страхи, связанные с общением, укрепляет уверенность в себе и дает возможность попробовать себя в разных коммуникативных ситуациях, минимизируя риск негативных последствий.

Детская игра обычно включает в себя:

- роли, которые берут на себя участники;
- игровые действия, служащие для реализации этих ролей; условное использование предметов — замену реальных вещей игровыми аналогами;
- реальные взаимоотношения между детьми [10, с. 3–4].

Сказкотерапия — относительно новое, современное и перспективное направление в практической психологии, которое, используя метафорический язык сказок, помогает людям лучше понимать себя, раскрыть свой по-

тенциал и выстроить доверительные, близкие отношения с окружающими.

Работа со сказкой имеет ориентацию на оказание помощи и поддержку ребенку. Арт-терапевт создает атмосферу, в которой клиент (в данном случае ребенок), взаимодействуя со сказкой (читая, сочиняя, разыгрывая, продолжая сюжет), находит решения своих жизненных проблем и сложностей.

В сказкотерапии выделяют два основных подхода: директивный и недирективный. При директивном подходе терапевт активно вовлекается в игру ребенка, чтобы выявить скрытые, подавленные тенденции в символической форме и помочь их проработать в соответствии с общепринятыми нормами и стандартами. Недирективный подход предполагает свободные, самостоятельно организованные сюжетно-ролевые игры, драматизации, кукольные представления, сочинение собственных сказок и другие формы творческой деятельности [1, с. 6–7].

Изотерапия — это терапия, основанная на изобразительном творчестве, прежде всего на рисовании, которая в настоящее время широко используется для психологической коррекции людей с невротическими и психосоматическими расстройствами, а также детей и подростков, испытывающих трудности в обучении и социальной адаптации, и переживающих внутрисемейные конфликты.

Рисование способствует развитию координации движений и чувств, поскольку требует согласованной работы различных психических процессов.

В изотерапии сам процесс создания изображения используется как средство достижения терапевтических целей. Важно понимать, что это не создание художественного произведения и не урок изобразительного искусства. Психокоррекционные занятия с использованием изобразительной терапии служат инструментом для исследования эмоций, идей и событий, развития коммуникативных навыков и отношений, а также для повышения самооценки и увеличения уровня уверенности в себе [4, с. 9–10].

Следует отметить, что, в то время как игровая и сказкотерапия чаще всего применяются к детям, терапия рисованием может быть полезна людям любого возраста и пола.

Особое внимание стоит уделить подросткам, которые часто переживают бурю эмоций и находятся в поиске своей идентичности. Арт-терапия помогает им справиться с внутренними противоречиями и найти свое место в жизни. Для подростков она является мощным инструментом самопознания, эмоциональной разгрузки и развития навыков саморегуляции. В этом возрасте особенно эффективны терапия рисованием, песочная терапия, танцевальная и двигательная терапия.

Песочная терапия — востребованное направление в психологии творчества (или арт-терапии), которое применяют как специалисты, так и сами клиенты. Суть метода заключается в диагностике и коррекции психологических проблем через игру с песком. Изначально песочная

терапия была разработана для работы с детьми, но оказалось, что она полезна и подросткам, и взрослым. Игра с песком помогает подросткам освободиться от накопившегося эмоционального напряжения, улучшить эмоциональный фон и глубже понять себя. Безопасная обстановка, возникающая в процессе игры, дает возможность выразить внутренние конфликты и противоречия в символической форме, раскрыть творческий потенциал (особенно актуально для тех, кому в детстве не хватало возможности играть и творить), найти выход из трудных ситуаций и получить ответы на важные вопросы [9, с. 3].

Танцевально-двигательная терапия (ТДТ) — это вид арт-терапии, использующий танец и движение для гармонизации эмоционального и физического состояния человека. Упражнения и этюды, применяемые в ТДТ, способствуют личностному росту, принятию себя и партнера, позволяют проиграть различные модели поведения и наглядно увидеть собственные проблемы. В процессе танца человек учится прислушиваться к себе, своему телу, чувствам, ощущениям и эмоциям, реагировать на них и соответствующим образом менять свое поведение и движения.

ТДТ имеет ряд преимуществ для подростков: формируется позитивное представление о себе (подростки учатся осознавать свои ощущения и эмоции, реагировать на них, меняя поведение), снимается физическое напряжение, повышается самооценка, снижается тревожность и агрессия, развиваются навыки общения [3, с. 59–60].

Взрослым подходят различные формы арт-терапии, в их числе такие как изотерапия, библиотерапия и драматерапия. Эти методы помогают преодолевать профессиональное выгорание, справляться со стрессом и переживать личностные кризисы.

Библиотерапия — направление арт-терапии, которое базируется на целительной силе слова, то есть самовыражении через творческое письмо.

В современный период времени библиотерапия, в отличие от традиционных подходов, акцентирует внимание не на чтении литературных произведений, а на самостоятельном написании. При этом возможна как полная свобода самовыражения, так и работа с заданными темами. Терапевтический эффект в библиотерапии основан на принципе, известном как закон Геннекена, согласно которому главный герой любого произведения — это автор. Сюда же можно отнести автобиографическое письмо, создание драматических текстов, стихосложение, ведение дневников и написание писем (хотя эпистолярный жанр, к сожалению, постепенно теряет свою актуальность) [6, с. 23–24].

Драматерапия — это форма арт-терапии, использующая театральные приемы для решения эмоциональных проблем. Этот подход сочетает в себе элементы драмы, театральных игр и ролевых упражнений.

Драматерапия применяется в групповой терапии с взрослыми и детьми. В процессе работы могут разыгрываться жизненные ситуации, например, конфликт с ре-

бенком, супругом или руководителем, а также рассматриваться сложные вопросы о смысле жизни. Примерив на себя разные роли, клиент может осознать и выразить подавленные чувства, по-новому взглянуть на болезненные события и изменить свои поведенческие стратегии [2].

Для пожилых людей арт-терапия помогает поддерживать когнитивные функции, улучшает настроение и облегчает состояние одиночества. Особенно полезны методы, связанные с воспоминаниями и созданием семейных альбомов (фототерапия). Также положительное влияние оказывает музыкальная терапия.

Фототерапия — это комплекс подходов и приемов, использующих фотографию в терапевтических и корректирующих целях для решения психологических задач, а также для личностного роста и обретения гармонии. В рамках фототерапии могут применяться как существующие изображения, так и создание и обработка собственных фотографий. Фотография по своей сути является социальным инструментом, поскольку предполагает взаимодействие между людьми и передачу широкого спектра эмоций, ощущений и представлений.

Для пожилых людей фототерапия особенно ценна, поскольку она стимулирует обмен жизненным опытом, пробуждает воспоминания, помогает осознать взаимосвязь различных этапов жизни и даже способствует подведению итогов прожитых лет [5].

Музыкотерапия — это метод, в основе которого лежит положительное воздействие музыки на физическое и психическое здоровье человека. Под руководством специалиста музыка используется в лечебных и реабилитационных программах для людей, страдающих от различных заболеваний — как соматических, так и психических. Музыка способна наладить контакт даже с теми, кто испытывает трудности в общении и предпочитает избегать диалога.

Применение музыкотерапии в работе с пожилыми людьми демонстрирует высокую эффективность, и в настоящее время активно изучается. Музыкально-терапевтические эффекты могут быть разнообразными: музыка способна тонизировать или успокаивать организм, оказывать влияние на психоэмоциональную сферу через ассоциации и эстетические переживания, воздействовать на обмен веществ, дыхание и работу сердечно-сосудистой системы, вызывая эмоциональные реакции, которые приводят к гормональным и биохимическим изменениям. Кроме того, она активизирует центральную нервную систему, улучшает когнитивные функции и память, стимулирует умственную деятельность и способствует гармонизации биоритмов, обеспечивая баланс всех физиологических процессов [8, с. 162].

Подводя итоги, выделим, что арт-терапия представляет собой мощное и многогранное направление психотерапевтической практики, охватывающее широкий спектр творческих методов, направленных на улучшение психоэмоционального состояния и социальную адаптацию различных категорий населения. В условиях современного

мира, характеризующегося высокими уровнями стресса и тревоги, арт-терапия становится важным инструментом для поддержания ментального здоровья и благополучия. Этот подход гибко адаптируется под индивидуальные потребности каждого человека, будь то ребенок, подросток, взрослый или пожилой человек, предоставляя уникальные возможности для самовыражения и самопознания.

Эффективность арт-терапевтических методов подтверждается многочисленными научными исследованиями, демонстрирующими её позитивное воздействие на качество жизни, устойчивость к стрессу и когнитивное

функционирование. Интеграция арт-терапевтических методов с традиционными подходами в медицине, образовании и социальной работе открывает новые горизонты для комплексного лечения и реабилитации.

Таким образом, изучение и внедрение методов арт-терапии является актуальным и необходимым направлением в современной практике здравоохранения и социального обеспечения. Арт-терапия не только помогает решать существующие проблемы, но и способствует профилактике эмоциональных и социальных трудностей, обеспечивая всестороннюю поддержку каждому человеку на пути к гармоничной и здоровой жизни.

Литература:

1. Барабаш Е. Ю. Методическое пособие для специалистов по работе с детьми. — Ставрополь: «Ставропольская краевая общественная детская организация «Союз детей Ставрополья», 2022. — 25 с.
2. Виды арт-терапии и примеры упражнений с доказанной эффективностью [Электронный ресурс] // URL: <https://ippss.ru/blog/vidy-art-terapii-i-primery-uprazhnenij-s-dokazannoj-effektivnostyu#7> (дата обращения: 02.04. 2025).
3. Ионина О. С. Танцевально-двигательная терапия как средство формирования положительного образа-Я подростка // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. — № 1. — С. 59–60.
4. Киселева М. В. Арт-терапия в работе с детьми: руководство для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми / М. В. Киселева. — СПб.: Речь, 2020. — 160 с.
5. Коломийцев А. К. Новый подход в применении фототерапии // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 3 (45). [Электронный ресурс] // URL: <https://research-journal.org/archive/3-45-2016-march/povuj-podxod-v-primenenii-fototerapii> (дата обращения: 04.04.2025).
6. Колошина Т. Ю. Арт-терапевтические техники в тренинге: характеристики и использование / Т. Ю. Колошина, А. А. Трусъ. — СПб.: Речь, 2020. — 189 с.
7. Копытин А. И. Современная клиническая арт-терапия: учебное пособие / А. И. Копытин. — М.: Инфра, 2022. — 526 с.
8. Салихова Л. И. Возможности музыкотерапии в работе с пожилыми людьми // Вестник КазГУКИ. — 2023. — № 1. — С. 162.
9. Сидорова В. Н. Песочное рисование с использованием метода «Sand-Art» / В. Н. Сидорова. — Пермь, 2016. — 26 с.
10. Тишкова Ю. А. Методические рекомендации по использованию технологии «Игротерапия» / Ю. А. Тишкова. — Тамбов: Районный Дом детского творчества, 2017. — 36 с.

Связь между удовлетворенностью жизнью и предрасположенностью студентов к интернет-зависимости

Малкина Вероника Владимировна, студент магистратуры;

Забродина Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, старший преподаватель
Самарский государственный социально-педагогический университет»

Интернет-зависимость — феномен психологической зависимости от сети интернет, который, в свою очередь, проявляется в своеобразном уходе от реальности, при котором процесс навигации по сети затягивает субъекта настолько, что он оказывается не в состоянии полноценно функционировать в реальном мире [4].

Родоначальниками психологического изучения феноменов зависимости от Интернета являются клинический психолог К. Янг и психиатр А. Голдберг. Основными синонимами понятия «интернет-зависимость» в современной литературе являются интернет-аддикция, нетагоизм, ин-

тернет-поведенческая зависимость, патологическое приращение интернета [9].

А. Е. Войскунский, анализируя проблему психологии зависимости от интернета, отмечает, что феномен зависимости от интернета всего лишь стадия освоения информационных технологий, в том числе и интернета. Он указывает на необходимость диагностики интернет-зависимости и выявления методических средств для ее оценки [1,4–6].

Интернет-зависимость относится к расстройствам компульсивно-импульсивного спектра и предполагает чрезмерное, болезненное онлайн и оффлайн использо-

вание компьютера, либо других цифровых устройств с аналогичными возможностями, сопровождаемое социальными, психологическими, психофизиологическими нарушениями, проблемами с занятостью и др. [5].

Интернет-зависимость способствует формированию целого ряда психологических проблем у студентов: трудности адаптации в социуме, конфликтное поведение, предпочтение виртуального пространства реальной жизни, потеря способности контролировать время пребывания за компьютером, хронические депрессии, возникновение чувства дискомфорта при отсутствии возможности пользования интернетом. Используя различные интернет-ресурсы, студент вместо стремления «учить» и «думать» предпочитает «искать». [1].

Чувство постоянной нужды в использовании интернета может быть вызвано различными причинами. М. А. Шаталина в своем исследовании выявила социально-психологические особенности интернет-зависимых студентов: такие, как высокая тревожность, повышенная интернальность, непринятие себя и других людей, склонность к педантизму, обуславливающая автономность и ориентацию на собственные интересы и желания [8].

Многие авторы обозначили следующие черты личности, зависимой от интернета: ощущение недостатка взаимопонимания, непринятие своего физического «Я», сложность в построении эффективной коммуникации и недостаток общения, эмоциональная напряженность, склонность к избеганию ответственности, неадекватное представление Я-идеального, наличие фрустрированных потребностей, потребность и ценность независимости [1,3]. Именно интернет-аддикция является одной из серьезных проблем нарушения психологического здоровья личности.

Психологическим феноменом, который выражает в себе стремление человека к внутреннему равновесию, ощущению счастья, комфорту, является психологическое благополучие. Это многогранное понятие охватывает многие стороны жизни, оно не привязано к какому-либо возрастному этапу. Данный феномен встречается в любом виде деятельности, представлен на различных этапах жизни человека. Как объект научного исследования данный феномен впервые заинтересовал западных психологов, в отечественной психологии к данной проблематике возник интерес в конце XX века [2].

Психологическое благополучие как научная категория базируется на основных теоретических и методологиче-

ских принципах гуманистической психологии. Человек способен быть творцом и субъектом своей жизни через включение в различные виды деятельности, выполнение различных социальных ролей — тем самым он реализует собственную личность. Способен постигать смысл бытия, ставить цели. В этих способностях личности заключается психологическое благополучие [2].

Эмоциональное благополучие также играет важную роль в поддержании психического здоровья. Водяха С. А. утверждает, что эмоциональное благополучие является предиктором как психического, так и соматического здоровья, что подчеркивает важность психологического состояния для общего благополучия [3].

Карапетян Л. В. в своей работе рассматривает теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия, подчеркивая, что восприятие собственного состояния напрямую связано с влиянием внешних факторов, включая использование интернет-ресурсов [7].

В данном исследовании изучалась неудовлетворенность собственной жизнью, которая может выступать в качестве одного из факторов интернет-зависимости. Гипотеза исследования заключалась в том, что степень выраженности интернет-зависимости влияет на уровень удовлетворенности собственной жизнью.

В исследовании принимало участие 42 студента в возрасте 18–24 лет. Респондентам было предложено анонимно оценить удовлетворенность собственной жизнью, а также оценить, насколько счастливыми они себя чувствуют.

Благодаря полученным данным среди респондентов были выделены 3 уровня удовлетворенности жизнью: высокий, средний и низкий. Также, в исследовании применялся тест на интернет-зависимость К. С. Янг, с помощью которого можно выявить наличие интернет-зависимости у юношей и девушек.

Испытуемым были предложены 20 ситуаций, связанных с частотой использования интернет-ресурсов, а также влиянием интернета на их повседневную жизнь. Методика позволяет обнаружить три степени выраженности интернет-зависимости: обычный пользователь Интернета, есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением Интернетом, Интернет-зависимость.

Вследствие чего, было выявлено две группы: обычные пользователи сети Интернет и студенты с проблемами, связанными с чрезмерным увлечением сетью Интернет (Таблица № 1).

Таблица 1. Результаты теста на интернет-зависимость Кимберли-Янг

Характеристика	Процент испытуемых
Обычный пользователь сети Интернет	78 % (33 ч)
Есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением сетью Интернет	22 % (9 ч)
Интернет-зависимость	-

Результаты данного теста показывают, что большинство респондентов (78 %) не проявляют признаки интернет-за-

висимости и могут считаться обычными пользователями сети Интернет. У 22 % участников наблюдаются опреде-

ленные проблемы, связанные с излишним увлечением интернетом, что может привести к негативным последствиям. Испытуемых с выраженной интернет-зависимостью выявлено не было. Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство участников теста не страдают от интернет-зависимости, что является позитивным результатом. Однако наличие проблем с чрезмерным увлечением интернетом у некоторых респондентов указывает на необходи-

мость проведения дополнительных мероприятий по профилактике и коррекции данной проблемы.

Для выявления значимых различий по таким критериям как «Удовлетворенность жизнью», «Субъективное благополучие» и «Уровень ощущения себя счастливым» между данными двумя группами использовался метод статистической обработки с помощью U-критерия Манна-Уитни (Таблица № 2).

Таблица 2. Различия между группами по критерию Манна-Уитни

	Средние значения			U	p-value
	Обычный пользователь сети Интернет	Есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением сети интернет	Интернет-зависимость		
Удовлетворенность жизнью	22	14,9	-	32	0,01
Субъективное благополучие	25,2	10,3	-	47,5	0,01
Уровень ощущения себя счастливым	22,9	16,3	-	100,5	0,01

В результате сравнительного анализа мы видим, что средний уровень удовлетворенности жизнью у обычных пользователей значительно выше, чем у студентов, имеющих проблемы с интернет-зависимостью. Разница в 7,1 балла указывает на то, что студенты, сталкивающиеся с чрезмерным увлечением интернетом, имеют более низкое восприятие своей жизни. Это может свидетельствовать о негативном влиянии интернет-зависимости на общую удовлетворенность жизнью.

Разница в 14,9 балла между группами по критерию «Субъективное благополучие» также говорит о значительном различии. Обычные пользователи чувствуют себя гораздо более благополучными и счастливыми, чем студенты с проблемами, связанными с чрезмерным увлечением сетью Интернет. Это может быть связано с тем, что злоупотребление интернетом приводит к снижению качества жизни, социальной изоляции и уменьшению положительных эмоций.

Разница в 6,6 балла по методике «Оксфордский опросник счастья» также подчеркивает, что студенты с интернет-зависимостью ощущают себя менее счастливыми по сравнению с обычными пользователями. Это может указывать на то, что чрезмерное времяпрепровождение в интернете не только снижает удовлетворенность жизнью, но и отрицательно сказывается на эмоциональном состоянии, что может привести к депрессии и другим психологическим проблемам.

Результаты исследования показывают, что существует значительная разница в показателях удовлетворенности жизнью, субъективного благополучия и уровня ощущения счастья между обычными пользователями интернета и студентами с проблемами, связанными с чрезмерным увлечением интернетом. Эти данные могут служить основой для дальнейшего анализа последствий интернет-

зависимости и разработки программ поддержки для студентов, испытывающих подобные трудности.

Таким образом, результаты исследования не только выявляют различия в уровне удовлетворенности жизнью и счастья между обычными пользователями интернета и теми, кто страдает от его чрезмерного использования, но и служат основой для дальнейшего анализа последствий интернет-зависимости. Это подчеркивает необходимость создания профилактических и коррекционных программ, направленных на помощь студентам, испытывающим трудности в управлении своим временем в сети.

Кроме того, важно учитывать, что интернет-зависимость может оказывать негативное влияние не только на индивидуальное психоэмоциональное состояние, но и на социальные взаимодействия, учебную успеваемость и общее качество жизни студентов. В связи с этим, образовательные учреждения должны взять на себя активную роль в информировании студентов о возможных рисках чрезмерного использования интернета и предоставлении ресурсов для улучшения их благополучия.

Разработка программ поддержки может включать в себя семинары и тренинги по тайм-менеджменту, а также занятия по развитию навыков саморегуляции и осознанности. Эти мероприятия помогут студентам осознать важность баланса между виртуальной и реальной жизнью, а также научат их управлять своим временем более эффективно.

Также, необходимо проводить регулярные мониторинги уровня интернет-зависимости среди студентов, чтобы своевременно выявлять группы риска и предоставлять им необходимую помощь. Совместная работа психологов, педагогов и родителей также играет ключевую роль в создании поддерживающей среды, способствующей здоровому использованию интернета.

В заключение, результаты данного исследования подчеркивают важность комплексного подхода к решению проблемы интернет-зависимости среди молодежи. Только совместными усилиями можно создать условия для формирования здоровых привычек использования интернета

и повышения общего уровня удовлетворенности жизнью студентов. В конечном итоге это будет способствовать не только личному развитию каждого студента, но и созданию более гармоничного и продуктивного образовательного пространства.

Литература:

1. Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е., Смылова О. В. Интернет: воздействие на личность. Гуманитарные исследования в Интернете. М., 2000. 431 с. -<http://www.honestnet.ru/drugoe/internet-vozdeystvie-na-lichnost.html>
2. Водяха С. А. Психометрические показатели опросника психологического благополучия // Педагогическое образование в России. 2017. № 4. С. 32–36. -<https://cyberleninka.ru/article/n/psihometricheskie-pokazateli-oprosnika-psihologicheskogo-blagopoluchiya>
3. Водяха С. А. Эмоциональное благополучие как предиктор психического и соматического здоровья // Вестник СМУС74. 2015. № 1 (8). С. 6–9. -<https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-blagopoluchie-kak-prediktor-psihicheskogo-i-somaticheskogo-zdorovya>
4. Войскунский А. Е. Актуальные проблемы зависимости от интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 1. С. 90–100.
5. Войскунский А. Е. Направления исследований опосредствованной Интернетом деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 1. С. 51–66. -<https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-issledovaniy-oposredstvovannoy-internetom-deyatelnosti>
6. Войскунский А. Е., Митина О. В., Гусенова А. А., Рустамова Н. Э. Диагностика зависимости от Интернета: сравнение методических средств // Медицинская психология в России. 2015. № 4 (33). С. 11. -<https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-zavisimosti-ot-interneta-sravnienie-metodicheskikh-sredstv>
7. Карапетян Л. В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального ун-та. 2014. № 1. С. 171–182. -<https://elibrary.ru/item.asp?id=21521771>
8. Шаталина М. А. Анализ факторов, влияющих на формирование Интернет-аддикции // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2009. С. 188–192. -<https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-vliyayuschih-na-formirovanie-internet-addiktsii>
9. Янг К. С. Диагноз — интернет-зависимость // Мир Интернет. № 2. 2000. С. 24–29. -<https://cyberpsy.ru/articles/young-internet-addiction/>

Современные средства коучинга

Немцева Наталья Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Доронина Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В настоящее время большое внимание уделяется активным методам обучения и развития персонала. Одним из таких методов является коучинг.

Коучинг представляет собой расширение сознания людей, способствует развитию и обучению, а также стимулирует творческий поиск решений и поддерживает решимость клиента в достижении целей и изменении собственной деятельности, создает условия для самостоятельного понимания клиентом, что ему необходимо делать. Иными словами, коучинг помогает людям находить собственный уникальный способ достижения цели.

Коуч формирует особое пространство поиска альтернатив, креативную атмосферу, атмосферу доверия, в которой клиент чувствует, что его предложения и идеи не остаются без внимания. В отличие от педагога, коуч не дает

советов, жестких рекомендаций и готовых алгоритмов решения, а стимулирует творческий поиск решений и поддерживает решимость клиента в достижении целей и изменении собственной деятельности, создает условия для самостоятельного понимания клиентом, что ему необходимо делать [2, с. 204–208].

Одним из идеологов коучинга является Н. М. Зырянова, рассматривающая понятие коучинга в узком и широком смысле. Так, автор отмечает, что «в широком смысле коучинг представляет собой форму консультативной поддержки, способствующую индивиду в достижении значимых для него целей в оптимальное время посредством мобилизации его внутреннего потенциала, формирования новых навыков и развития необходимых способностей. В узком смысле, коучинг является процессом выяв-

ления целей индивида и выработки оптимальных путей для их достижения. Ключевая обязанность коуча состоит в том, чтобы выявить лучшее в личности человека. Ключевая обязанность человека состоит в принятии на себя ответственности за решение поставленной задачи. Человек несет ответственность за собственные результаты» [7, с. 147].

Коуч не работает с прошлым человека, он работает с задачами, выбором и возможностями. Коуч способствует пониманию, почему люди не справились с поставленной задачей, помогает им предпринять действия, необходимые для нахождения оптимальных путей, научиться впоследствии поступать иначе. Коуч в работе стимулирует клиентов к более глубокому осознанию собственных целей, ресурсов и ограничений, способствует определению направления развития личности.

Коучинг помогает посмотреть на возникшие проблемы с разных сторон, увидеть положительные стороны и пути развития для достижения цели. Для успешного коучинга необходимо уметь поддерживать людей, стремиться к цели вместе с ними, но не делать работу за них.

Различными средствами коучинга можно добиться определенных успехов в достижении целей клиентов. Среди них:

1. Групповые занятия, тренинги.

В формате тренинга коучинговые техники могут быть использованы тренером, на котором озвучиваются ожидания участников от программы, происходит постановка общей цели, задач, а также прояснение индивидуальных целей каждого участника. При возникновении в процессе групповой динамики конфликтных ситуаций, коучинг будет выступать эффективным инструментом в решении такой ситуации, посредством не оценивающей коуч-позиции тренера и коучинговых вопросов. На этапе выработки правил группой, коучинговые инструменты позволят сфокусировать группу и повысить ее осознанность. На основном этапе работы в тренинговом формате коучинг эффективно решает текущие задачи, не уходя в более глубокие психологические проблемы, позволяет сфокусироваться на настоящем, расширяя свои ресурсы, возможности и потенциалы. На заключительном этапе коучинг способствует эффективному закреплению полученных результатов и оценке проведенной работы.

Групповые занятия позволяют провести обучение лидерским навыкам и компетенциям, повышению мотивации, а также рассчитаны на коррекцию и развитие [10, с. 154].

2. Арт-тренинг.

Арт-коучинг позволяет исследовать себя при помощи арт-объектов, созданных в творческом процессе. При этом прописывать шаги, опираясь на собственный материал, при помощи коучинговых технологий. Отличие арт-коучинга — масштабное использование метафор, образов и инструментов искусства. Использование элементов метафорического языка способствует развитию креативных качеств личности, самообладанию, уверен-

ности в себе, помогает осуществлять творческий поиск оптимальных решений. Арт-направление выбрано с тем, что оно не имеет возрастных ограничений, не зависит от культурного опыта и социального положения, отличается более «мягким» средством коучинга по сравнению с другими. Арт-тренинг также является здоровьесберегающим. В арт-коучинге есть 5 основных вопросов, которые мы можем задавать себе, прежде чем ставить цель:

- кто-то еще хочет, чтобы я достиг этой цели?
- было бы мне стыдно, если бы я не достиг этой цели?
- я действительно считаю, что это важная цель?
- будет ли эта цель приносить мне удовольствие?
- отражает ли эта цель меня и то, что я больше всего ценю в этой жизни?

Последовательно отвечая себе на эти вопросы, можно понять, действительно ли я хочу добиться именно этой цели, истинна ли она [5, с. 204–209].

В арт-коучинге есть такое понятие: «если человек ставит цель, то у него уже есть 50 % ресурсов для ее достижения, а остальные 50 включатся в момент пути» [9, с. 121].

В арт-коучинге используются такие техники, как рисование, лепка, сказка, танцевально-двигательные и др. Арт-коучинг позволяет обеспечить конструктивное перераспределение напряжений внутри человеческой психики, развитие его потенциала, целеустремленности, ресурсирование [4, с. 51–55].

3. SMART-цели.

Это метод установления конкретных, измеримых, достижимых, релевантных и ограниченных по времени целей позволяет ориентироваться на конкретные результаты и измерять прогресс по достижению целей. Она способствует детальному описанию нужных результатов и подходит для формулировки краткосрочных и среднесрочных целей.

У SMART-целей 5 критериев, которые необходимо учитывать при постановке задачи. Именно благодаря им получится сформулировать цель четко и понятно. Исходя из этой методики, цель должна быть:

1. Specific — конкретная, определенная.
2. Measurable — измеримая.
3. Achievable — достижимая. Цель не должна быть размытой, обобщенной, сложной. Цель должна быть достигаемой.
4. Relevant — значимая.
5. Timed — привязанная ко времени.

Для личной или профессиональной сферы поможет постановка следующих вопросов:

1. Сколько понадобится времени?
2. Необходимо ли какое-то оборудование или дополнительная информация?
3. Нужна ли помощь других людей?
4. Есть ли уже какой-то опыт достижения подобных целей?
5. Если опыт есть, то что нужно учесть исходя из него?
6. Есть ли на данный момент энергия на выполнение этой цели?

Цель обязательно должна быть реальной, соотноситься с более крупными стратегическими целями и работать на их достижение. Метод постановки целей SMART легко использовать во всех сферах жизни. Ключевые показатели помогают сформулировать цель грамотно, чтобы она точно была достигнута [8, с.55–56].

4. GROW.

Одна из наиболее широко признанных схем коучинга. Она включает в себя четыре ключевые фазы: Цель, Реальность, Варианты и Путь вперед. Коучи помогают клиентам сформулировать свои цели, оценить текущую ситуацию, провести мозговой штурм стратегий и создать планы действий. Эта модель делает акцент на утверждении и действии, позволяя клиентам разработать план действий с четкими шагами и сроками, а также регулярно проверять ход работы, чтобы выявлять препятствия и корректировать план по мере необходимости. Помогает структурировать коучинг-сессию и поддерживает клиента на пути к достижению его цели.

G (Goal) — этап постановки цели: «Что ты хочешь?»

R (Reality) — под наставничеством коуча клиент дает оценку нынешней ситуации, что в ней он хотел бы изменить и для чего.

O (Opportunity) — тщательно анализируются имеющиеся возможности. Какие действия возможны на данном этапе для продвижения к цели. Тут большое значение имеет количество, а уже потом приоритетность каждой из них.

W (Will) — разработка четкого плана дальнейшей работы для реализации ранее определенных этапов. Здесь

происходит определение сроков и показателей успешности [3, с.129].

5. Рефлексия и обратная связь.

Инструменты, которые помогают клиенту осознать свой прогресс, успехи и учебные моменты в процессе коучинга. Рефлексия позволяет клиенту обдумать свои мысли, чувства и действия, а обратная связь от коуча помогает клиенту получить объективную оценку и поддержку [1, с. 111].

Таким образом, коучинг, используемый в современном мире как инструмент развития и расширения сознания, позволяет руководителям укреплять партнерские отношения и атмосферу в команде, развивать лидерские компетенции сотрудников, способность принимать более обоснованные управленческие решения. Командный коучинг помогает сплочению коллектива, а также развивает эффективную коммуникацию внутри коллектива. Консультирование в стиле коучинга помогает корректировать собственные заблуждения и установки, увеличивается готовность к решению проблем, в которых были трудности, повышается продуктивность работы интеллекта как главного орудия выживания человека в современном мире. Главная роль коуча заключается в помощи каждому человеку находить свой уникальный путь к успеху, который наиболее соответствует его личности. А клиент таким образом принимает личную ответственность за собственные действия и обладает неограниченной свободой выбора наиболее подходящего для себя направления. В результате чего жизнь становится более осмысленной, продуктивной и насыщенной.

Литература:

1. Анзорова, А. У. Коучинговое сопровождение профессионального развития руководителей школ в процессе курсовой подготовки / А. У. Анзорова // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. — 2023. — № 1(54). — С. 105–112.
2. Герцен, А. А. Коучинг как инструмент управления развитием персонала / А. А. Герцен, М. А. Шуковская // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. — 2020. — Т. 1. — С. 204–208.
3. Дмитриев, А. Г. Модели, техники и инструменты организационного коучинга / А. Г. Дмитриев, А. Е. Белов // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития: сборник статей XLVII Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 30 января 2025 года. — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2025. — С. 127–133.
4. Доронина Н. Н. Арт-технологии в профилактике психологического стресса в студенческом возрасте // Психология обучения. — 2014. — № 7. — С. 51–55.
5. Доронина Н. Н. Использование арт-терапии в работе со студентами / В сборнике: Теоретические и прикладные аспекты деятельности психологической службы вуза. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, 2017. — С. 204–209
6. Истюфеева, Ж. Н. Командный коучинг как технология психолого-педагогического сопровождения педагогического коллектива / Ж. Н. Истюфеева // Вестник педагогических инноваций. — 2022. — № 2(66). — С. 57–63. — DOI 10.15293/1812-9463.2202.07.
7. Потоцкая, Н. А. Технология коучинга как средство преодоления кризиса среднего возраста / Н. А. Потоцкая // Наукосфера. — 2021. — № 6–1. — С. 145–148.
8. Петухова, Я. Н. Постановка целей по методике smart в личной и профессиональной сферах / Я. Н. Петухова, М. В. Чукалова // Студенческий научный форум 2023: сборник статей VI Международной научно-практической конференции в 2 частях, Пенза, 17 января 2023 года. Том Часть 2. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. — С. 55–57.

9. Тертышная, А. К. Развитие лидерских качеств руководителей органов внутренних дел средствами коучинга / А. К. Тертышная // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Челябинск, 10 февраля 2022 года / Отв. редактор В. Б. Шаронова. — Челябинск: Челябинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2022. — С. 151–164.
10. Чурсинова, О. В. Техники арт-коучинга в профессиональном становлении и саморазвитии / О. В. Чурсинова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 10–2(61). — С. 120–122. — DOI 10.24412/2500–1000–2021–10–2–120–122.

Психологическое консультирование родителей обучающихся по вопросам нравственного воспитания

Рахманкулов Денис Мирасович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Научный руководитель: Скрипова Надежда Евгеньевна, доктор педагогических наук, доцент
Челябинский институт развития образования

Согласно статье 44 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», «родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся имеют преимущественно право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами. Они обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка. Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. Таким образом, современное понимание роли семьи в нравственном становлении личности определяет степень ответственности родителей в вопросах приобщения ребенка к нравственным ценностям, формирования у детей основ нравственной позиции и поведения. Между тем современная проблема семейного воспитания — чрезмерная загруженность родителей по материальному обеспечению семьи — привела к тому, что некоторые родители самоустранились от воспитания собственных детей, предоставив данную заботу учебным заведениям. Однако только во взаимодействии педагогов и родителей возможен полноценный процесс воспитания будущего гражданина. Ученые, изучающие различные аспекты семейного воспитания делают вывод о том, что именно высокий уровень педагогической компетентности родителей поможет им успешно реализовать воспитательную функцию и избежать ошибок в воспитании детей.

В нравственном воспитании, сегодня уже не сбавляет тот стереотип, когда работа с семьями осуществлялась только за счет информирования родителей об успехах и проблемах ребенка, в лучшем случае — за счет психолого-педагогического просвещения родителей.

Сегодня требуется переход от модели воспитания к модели развития психолого-педагогической компетентности педагогов и родителей, создание условий и мотивации для межличностного, внутрисемейного и меж семейного взаимодействия, позволяющих решать актуальные задачи развития и воспитания ребенка, его обучения и социализации.

Консультативная деятельность — это оказание помощи обучающимся, их родителям (законным представителям), педагогическим работникам и другим участникам образовательного процесса в вопросах развития, воспитания и обучения психологического консультирования. [4]

Психологическое консультирование является одним из условий психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса, важным компонентом работы педагога-психолога, и имеет свою специфику. Она заключается в опосредованном характере консультирования, т. е. направленном на проблемы развития, обучения и воспитания ребенка.

Главными формами взаимодействия с семьей являются индивидуальные формы работы и групповые.

Самыми распространенными традиционными формами работы с родителями являются: родительские собрания, конференции, советы родителей, индивидуальные беседы, консультации родителей, вечера вопросов и ответов. Одна из важных ролей в сотрудничестве родителей и школы принадлежит родительскому комитету. От того, насколько слаженно и ответственно подходит к своей деятельности родительский комитет, зависят взаимоотношения родителей друг с другом, общение взрослых и детей, атмосфера в детском коллективе.

К нетрадиционным и современным формам работы с родителями можно отнести: дни открытых дверей, родительские встречи, родительские вечера, родительские

чтения, тренинги, ринги, мастерские, родительский клуб, мозговой штурм, круглый стол, онлайн-вебинары, родительский университет, раздел на сайте общеобразовательной организации для родителей «Наши советы».

Также существуют и другие формы работы с родителями, которые можно разделить на группы:

- формы познавательной деятельности: общественные форумы знаний, творческие отчеты по предметам, дни открытых уроков, праздники знаний и творчества, турниры знатоков, совместные олимпиады, выпуск предметных газет и т. д.;
- формы трудовой деятельности: оформление кабинетов, благоустройство и озеленение школьного двора, посадка аллей, создание классной библиотеки; ярмарка-распродажа семейных поделок, выставки и др.;
- формы досуга: совместные праздники, подготовка концертов, спектаклей; просмотр и обсуждение фильмов, соревнования, конкурсы, КВНы, походы, экскурсионные поездки.

Консультации полезны для родителей и для педагога. При этом родители получают реальное представление о школьных делах и поведении ребенка, учитель получает необходимые ему сведения для более глубокого понимания проблем обучающегося. [5]

В Психотерапевтической энциклопедии описаны следующие виды психологического консультирования:

1. Проблемно-ориентированное консультирование.

Акцент делается на модификации поведения, анализе внешних причин проблемы. Цель работы с клиентом: формирование и укрепление способности клиента к адекватным ситуации действиям, овладение техниками, позволяющими улучшить самоконтроль. Много приемов, используемых в рамках этого направления, взято из поведенческой терапии.

2. Личностно-ориентированное консультирование.

Основано анализе индивидуальных, личностных причин проблемы, складывания деструктивных личностных стереотипов, предотвращении подобных проблем в будущем. Консультант здесь принципиально воздерживается от советов и организационной помощи, так как это уводит в сторону от внутренних, глубинных причин проблемы. Много приемов, используемых в рамках этого направления, взято из многочисленных психоаналитических и постпсихоаналитических течений психотерапии.

Прежде всего, сюда следует отнести гештальттерапии, гуманистической психотерапии.

3. Решение-ориентированное консультирование. Упор здесь делается на активацию собственных ресурсов клиента для решения проблемы.

Представители этого подхода обращают внимание на тот факт, что анализ причин проблемы неминуемо приводит к усилению чувства вины у клиента, что является препятствием к сотрудничеству психолога-консультанта и клиента. Много приемов, используемых в рамках этого подхода, взято из краткосрочной позитивной терапии.

Психологическое консультирование родителей (законных представителей), может выполнять различные функции.

1. информирование родителей о школьных проблемах ребенка. Родители не всегда имеют о них достаточно полное и объективное представление.

2. консультативно-методическая помощь в организации эффективного детско-родительского общения, если с таким запросом обратились сами родители или психолог считает, что именно в этой области кроются причины школьных проблем ребенка.

3. получение дополнительной диагностической информации от родителей. Например, на этапе углубленной диагностики психолог может попросить родителей помочь ему выявить влияние семейной ситуации на психологическое благополучие ребенка в школе.

4. психологическая поддержка родителей в случае обнаружения серьезных психологических проблем у их ребенка либо в связи с серьезными эмоциональными переживаниями и событиями в его семье.

Итогом консультативной работы должен быть договор о совместных действиях родителей и школьного психолога в решении задач сопровождения ребенка в период его школьного обучения.

Функции психологического консультирования

Психологическое консультирование реализует в обществе четыре основные функции:

1. Психологическое просвещение граждан.
2. Оказание психологической помощи.
3. Содействие эффективному личностному развитию и функционированию, реализации потенциала граждан.
4. Проведение исследований в области консультирования.

Принципы психологического консультирования суть правила работы, возникшие из опыта практической деятельности людей в этой области. В нашем описании принципов психологического консультирования мы будем придерживаться того порядка, который некогда задала Ю. Е. Алешина.

1. Доброжелательное и без оценочного отношения к клиенту.
2. Ориентация на нормы и ценности клиента.
3. Осторожное отношение к советам.
4. Разграничение личных и профессиональных отношений.
5. Включенность клиента в процесс консультирования.
6. Анонимность.
7. Принятие клиентом ответственности за происходящее с ним.

Таким образом, психологическое консультирование представляет собой область практической психологии, суть которой заключается в оказании психологом-консультантом психологической помощи клиенту в ходе специально организованной беседы, направленной на осознание клиентом сути проблемы и способов ее решения.

Литература:

1. Андриенко, Е. В. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В. А. Сластенина. — М.: Издательский центр «Академия», 2010.
2. Акутина С. П. Социально-ценностная роль семейного чтения в развитии современных детей и подростков: педагогический дискурс // Молодой ученый. — 2015. — № 22.1. — С. 1–4.
3. Неумоева-Колчеданцева Е. В. Возрастная психология и педагогика, семейведение. Возрастное консультирование. Учебное пособие для СПО. М.: Юрайт, 2019.
4. Дубровина И. В. Практическая психология в образовании [Текст]: Учебное пособие / И. В. Дубровина. — СПб, издательство «Питер», Изд. 4-е, 2006.
5. Калимуллин Р. Х. Добрые деяния — основа развития духовности, нравственности молодёжи [Текст]: монография / Р. Х. Калимуллин.- Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. — С. 180.
6. Гаврилова, Т. П. О воспитание нравственных чувств. — М., 1984.
7. Варга А. Я., Смехов В. А. Психологическая коррекция взаимоотношений детей и родителей // Вестник Моск. Унта. Серия 14. Психология. — 2006. — № 4
8. Лагодина, Е. Н. Проблемы нравственного воспитания детей в России [Текст]: учебное пособие / Лагодина Е. Н. М.: Просвещение, 2006. 154 с.
9. Логинова, Н. В. Реализация программы духовно — нравственного воспитания как основа формирования культуры и ценностных ориентаций школьников [Текст] / Н. В. Логинова // Профильная школа. — 2011. — № 5. — С.60–63.

Влияние уровня тревожности на развитие коммуникативных способностей у детей дошкольного возраста

Рябинина Анна Сергеевна, студент магистратуры;

Архипова Ирина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент

Самарский государственный социально-педагогический университет

В данной статье мы рассмотрели особенности формирования эмоционально-коммуникативных навыков у дошкольников. Проанализировали теоретические аспекты, включая влияние социальной среды, речевого развития и эмоциональной регуляции на коммуникативные способности детей. Эмпирическое исследование включает результаты диагностики уровня тревожности у детей 5–6 лет, проведенное с использованием методики «Тест тревожности» на базе МБДОУ «Детский сад компенсирующего вида» г. Самары. Сделали вывод о необходимости учёта индивидуальных особенностей ребёнка и его эмоционального состояния для успешного формирования коммуникативных навыков.

Ключевые слова: дошкольники, эмоционально-коммуникативные навыки, уровень тревожности, вербальная коммуникация, социальная среда, эмоциональная регуляция, диагностика.

Формирование эмоционально-коммуникативных навыков у детей дошкольного возраста является важной составляющей их общего психического развития и успешной социализации. На развитие этих навыков влияют два основных фактора: индивидуальные особенности ребёнка и окружающая среда.

По мнению Л. С. Выготского, эмоции и коммуникация у детей развиваются в процессе их взаимодействия с взрослыми и сверстниками. В своей работе «Вопросы детской психологии» он подчёркивает, что социальная среда играет ключевую роль в формировании личности ребёнка [3]. Теория Выготского о зоне ближайшего развития объясняет, что ребёнок способен освоить новые формы взаимодействия и эмоциональной регуляции, если получает поддержку со стороны более компетентного взрослого или сверстника.

Исследования Т. В. Артемьевой и Е. С. Шакирзяновой показывают, что дети с общим недоразвитием речи (ОНР)

сталкиваются с затруднениями в формировании вербальной коммуникации. Это, в свою очередь, отражается на их способности выражать эмоции и понимать чувства окружающих. Авторы подчёркивают необходимость целенаправленной работы по развитию речи для улучшения коммуникативных способностей таких детей [1]. Неполноценная сформированность речевой функции становится препятствием для полноценного взаимодействия в коллективе, что может усиливать эмоциональные трудности.

Ю. В. Батенова выделяет коммуникативную компетентность как один из ключевых факторов, влияющих на социальный статус дошкольника. Она утверждает, что недостаток коммуникативных навыков может привести к низкой самооценке и затруднениям в построении отношений со сверстниками [2]. При этом Батенова подчёркивает важность обучения дошкольников навыкам кон-

структивного взаимодействия и разрешения конфликтов, которые помогают детям чувствовать себя более уверенно.

Важное значение имеет также методика формирования навыков связанных высказываний, представленная в учебном пособии В. П. Глухова. Автор подчёркивает, что развитие связанной речи у детей с ОНР способствует улучшению их эмоционально-коммуникативных навыков. Он предлагает использовать игровые методы и моделирование жизненных ситуаций для достижения лучших результатов [4]. Это позволяет детям не только развивать речь, но и лучше понимать эмоциональные реакции окружающих.

Эмоционально-коммуникативные навыки формируются не только через речь, но и через невербальные средства общения. Жесты, мимика, интонация играют важную роль в передаче и восприятии эмоций. Исследования показывают, что развитие этих навыков у детей связано с их способностью к эмпатии и эмоциональной регуляции. В дошкольном возрасте особенно важно обучение детей пониманию невербальных сигналов и правильному использованию собственных.

Социальные игры и другие формы взаимодействия в группе сверстников являются естественной почвой для развития эмоционально-коммуникативных навыков. Игровая деятельность позволяет детям моделировать различные социальные ситуации, пробовать новые роли и отрабатывать навыки взаимодействия. Совместные игры способствуют формированию таких качеств, как терпимость, способность к сотрудничеству, умение договариваться. Исследования подтверждают, что дети, которые часто участвуют в коллективных играх, лучше адаптируются к условиям детского сада и школьного обучения.

Роль воспитателей и родителей в формировании эмоционально-коммуникативных навыков трудно переоценить. Воспитатели создают условия для взаимодействия детей, направляют их поведение, помогают решать конфликты. Родители, в свою очередь, формируют у детей ба-

зовые представления о взаимодействии с окружающими, подавая пример своим поведением. Эффективное сотрудничество между педагогами и родителями позволяет достигать лучших результатов в развитии детей.

Особое внимание в исследованиях уделяется влиянию тревожности на развитие эмоционально-коммуникативных навыков. Высокий уровень тревожности может затруднять общение и мешать ребёнку выражать свои эмоции. Для таких детей требуется индивидуальный подход, направленный на снижение тревожности и создание комфортных условий для общения. Как показали исследования, тревожные дети нередко испытывают трудности в отношениях как с взрослыми, так и со сверстниками, что ещё больше усиливает их эмоциональные проблемы.

Одним из важных факторов, влияющих на развитие эмоционально-коммуникативных навыков у детей с нарушением речевого развития, является уровень тревожности. Повышенная тревожность у дошкольников нередко выступает в роли препятствия для полноценного общения: она может снижать речевую активность, вызывать неуверенность, затруднять инициативу во взаимодействии со сверстниками и взрослыми. Эмоциональное напряжение, сопряжённое с внутренним дискомфортом, часто ведёт к отказу от общения, избеганию социальных контактов, что, в свою очередь, ещё более усиливает трудности в формировании коммуникативных умений.

В связи с этим для более глубокой оценки эмоционального фона ребёнка и его влияния на коммуникативное поведение в настоящем исследовании использовался «Тест тревожности» авторов Р. Тэмпл, В. Амен и М. Дорки. Методика позволила получить как количественные, так и качественные данные о тревожности детей, тем самым обеспечив основу для анализа связи между эмоциональным состоянием и особенностями коммуникативного взаимодействия в группе. В исследовании приняли участие 40 детей. Результаты диагностики представлены на рисунке 1.

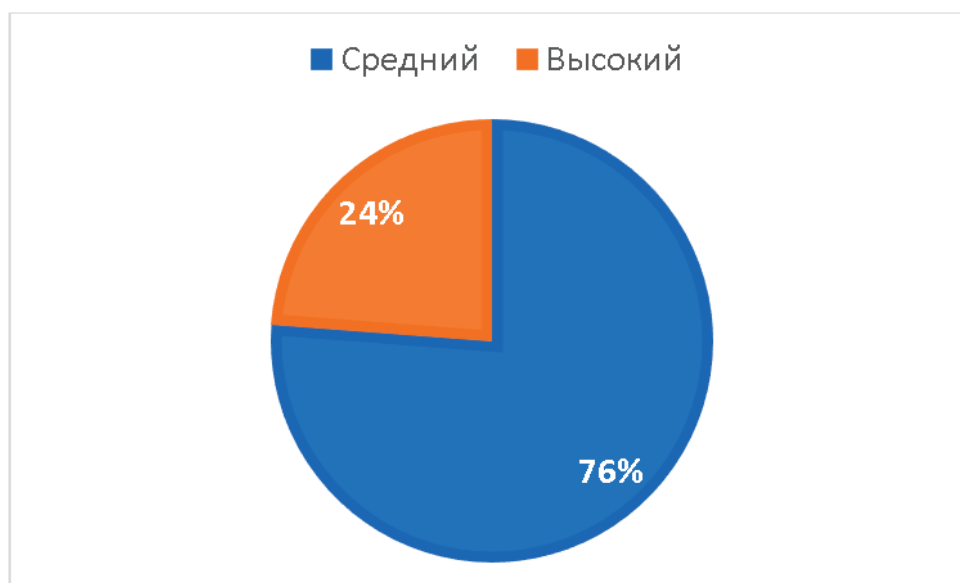


Рис. 1. Уровень тревожности, %

Результаты анализа:**1. Распределение уровней тревожности:**

- Низкий уровень тревожности отсутствует.
- Средний уровень тревожности обнаружен у 76 % респондентов.
- Высокий уровень тревожности отмечен у 24 % респондентов.

2. Аспекты проявления тревожности:

- У половины детей тревожность проявляется в моделировании отношений «ребёнок — ребёнок».
- У другой половины — в отношениях «ребёнок — взрослый».

3. Психоэмоциональное состояние в повседневных ситуациях:

У большинства респондентов тревожность не связана с повседневными ситуациями, что указывает на локальный характер проблемы.

Полученные данные подтверждают, что формирование эмоционально-коммуникативных навыков требует учёта индивидуальных особенностей детей и их эмоционального состояния. Высокий и средний уровни тревожности у большинства детей подчёркивают необходимость работы с межличностными отношениями в коллективе. Моделирование взаимодействия «ребёнок — взрослый» и «ребёнок — ребёнок» может стать ключевым направлением коррекционной работы.

Формирование эмоционально-коммуникативных навыков у дошкольников — сложный, но важный процесс. Для его успешного осуществления необходимо учитывать как индивидуальные особенности детей, так и специфику их взаимодействий с окружающими. Использование методов работы, описанных в исследованиях и учебных пособиях, а также проведение регулярной диагностики позволит создать условия для гармоничного развития детей.

Литература:

1. Артемьева Т. В., Шакирзянова Е. С. Особенности развития вербальной коммуникации у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи // Auditorium. — 2020. — № 3. — С. 75–79.
2. Батенова Ю. В. Личность дошкольника: коммуникативная компетентность и социальный статус ребенка // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2020. — С. 133–145.
3. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии / Л. С. Выготский. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 160 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-06998-3. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/538601> (дата обращения: 16.12.2024).
4. Глухов В. П. Методика формирования навыков связных высказываний у дошкольников с общим недоразвитием речи: учебное пособие для вузов / В. П. Глухов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 231 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13118-5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/541110> (дата обращения: 16.12.2024).

Родительские установки и их влияние на формирование самооценки подростков

Старкова Ксения Денисовна, студент

Научный руководитель: Лыдкова Галия Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (Республика Татарстан)

Настоящая статья посвящена изучению взаимосвязи родительских установок и самооценки подростков. В статье представлен анализ самооценки подростков и родительских установок, а также результаты исследований, подтверждающих существенное влияние родительских установок на формирование самооценки у подростков.

Ключевые слова: подростковый возраст, самооценка, родительские установки.

Современный мир, характеризующийся стремительным развитием, предъявляет повышенные требования к личности. Все более востребованными становятся люди, способные к самоконтролю, постановке целей и планированию, а также к адекватной самооценке и анализу своего взаимодействия с окружающими. Уверенность в себе, объективная оценка своих возможностей и стремление к самосовершенствованию становятся ключевыми факторами успеха в быстро меняющемся обществе.

Подростковый возраст — это критический период, когда формирование самооценки приобретает первостепенное значение в связи с масштабными личностными изменениями. Этот период охватывает три ключевые сферы: физическую, характеризующуюся гормональными изменениями; социальную, где подросток занимает промежуточное положение между детством и взрослой жизнью; и психологическую, связанную с формированием мировоззрения, переоценкой ценностей и жизненных планов. Именно в этот период самосознание становится опреде-

ляющим фактором, а самооценка — центральным регулятором поведения.

Проблема самооценки, как психологической категории, вызывает устойчивый интерес в научном сообществе. Значительный вклад в изучение самооценки внесли советские психологи, в частности: Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. Г. Спиркин.

Согласно определению американского психолога В. Сатир, самооценка — это неотъемлемый компонент самосознания человека, включающий субъективную оценку внутреннего и внешнего «Я», а также весь спектр когнитивных и аффективных переживаний, связанных с самовосприятием индивида [3].

Н. Е. Харламенкова разделяет концепцию самооценки, предложенную В. Сатиром, и, развивая ее, выделяет эмоциональный и рациональный компоненты в структуре самооценки. Эти компоненты дают индивиду возможность понять собственные модели поведения, мотивационную сферу и целеполагание, а также адекватно оценить индивидуальные способности и перспективы личностного развития [4].

Родительские установки и позиции являются важным аспектом детско-родительских отношений. Являясь ключевым компонентом родительства, установки формируются под влиянием культурных особенностей и определяют родительское поведение. Хотя реализация этих установок в поведении зависит от различных факторов, они являются основой взаимоотношений между родителями и детьми.

По мнению Р. В. Овчарова, родительские установки представляют собой определенный взгляд на свою родительскую роль, который включает в себя репродуктивный компонент установок, основанный на когнитивном, эмоциональном и поведенческом компонентах [2].

Согласно концепции Э. Берна, родительские установки — это родительские предписания, которые влияют на формирование будущей жизни и профессионального пути ребенка, а также на его представления о своем поле, браке и выборе партнера [1].

Семья как стабильный социальный институт обеспечивает жизнедеятельность и удовлетворение потребностей своих членов. Являясь основным институтом социализации, семья, особенно родительские установки

и стили воспитания, оказывает значительное влияние на формирование самооценки подростков.

Согласно концепции Куперсмита, условиями для формирования низкой самооценки являются: завышенные требования, предъявляемые родителями к детям, недостаточная заинтересованность в их благополучии и личностном развитии, перестройка семейной системы (повторный брак родителей), постоянные конфликтные ситуации и низкая степень удовлетворенности матери с семейными отношениями.

К условиям формирования средней самооценки относятся: снисходительное и покровительственное отношение родителей к детям, низкий уровень родительских притязаний, проявление тревожности в связи с попытками детей проявить самостоятельность и ограничение возможностей приобретать личный опыт вне семьи.

И, наконец, условиями для формирования высокой самооценки являются: высокая степень удовлетворенности матери семейными отношениями, четкое распределение полномочий в процессе принятия решений, наличие авторитетного и ответственного родителя и практика коллективного обсуждения проблем, атмосфера взаимного уважения и позитивное отношение между членами семьи, а также восприятие ребенком родителей как успешных личностей.

Анализ определений «родительских установок» показал, что это сложная система родительских убеждений, ожиданий, установок и поведенческих стратегий, которые передаются детям. Несмотря на различия в акцентах, все авторы сходятся во мнении, что эти установки играют ключевую роль в формировании личности ребенка.

Нами было проведено исследование на базе МБОУ «Средняя школа № 2» ЕМР РТ. В исследовании приняли участие 50 респондентов: 25 подростков (14–15 лет) и 25 родителей.

В рамках исследования были использованы 2 методики: Тест-опросник «Определение уровня самооценки» (автор методики С. В. Ковалёв), Опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффера-Белла и др.

В результате исследования по методике Тест-опросник «Определение уровня самооценки» (автор методики С. В. Ковалёв) были получены следующие данные, представленные в таблице 1.

Таблица 1. Эмпирическое представление результатов методики Тест-опросник «Определение уровня самооценки» (автор методики С. В. Ковалёв)

Показатель	Количество (%)
Высокий уровень самооценки	20 %
Средний уровень самооценки	36 %
Низкий уровень самооценки	44 %

Анализ данных показывает, что 20 % испытуемых обладают высокой самооценкой: они уверены в себе, принимают свои недостатки и не зависят от мнения других

людей. 36 % имеют средний уровень самооценки, адекватно оценивают свои способности и конструктивно воспринимают критику. 44 % испытуемых имеют низкую

самооценку, характеризующуюся негативным самовосприятием, неуверенностью в себе и зависимостью от мнения окружающих. На формирование самооценки в подростковом возрасте влияют интенсивные перемены, чувствительность к критике и давлению сверстников, а также стиль семейного воспитания: авторитарный стиль

может усугубить низкую самооценку, а авторитетный — способствовать ее формированию.

В результате исследования по методике Опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффера-Белла были получены следующие данные, представленные в таблице 2.

Таблица 2. **Выраженность шкал отношение родителей к ребенку и семейной жизни**

Шкалы	Количество высоких оценок (%)	Количество низких оценок (%)
Излишняя концентрация на ребенке	60 %	40 %
Оптимальный эмоциональный контакт	44 %	56 %
Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком	56 %	44 %
Отношение к семейной роли	88 %	12 %

Анализ выявил следующие тенденции в родительском поведении: 60 % родителей склонны к чрезмерной опеке, которая может снизить самостоятельность детей, а 40 % предоставляют им больше свободы. 56 % испытывают трудности с установлением эмоционального контакта, в то время как 44 % поддерживают теплые отношения. Также 56 % демонстрируют чрезмерную эмоциональную дистанцию. Несмотря на это, подавляющее большинство

(88 %) родителей положительно относятся к своей роли в семье и ценят семейные отношения.

Для подтверждения гипотезы о том, что позитивные родительские установки способствуют формированию высокой самооценки у подростков, а негативные препятствуют этому был использован статистический метод коэффициента корреляции Пирсона. Корреляционный анализ подтвердил выдвинутую гипотезу.

Литература:

1. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. — Минск: Современный литератор, 2004.
2. Овчарова, Р. В. Психологический анализ особенностей формирования осознанного родительства в молодой семье / Р. В. Овчарова. // Вестник института семьи. — 2008. — № 1. — С. 45–50.
3. Сатир, В. Как строить себя и свою семью / В. Сатир. — Москва: Педагогика-Пресс, 2006. — 254 с.
4. Харламенкова, Н. Е. Самоутверждение подростка / Н. Е. Харламенкова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Институт психологии РАН, 2007. — 384 с.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Исполнительский анализ сонаты для скрипки и фортепиано Клода Дебюсси

Ермагамбетова Гаухар Утегеновна, старший преподаватель
Казахская национальная консерватория имени Курмангазы (г. Алматы)



Над сонатой для скрипки и фортепиано соль минор, которая стала последним законченным сочинением Клода Дебюсси, лидера французского музыкального импрессионизма или символизма, как он предпочитал называть, композитор начал работать осенью 1916 года. [2] Это было время, когда Европа погрузилась в мрачную разруху Первой мировой войны (1914–1918), принесла Парижу нехватку продовольствия и угля, а также экономические трудности. Дебюсси был болен неизлечимой болезнью и не мог быть призванным на службу. Его личная борьба с раком, вдобавок к битве его страны с Германией, ввергла его в депрессию. Но к весне 1915 года Дебюсси решил продолжить сочинять.

Он знал, что его оставшееся время бесценно, поэтому решил писать небольшие камерные произведения. Дебюсси задумал создание цикла произведений под названием «Шесть сонат для разных инструментов, сочиненных Клодом-Ашилем Дебюсси, французским музыкантом», но успел написать только три.

В последние годы своей жизни, Дебюсси демонстрировал возросший патриотизм, в своих поздних работах он сочинял так, чтобы отличаться от всего немецкого, особенно от музыки Рихарда Вагнера, оглядываясь на формы и ценности старых французских мастеров таких как Куперен, Леклер и Рамо. Скрипичная соната является примером такого композиторского замысла, поскольку, хотя она и называется «Соната», она отклоняется от сложившейся немецкой традиционной сонатной формы и скорее изображает новую концепцию форм и характерных черт французских композиторов XVI—XVII веков.

Несмотря на обращение к французским традициям, в поздних работах Дебюсси присутствовали влияния других культур и народов, в основном испанской и азиатской музыки, и части скрипичной сонаты демонстрируют испанский колорит и цыганский характер, влияние которого началось со встречи Дебюсси с цыганским скрипачом в Будапеште в 1910 году.

Соната для скрипки и фортепиано является примером, где французская камерная музыка находит свой идеальный аналог картинам Клода Моне, который делал акцент на изменчивой игре света, а не на реальных объектах, в сонате такая импрессионистическая концепция прослеживается в выражении неоднозначной, но новаторской и вариативной звучности и формы, звука и характера, а также в текстурных и ритмических инновациях, которые свойственны новаторскому языку музыкального импрессионизма Дебюсси.

Сочинение этой сонаты удалось Дебюсси с большим трудом, оно протекало среди сомнений и колебаний, возвратов и переделок.

Основное содержание сонаты можно определить, как взаимодействие человека, роль которого на себя берет скрипка с окружающим миром, олицетворяющим фортепиано.

Соната является одним из сложных в техническом и ансамблевом отношении произведений, которое требует от исполнителей технической оснащенности исполнительского аппарата. Владением широким спектром штрихов, чистотой интонирования, владение техникой исполнения двойных нот и аккордов, исполнение флажолетов, как натуральных, так и искусственных, умение играть короткое и длинное глиссандо, исключительное владение различными видами вибрато.

Требуется вдумчивая, кропотливая работа в плане построения ансамбля скрипки и фортепиано. Скрипачу необходимо понимание особенности фортепианного тематизма и фактуры, а пианисту, в свою очередь — знать специфику скрипичного исполнительства.

Также важнейшая задача стоит в построении кульминаций, суметь подчинить локальные кульминации главной, а также правильно выразить характер движения к ним.

Целостность исполнения Сонаты во многом зависит от выявления идеи и характера произведения, охвата его художественной формы, от сознания, ощущения единой, непрерывной линии развития художественного образа, вдумчивое исполнение в выверенных темпах, со всеми нюансами и в полную «эмоциональную силу».

Первая часть (*Allegro vivo*) начинается с фортепианного вступления из двух спокойных, тихих аккордов фортепиано, кажется, что каждый из этих аккордов происходит из своей собственной, выразительной «вселенной». Движение от соль минора к до мажору создает картину открытости и бесконечных возможностей и готовит почву для сильно сжатой сонатной части. От пианиста требуется чуткое внимание к каждому звуку, его вибрации, движениям клавиши под пальцами и касанию молоточком струны. Использование левой педали может помочь в вопросе динамики при исполнении вступительных аккордов на *pp dolce sostenuto* (тихо, нежно, сдержанно). Необходимо чувствовать звук на кончиках пальцев, чтобы он сохранял мягкость в силе и силу в мягкости. Ценные указания, касающиеся вопросов пианизма самого К. Дебюсси, можно найти, исследуя творческое наследие М. Лонг, первой исполнительницы многих его произведений и друга композитора. М. Лонг упоминает, что К. Дебюсси часто играл при закрытой крышке рояля. Однако же звук был «насыщенным и интенсивным», «лучистым». Все это указывает на тембровое богатство, красочность его звука. К. Дебюсси любил повторять знаменитую фразу Ф. Шопена: «Нужно заставить забыть, что у рояля есть молоточки». Он понимал фортепиано как инструмент, «в котором струны после удара молоточком начинают петь и создают полное слияние звуков, присущую квартету...» [1, с.160]

Плавная линия *dolce espressivo* (нежно, выразительно) у скрипки в экспозиции, создает приглушенную атмосферу ностальгии и печали поверх безмятежного и медленного «колебания» фортепианных аккордов. Тему у скрипки, несмотря на небольшие фразы, нужно исполнять на едином дыхании, она не получает длительного развертывания, но каждый ее оборот выразителен:



Рис. 1. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 1 часть, вступление, экспозиция

В связующей партии, разворачивается непредсказуемая и переменчивая драма пьесы, в которой мы слышим пылкую мольбу, сопровождаемую горестными вздохами, мы будто резко переходим от турбулентности к небесному спокойствию и обратно. Синкопированные басы выписанные в партии фортепиано необходимо исполнять словно штрих *pizzicato* (щипком). Ансамблистам важно согласовать ускоренное движение *En serrat* (ускоряя, сжимая) в устремленности к кульминации с помощью общей динамики:



Рис. 2. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 1 часть, связующая партия

В побочной партии, звучит низвергающий бурный ход секвенций у скрипки, который постепенно должен уйти на второй план, а пианисту в контрастной и более живой восходящей пентатонической гамме необходимо добиться активного штриха, направляющего движение к синкопированному, вопросительно и тревожно звучащему звуку *фа*. Ответная фраза, проводимая аккордами, исполняется ярко, компактно отрывистым приемом, создавая впечатление задорно-возбужденного состояния:

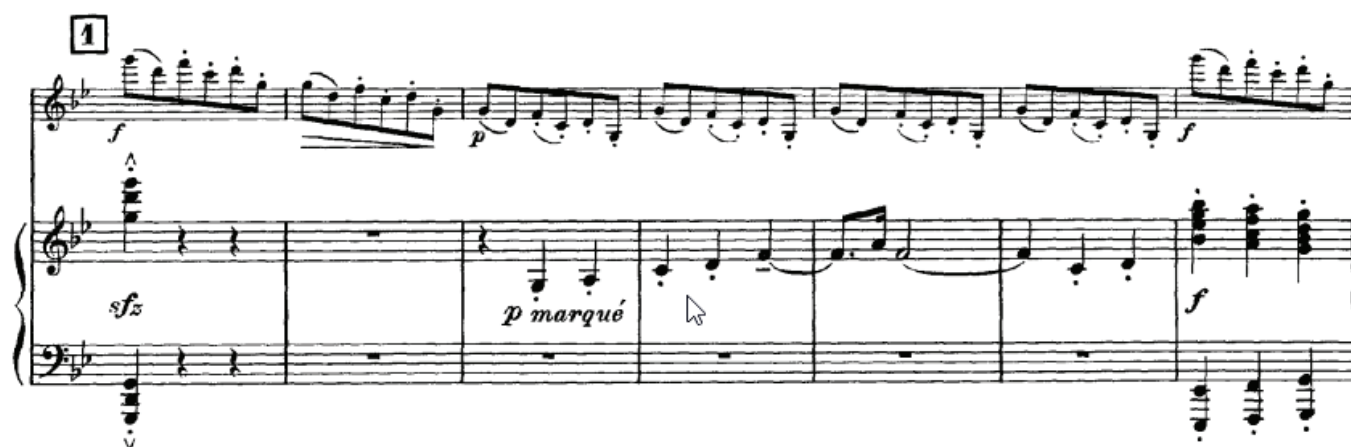


Рис. 3. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 1 часть, побочная партия

Фразы короткие, часто отрывистые, смены темпа и настроения капризны, иногда мощно извергаются, иногда приземлены и бессильны, всегда интенсивны.

Заключительная партия, обозначена как *Appassionato* (*страстно*), в ней возвращаются мотивы связующей партии (*En serrant*), а также фактура главной партии, завершающей экспозицию. Теперь повторяющиеся, умоляющие интонации в партии скрипки должны приобрести совершенно новое звучание: нежность, хрупкость, трепетность уступить место настойчивости, драматизму. Сопровождающие тему аккорды фортепианной партии, необходимо исполнить более декламационно, мужественно, с большой патетикой, в характере проявиться огромная воля, возрастающая к вершине кульминации:



Рис. 4. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 1 часть, заключительная партия

Разработка, по характеру исполняется более сдержанно, начинаясь с сочетания скрипичной линии *sur la touché* (играть у грифа) с фортепианным арпеджио и аккордовой мелодии фортепиано сначала в ми мажоре, а затем в до мажоре. Партнерам необходимо согласовать движение, где сочетаются трехчетвертной размер у фортепиано и свободные квартолы у скрипки, играющиеся разными штрихами в темпе *rubato* (свободно отклоняющееся от ровного темпа исполнение). Фон фортепианного сопровождения исполнять на полупедали и подчиниться, как будто импровизируемой скрипачом широкой мелодии, которую исполнить декламационно на грифе. В теме скрипки желательно применение трепетной вибрации и мягкого звукоизвлечения. Смычок необходимо вести широко и импульсивно, это будет способствовать артикуляции звуков темы, раскроет новые тембровые краски. Общее настроение рисует в воображении бескрайнюю широту спокойного моря:

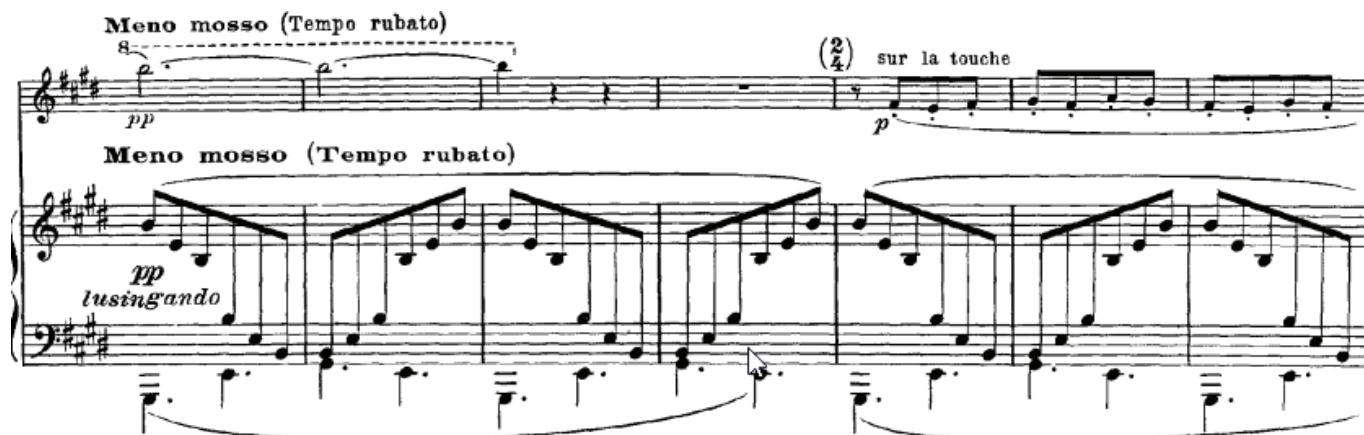


Рис. 5. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 1 часть, разработка

Кода с ее вызывающими мажорными субдоминантами и дорийскими оборотами должна прозвучать сильно и мужественно.



Рис. 6. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 1 часть, кода

Она завершается мелодией раздела «Разработки», партия скрипки должна трансформироваться в персонажа с испанским оттенком, звучать ярко, следуя авторским указаниям *En serrant* и *con fuoco* (ускоряя и с огнем), ставя перед ансамблистами задачу в усилении звуковой градации.



Рис. 7. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 1 часть, кода

С наибольшей яркостью должен звучать скрипичный пассаж *stretto*, состоящий из чередующихся квинтолей и секстолей, приводящих к заключительным тактам. Здесь необходимо согласовать звучание аккордов фортепиано с тембром и силой скрипичного баса, играть одинаковыми штрихами унисоны. Пианист должен приспособиться к совместному исполнению аккордов. Как известно, исполнители их «ломают», и надо подхватить верхнюю часть аккорда, пропустить нижнюю. Необходимо учесть моменты переходов со струны на струну и смену позиций при скачках.



Рис. 8. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 1 часть, кода

Таким образом, хотя часть можно анализировать как сонатную форму, но все же существуют отклонения, такие как нестандартные ключевая схема побочной партии, ее отсутствие в Репризе, а также повторы, вставки и комбинации раз-

личных мотивов в нетрадиционных местах, которые размывают строгий критерий сонатной формы. Эта часть является скорее примером циклической структуры и неоклассического построения четырехтактных фраз и показывает, что даже его консервативная формальная схема сонатной формы в поздних произведениях, таких как Соната для скрипки, отражает его все более многомерный подход к форме.

Вторая часть «Intermède» Интермедия, описывается как *Fantasque et léger*, которая означает «причудливый и легкий». В отличие от первой части, эта часть более экстравертна и игрива по духу и имеет более равные роли между фортепиано и скрипкой, чем в первой части, где скрипке отдана главенствующая роль. Ее общий характер и композиционные жесты сильно напоминают соответствующую часть сонаты для виолончели, где как раз, как и в сонате для виолончели, которая первоначально должна была называться «*Pierrotfâché avec la lune*» (Пьеро, гневающийся на луну), нарисованы образы грустного, влюбленного клоуна с белым лицом и в мягкой одежде. Здесь, как и в сонате для виолончели, много иронических отголосков, музыкальная фразировка кажется разорванной и неустойчивой. Однако, в отличие от сонаты для виолончели, общее настроение которой печально и иронично, вторая часть скрипичной сонаты должна быть исполнена более легко. Она представляет собой сочетание капризных и нервных мотивов с оттенком кокетства и контрастными темами более мелодичных и чувственных черт.

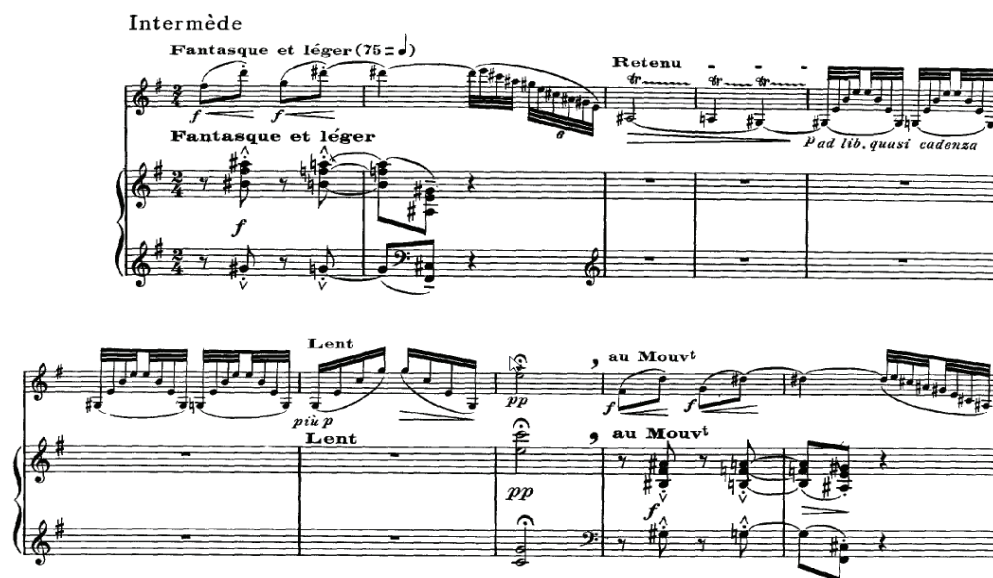


Рис. 9. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 2 часть

Далее в басовой партии фортепиано появляется гротескная тема, которую нужно исполнить четко акцентированным ритмом, а септаккорды остро звучащими. Ансамблистам важно здесь уравновесить звучность и, таким образом, добиться выразительности шутильной танцевальной сценки.



Рис. 10. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 2 часть

Второй эпизод *Scherzando* (шутливо) — иного характера. Здесь в партии фортепиано необходимо подчеркивать слабую долю на tenuto, а партию скрипки исполнить выразительно, свободно, сочетать певучее legato с выразительным декламационным произнесением интонаций, собранной амплитудой вибрации, для воплощения образа волшебной красоты.



Рис. 11. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 2 часть

Далее мелодический унисон ансамблевого звучания скрипки и нижнего голоса фортепианной партии сложен для выразительного исполнения, партнерам необходимо согласовать равноценное звучание партий в этой теме, она должна прозвучать с нежностью, тембральной прозрачностью. Пианисту необходимо найти точный штрих для создания пульсации «мерцающих» терций, добиться тонкости тембра, динамической уравновешенности в сочетании не только с темой порученной партии левой руки, но и динамически равноправного звучания в унисон с партией скрипки. Артикуляционные окончания мотивов приобретут большую выразительность при точном выполнении авторских «вилочек».

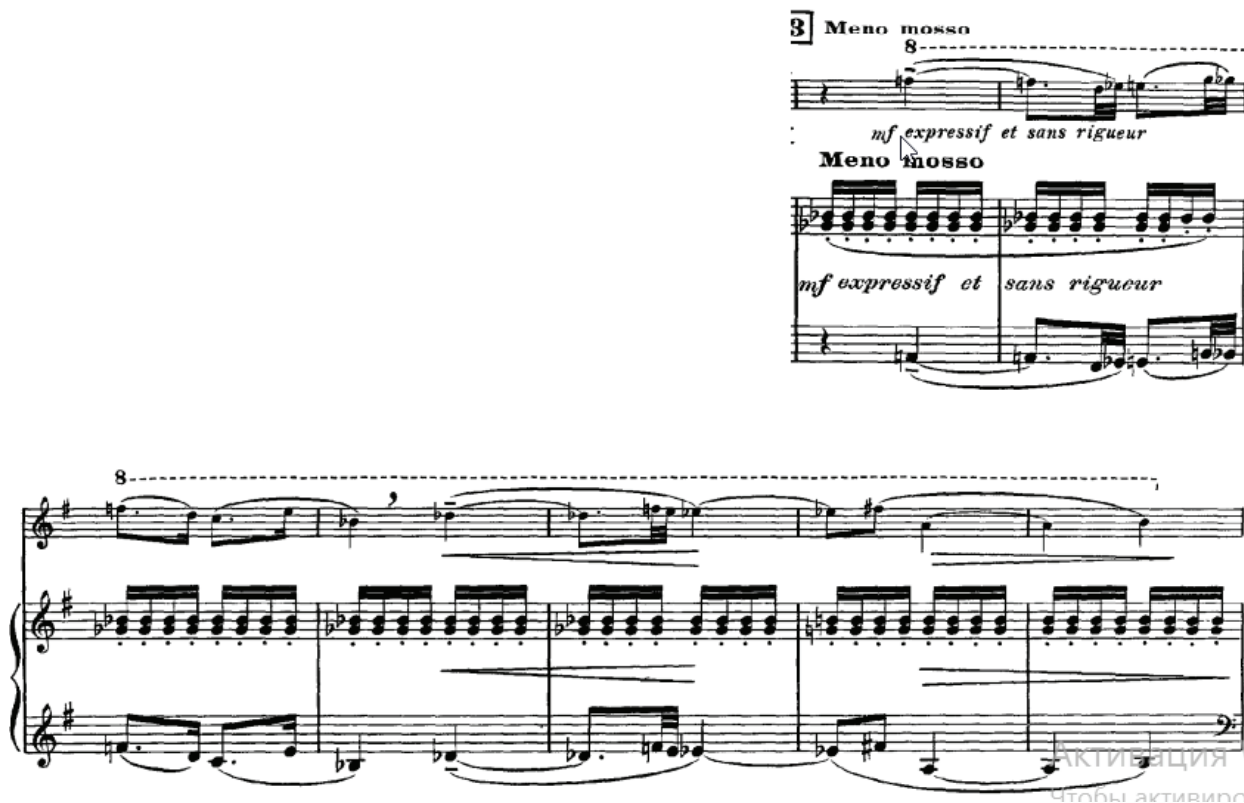


Рис. 12. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 2 часть

Заключительная каденция у скрипки должна исполняться с постепенным расширением движения, выполняя авторское обозначение *morendo* замирая.

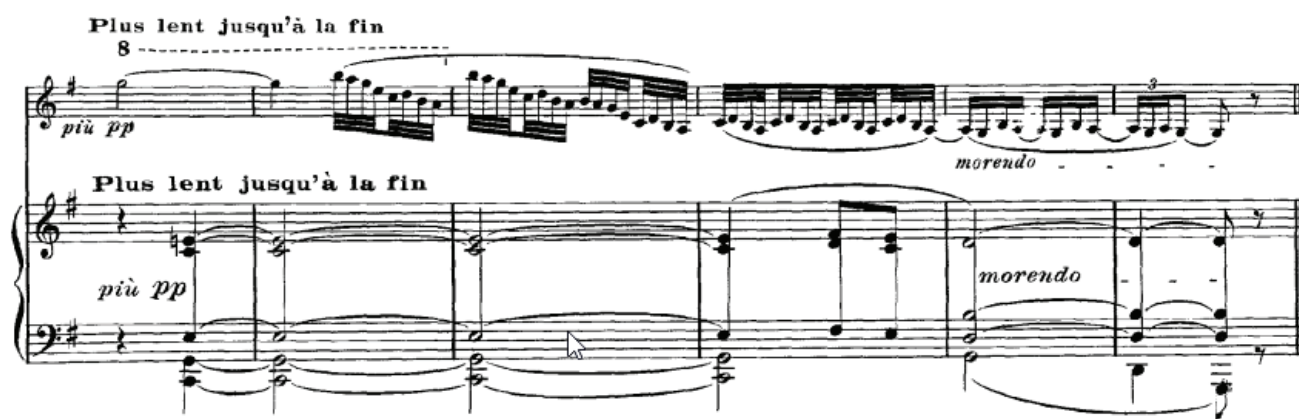


Рис. 13. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 2 часть

Изящное, но постоянно меняющееся, движение должно выглядеть почти как импровизация в тщательно контролируемой манере. Если оставить в стороне случайные вспышки квази-стравинской ритмической энергии, «Intermede» существует в аморфном пространстве, где-то между скерцо и нежным анданте.

Финал «Très animé» (очень оживленно), Дебюсси закончил в октябре 1916 года, за четыре месяца до того, как он завершил две предыдущие части. В нем он ссылается на материал первой и второй части.

Форма финала можно резюмировать как Рондо: Вступление, А, В, А, С, Вступление, А, D, А, кода.

Начинается часть с бравурного фортепианного восьмитактового вступления из хроматических терций, которое нужно исполнить с четко определенным ритмом (квартоли-триоли) на которое скрипка отвечает печальной, ностальгической темой первой части, темповый размер которого изменяется с трехчетверного на три восьмые, что необходимо четко соблюдать для придания теме большей динамичности движения.



Рис. 14. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 3 часть, вступление

Следом трижды повторяющийся, нисходящий октавный ход у фортепиано в басу, исполнить с большим динамическим нарастанием в обеих партиях, к аккорду на sfz в соль мажоре и блестящими пассажами у скрипки.



Рис. 15. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 3 часть

После краткого повторения вступительной темы первой части, финал переходит в живую тему рефрена. Скрипичное соло должно прозвучать с большой экспрессией, похожей на хабанеру, в испанском характере, создавая секвенционными секстолями ощущение предвкушения радости.

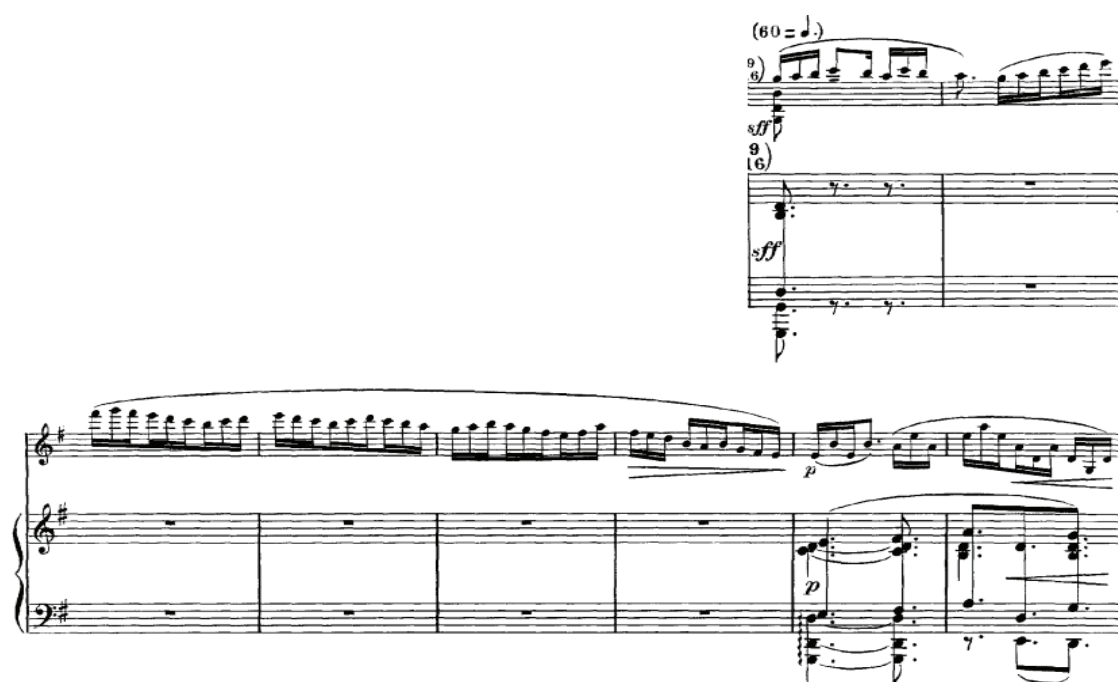


Рис. 16. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 3 часть, рефрен А

Эпизод (В) это в радостный танец со стремительными пробежками, трелями и тройным метром имеет оттенки итальянской тарантеллы, которая напоминает экстравертные произведения ранних лет Дебюсси, такие как сюита «Весна». Секвенционное развитие одновременно в обеих партиях, усиливает динамическую неустойчивость развития, исполнителям необходимо согласовать синхронность штрихов, точность в выполнении динамического нюанса *pp*, авторских «вилочек» для усиления фразировочной выразительности.



Рис. 17. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 3 часть, эпизод В

Следом за проведением рефрена, практически идентичного с первым, томный контрастный эпизод, цыганский по характеру (С) напоминает нам, что это действительно Дебюсси позднего периода со всеми его противоречиями и загадками. Для красочно-чувственного звучания необходимо басы в партии фортепиано исполнять подчеркнуто глубоко, а скрипичную партию сыграть с нарочитыми переходами «подъездами»



Рис. 18. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 3 часть, эпизод С

В следующем рефрене (А) медленно повторяется только первая половина темы со своеобразным пьяным вальсом в партии фортепиано. Необходимо обогатить партию фортепиано разнообразными гармоническими красками, чувствуя, как напряжение секунд словно выдох рассеивается в терциях.



Рис. 19К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 3 часть, рефрен А

В эпизоде (D), основной импульс исходит от постоянного всплеска нот партии скрипки с перерывами на вальс в партии фортепиано. Напряженность развития создается при точном исполнении динамических указаний автора, чередования яркого crescendo скрипки и subito piano в партии фортепиано.

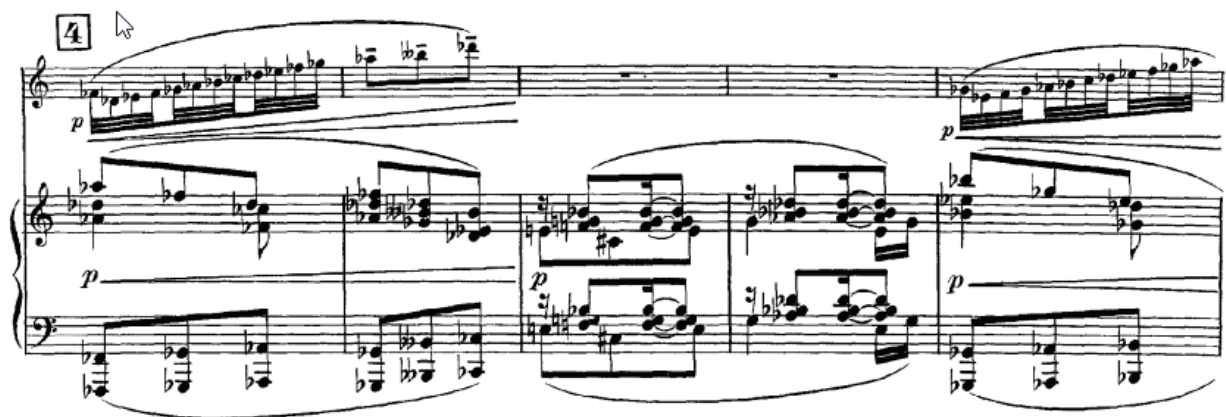


Рис. 20. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 3 часть, эпизод D

Кода является проявлением темы. Движение должно быть ускорено повторяющимися глухо рокочущими басами фортепиано.



Рис. 21. К. Дебюсси, Соната для скрипки и фортепиано, 3 часть, кода

Настроение финала, несомненно, отражает решимость Дебюсси не позволить своей энергии проседать, какой бы ни была его физическая слабость.

Как писал Мартин Купер: «Есть некая одышка, неспособность подняться до прежних полетов, как у смертельно раненой птицы, у которой есть своя красота и пафос».

В этой части сонаты Дебюсси словно пытается отвлечься от страданий и печали, присутствует ощущение внешней веселости, что отразилось в некой формальности в выражении эмоций. Соната начинается искренне, но заканчивается скрытно.

Действительно — настроения этого произведения трудноуловимы и слишком быстро чередуются, чтобы слушатель мог сфокусироваться на какой-то основной линии. В целом, думается, что это меланхоличная, в чем-то мрачная работа.

Подлинная красота этого произведения возможно и есть в тонкой неуловимости его «базового» настроения.

Эта соната является и своего рода подвигом композитора. В годы войны, смертельно больной, он нашел в себе силы закончить это произведение. И именно исполнению этой сонаты 5 мая 1917 совместно с Гастоном Пуле, были посвящены два последних выхода Дебюсси как исполнителя. Присутствовавший на концерте Андре Сюарес оставил такой портрет Дебюсси этого времени:

«Я был поражен не столько его худобой или разрушенностью, сколько его отсутствующим видом и глубокой усталостью. Лицо его имело цвет растопленного воска и пепла. Его глаза отражали не пламя лихорадки, но тяжелый отблеск прудов. В его сумрачной улыбке даже не было горечи, а сквозила скорее тоска страданий... Его кисть, круглая, гибкая, полная, немного великоватая, епископская висела на его руке, его рука — на его плече; его голова — на всем теле; и только эта голова жила — единственной, восхитительной и такой горькой жизнью». Садясь за фортепиано, Дебюсси «посмотрел на слушателей неторопливым взглядом из-под быстрых век — на манер тех, которые хотят видеть, оставаясь невидимыми... Его мучила стыдливость, как это может быть с артистом, которому отвратительно и почти позорно страдать».

Но игра Дебюсси на этом концерте «была волшебством, музыкой самой нематериальной и самой нюансированной из всех, которые когда-либо приходилось слышать. Он создавал звучности не как пианист, даже не как музыкант, но как поэт». Так прошло прощание Дебюсси с парижской публикой. [2]

Сонату для скрипки иногда критиковали за отсутствие единства и свежести, критики сочли музыкальное содержание сонаты менее изобретательным, и им не понравилась ее форма, представляющая собой смесь сонаты с циклической формой, которую Дебюсси использовал в струнном квартете.

Из-за неравномерности стиля и структуры сонаты критики предполагают, что произведение можно классифицировать как фантазию, а не сонату. Даже сам композитор однажды отмахнулся от нее, как от имеющей исключительно документальный интерес, и назвал ее просто «примером того, что может писать больной человек во время войны».

Другие комментаторы, однако, отметили гениальное решение проблемы баланса между скрипкой и фортепиано. Английский покровитель камерной музыки и скрипач Уолтер Уилсон Коббетт справедливо сказал, что Скрипичная соната Дебюсси была единственной из произведений раннего Нового времени, которая могла выдержать сравнение с классическими скрипичными сонатами, а французский знаток камерной музыки Гарри Хальбрейх также поставил это произведение в один ряд с сонатами Моцарта и Брамса.

Для Дебюсси это произведение в какой-то мере становится автобиографичным. Словно изображено взаимодействие личности с окружающим миром, ощущение уходящего момента жизни главного героя сонаты, который в последние мгновения он вспоминает яркие краски чувств, которыми была наполнена его жизнь.

Соната для скрипки и фортепиано Клода Дебюсси с годами завоевала почитание, произведение высоко ценится по художественным и композиционным особенностям, став эталоном камерной музыки.

Литература:

1. Лонг М. За роялем с Дебюсси. — М.: Советский композитор, 1985, - 160 с.
2. Кремлев Ю. Дебюсси. Соната для скрипки и фортепиано https://www.belcanto.ru/debussy_vs.html
3. К. Дебюсси — Соната для скрипки и фортепиано соль минор (Ж. Сигети / Б. Барток) https://www.belcanto.ru/debussy_vs.html
4. Кокорева Л. Музыка начинается там, где слово бессильно. Клод Дебюсси: Исследование.
5. Клод Дебюсси. Соната для скрипки и фортепиано. Музыкальные сезоны, портал о классической музыке
6. Практические рекомендации при исполнении Сонаты для скрипки и фортепиано Клода Дебюсси. Инфо урок https://infourok.ru/prakticheskie_rekomendacii_pri_ispolnenii_sonaty_dlya_skripki_i_fortepiano_klada_debyussi-154417.htm
7. Л. Степкина Интерпретация камерных сочинений Клода Дебюсси. г. Гродно 2009 г.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Особенности национального колорита при переводе произведений Чулпана на китайский язык

Ахмедов Нодирбек Алиевич, магистр
Ляонинский педагогический университет (г. Далянь, Китай)

Цель данной работы — рассмотреть особенности национального колорита Узбекистана, проанализировать, как эти особенности нашли отражение в произведениях Чулпана, и исследовать проблемы перевода произведений автора с учётом сохранения культурных и языковых особенностей.

Ключевые слова: национальный колорит, Чулпан, роль Чулпана в развитии, сложности перевода.

Features of the national color when translating the works of Chulpan into Chinese language

Akhmedov Nodirbek Aliyevich, master
Liaoning Normal University (Dalian, China)

The purpose of this work is to consider the features of the national color of Uzbekistan, analyze how these features are reflected in the works of Chulpan, and explore the problems of translating the author's works, taking into account the preservation of cultural and linguistic features.

Keywords: national color, Chulpan, the role of Chulpan in development, difficulties of translation.

Национальный колорит наряду с политикой и экономикой является важной частью культурной идентичности народа, его самосознания и мировоззрения. В контексте Узбекистана, государства с многовековой историей и уникальной культурой, национальный колорит проявляется в языке, традициях, ремеслах, искусстве и литературе. Узбекистан, расположенный на стыке великих цивилизаций, — это страна с уникальной культурной мозаикой, где переплетаются элементы различных народов и традиций. В то же время, несмотря на внешние влияния, узбекская культура сохранила свою уникальность и самобытность.

На протяжении веков литература Узбекистана развивалась в условиях сложной культурной и политической среды. Влияние арабской, персидской, монгольской, а позднее и российской культуры оставило свой след в письменных памятниках. Однако народная традиция, фольклор и особенности узбекского языка остаются неотъемлемой частью узбекской литературы, формируя её лицо и содержание.

Одним из ярких представителей узбекской литературы XX века является Чулпан (Абдулла Шарафуддинов), ко-

торый в своём творчестве умело сочетал элементы народного эпоса, философские размышления и современные социальные темы. Тема национального колорита, заложенная в произведениях Чулпана, требует внимательного подхода в переводе, поскольку сохранение уникальных культурных особенностей является важной задачей при передаче текста на другие языки.

В свою очередь язык тоже является основой культурного самовыражения и важнейшей составляющей национального колорита. Узбекский язык, как и многие другие языки Центральной Азии, обогатился за счет арабского, персидского, турецкого и русского языков, а также многочисленных диалектов, характерных для разных регионов. Каждое слово в узбекском языке несёт в себе не только конкретное значение, но и целый мир ассоциаций и образов, которые обогатили литературные произведения. Немаловажную роль в узбекском языке и культуре играет фольклор. Народные эпосы, сказки, мифы и легенды являются важным источником вдохновения для узбекских писателей. Например, образ могучего героя, который преодолевает трудности и борется за справедливость, часто встречается в произведениях Чулпана, который, в свою

очередь, делает эти мотивы актуальными для своего времени. Свой оттенок накладывает, конечно же, и религия, потому что Ислам помогает формировать отношение к жизни и смерти, к семье и обществу.

Не менее важным элементом национального колорита является природное окружение, которое также находит отражение в литературе. В произведениях Чулпана природа, такие как горы, пустыни, оазисы и реки, становятся не только фоном, но и важными символами. Эти природные мотивы могут олицетворять как физическое, так и душевное состояние героев. Например, пески пустыни часто символизируют одиночество или духовную пустоту, тогда как зелёные оазисы становятся метафорой надежды и жизни.

Если говорить о самом Чулпане, то он родился в Ташкенте в 1897 году и вырос в условиях, когда народ Узбекистана переживал важные политические и социальные изменения. Он стал свидетелем культурной трансформации, связанной с революцией, Советской властью и усилением идеологии. Он жил в эпоху великих перемен — времени, когда Узбекистан переживал бурные события, связанные с революцией, приходом советской власти и культурными трансформациями. Эти исторические обстоятельства оказали огромное влияние на творчество писателя. В начале XX века в Центральной Азии было много политических и социальных изменений, что не могло не отразиться на мировоззрении литераторов.

Чулпан, как и многие другие писатели того времени, испытывал давление нового социалистического устройства, которое стремилось переписать историю, переосмыслить культуру и народные традиции. В то же время, несмотря на попытки ограничить свободу творчества, Чулпан оставался верен своим литературным принципам, пытаясь сохранить народные традиции в условиях новых идеологических требований.

В своём творчестве Чулпан выражает идею, что литература должна служить народу, быть доступной и понятной каждому, но при этом она должна сохранять глубину философских и моральных тем. Он был не только поэтом, но и политически активным деятелем, пытаясь через свои произведения влиять на общественные настроения и поведение народа. Писатель старался привлечь внимание к проблемам социальной справедливости, прав человека и духовных поисков.

Эти изменения в обществе, в свою очередь, породили новые формы выражения в литературе, где современные веяния сочетались с сохранением глубоких народных традиций. Влияние западной литературы и идеологий на творчество Чулпана также не осталось незамеченным, и его работы стали мостом между традиционной восточной литературой и европейскими течениями.

Его творчество стало важным этапом в развитии узбекской литературы. Чулпан стремился соединить народную традицию с современными литературными течениями, что позволило ему создать уникальные произведения, которые до сих пор остаются актуальными. В его стихах и рассказах можно увидеть как элементы древней узбек-

ской литературы, так и новаторские идеи, характерные для начала XX века.

Если говорить об ключевых аспектах творчества Чулпана, является тесная связь с народной культурой. В своих стихах он активно использует фольклорные мотивы, такие как образы героического эпоса, элементы сказочных сюжетов, народные присказки и поговорки. Это придаёт его произведениям особую живость и глубину.

В стихотворении Чулпана «Молодая ночь», например, используются народные метафоры, которые создают атмосферу восточного вечера. Чулпан описывает природу как живой, дышащий организм, в котором каждая деталь имеет своё значение.

В свою очередь Чулпан — это не только поэт, но и философ, стремящийся осветить важнейшие социальные и моральные вопросы своего времени. В его произведениях часто встречаются размышления о судьбе человека, о роли личности в обществе и о поиске смысла жизни. Писатель акцентирует внимание на внутреннем мире героя, его духовных терзаниях, на борьбе с собой и обществом.

Особое место в его творчестве занимает тема свободы и духовного поиска. Чулпан задаёт вопросы, которые остаются актуальными на протяжении многих веков: «Что есть свобода?» и «Как найти свой путь в жизни?» Эти философские размышления наделяют его произведения глубокой человеческой искренностью и открытостью, что позволяет читателю проникнуться чувствами и переживаниями героев.

Кроме того, социальная тема также занимает важное место в творчестве Чулпана. В своих произведениях он остро критикует социальное неравенство, несправедливость и угнетение. В стихах и прозе автор показывает, как важен личный выбор в судьбе человека и как великий потенциал человеческой души может быть поглощён или освобождён в зависимости от социального контекста.

Например, в произведении «Плач народных певцов» Чулпан изображает картину страдания народа, который вынужден сражаться с тяжёлым временем. В этом стихотворении особое внимание уделяется теме народного духа, несмотря на все тяжести, и беспокойству о судьбе народных традиций.

Поэзия Чулпана насыщена яркими метафорами, образами и символами. Чулпан мастерски использует метафорические выражения, чтобы передать душевные переживания своих героев, а также для того, чтобы создать особую атмосферу и эмоциональный фон. Часто поэт использует символы природы — горы, реки, пустыню — как метафоры жизненного пути или внутреннего состояния человека. Чулпан говорит о людях, как о частичках природы, их душевных переживаниях, которые в своем роде похожи на природные явления.

К примеру, в стихах Чулпана пустыня может быть символом одиночества, безнадежности, а зелёные оазисы — надежды и возрождения. С помощью таких символов поэт усиливает впечатление от своих произведений, заставляя читателя не просто воспринимать текст на уровне радио-

нального понимания, но и проникать в глубокий мир образов, в который он погружает своих героев.

Также нельзя забывать о ритмике стихотворений Чулпана, которая также играет немалую роль в передаче эмоциональной нагрузки. Сложные метры и ритмические схемы создают в его стихах особую музыкальность, что усиливает эмоциональный отклик у читателя.

Перевод произведений, насыщенных национальным колоритом, таких как произведения Чулпана, представляет собой особую задачу для переводчиков. Проблемы перевода начинаются с того, что каждое произведение насыщено специфическими культурными реалиями, которые имеют свой смысл только в контексте узбекской культуры. Например, на узбекском языке существует большое количество фразеологизмов, пословиц и поговорок, которые трудно перевести без потери смыслового оттенка. Важно, чтобы переводчик мог передать не только буквальный смысл, но и культурный контекст, который лежит в основе каждого слова.

Особенно трудным для перевода является фольклорный аспект произведений Чулпана. Узбекская народная поэзия полна метафор, отсылок к древним сказаниям и народным мифам, которые могут быть неизвестны или малоизвестны читателю другого языка. Например, использование в произведениях Чулпана символики пустыни, оазиса или образа каравана имеет глубокие исторические и культурные корни, которые сложно донести через перевод без разъяснений и адаптаций.

«Зеби (Зебиниса)нинг қиш ичи сиқилиб, занглаб чиққан, кўнгли баҳорнинг илиқ ҳовури билан очила тушган; энди, устига похол тўшалган аравада бўлса ҳам, аллақайларга, дала-қирларга чиқиб яйрашни тусай бошлаган эди.

«泽比(泽比妮萨)在严冬中憋闷着,身心疲惫,随着春天温暖的气息,她的心情开始逐渐舒展;现在,即便是坐在铺着稻草的马车上,她也开始渴望去田野,草地上奔跑,享受自由的时光。¹

В данном выражении слово «занглаб» означает не оригинальный перевод «ржаветь» а означает что человек находится в сложном моральном состоянии и поэтому нам нужно перевести его максимально правильно на китайский язык. или же рассмотрим другой перевод «Зебининг бу калта саволидан Салти кўп нарсани англади». В данном случае нужно было показать что вопрос был не коротким по величине а коротким то есть плохим по смыслу. 从斑马的这个简单问题中,萨尔提明白了很多事情².

Также одной из проблем перевода поэтических произведений является задача сохранения не только смысла, но и формы — ритма, метра, звуковых эффектов. В случае с Чулпаном, его стихи полны звуковых повторений, ассонансов и аллитераций, которые создают особую атмосферу. Переводчику нужно решить, как передать этот музыкальный аспект, не нарушив структуры текста.

Примером может служить стихотворение Чулпана о родине, где особое значение придается звукам и ритму. Переводчик может столкнуться с проблемой сохранения звучания, ведь одна из задач перевода — передать не только смысл, но и музыкальность оригинала. В случае, когда прямой перевод невозможен, переводчик может использовать приемы адаптации, создавая новые ритмические схемы, которые сохранят поэтическое звучание в другом языке.

Один из ярких примеров сложностей перевода — это стихотворение Чулпана «Молодая ночь». В оригинале стих наполнен образами, которые легко воспринимаются узбекским читателем благодаря богатой фольклорной традиции. Переводчику предстоит задача не только передать литературный смысл, но и сохранить атмосферу, передать символику ночи, которая в узбекской культуре ассоциируется с загадочностью и тишиной. В переводе на другие языки трудно сохранить все эти нюансы, что может повлиять на восприятие произведения зарубежными читателями.

Для того чтобы произведения Чулпана оставались доступными и понятными для иностранного читателя переводчику нужно передать не только смысл, но и атмосферу произведения для этого, нередко применяются целый ряд методологических подходов:

1. Культурная адаптация: Когда конкретные образы и реалии слишком специфичны для родной культуры, переводчик должен найти аналогии в языке и культуре другого народа. Это позволяет не только сохранить смысл произведения, но и сделать его понятным для иностранного читателя.

2. Динамический перевод: Это метод, при котором переводчик стремится передать не буквальный смысл, а общую атмосферу и эмоциональное воздействие. Например, в случае стихов Чулпана, где часто используются образные фразы и метафоры, переводчик может выбрать свободное решение, чтобы сохранить звучание и настроение, даже если не удаётся передать каждое слово дословно.

3. Использование дополнительных примечаний: Иногда для сохранения культурных контекстов и фольклорных элементов приходится вводить пояснительные комментарии. Это необходимо для того, чтобы читатель, не знакомый с узбекской культурой, мог понять и оценить все значения и нюансы произведения.

4. Сохранение стилистических особенностей: Ритмическая структура стихов Чулпана играет важную роль. При переводе поэтических произведений важно сохранить их музыкальность. Это зачастую требует от переводчика выбора слов, которые будут не только точны по смыслу, но и гармоничны в контексте звучания.

Но даже с использованием этих подходов, одной из сложнейших задач в переводе произведений Чулпана яв-

¹ Перевод автора статьи

² Перевод автора статьи

ляется сохранение народной традиции и фольклорных элементов. Узбекская литература тесно связана с народной поэзией, и многие произведения Чулпана пропитаны фольклорными мотивами, такими как образы мифологических существ, народных героев, волшебных предметов и ситуаций. Перевод таких произведений без утраты культурной значимости является настоящим искусством.

Например, в стихах Чулпана часто можно встретить образы из народных сказок, которые требуют от переводчика большого внимания к деталям. Некоторые народные образы могут не иметь прямого аналога в других культурах, и поэтому для точной передачи смысла нужно либо найти сходные образы, либо предложить комментарии для пояснения.

Нужно отметить что творчество Чулпана является ярким примером того, как национальный колорит, культурные традиции и социальные изменения могут сочетаться в литературном произведении. Узбекская литература XX века стала ареной для столкновения различных мировоззрений, и Чулпан сыграл ключевую роль в этом процессе. Он умело сочетал традиции и современные идеи, раскрывая перед читателем богатство узбекской

культуры и переживания людей, живущих в эпоху перемен.

Особое внимание в работе было уделено переводу произведений Чулпана, который представляет собой сложный процесс, включающий не только лексическую точность, но и сохранение культурных кодов, фольклорных символов и атмосферы произведения. Переводчик сталкивается с необходимостью передать не только смысл, но и эмоции, которые в полном объеме раскрываются в родном языке.

Исследование перевода произведений Чулпана является важной частью изучения не только узбекской литературы, но и литературы в целом, поскольку оно помогает глубже понять, как литература может сохранить и передать национальную идентичность, культурные особенности и традиции. В конечном счете, сохранение этих особенностей в переводах важно для поддержания культурного разнообразия и понимания между народами.

В дальнейшем можно продолжить изучение вопросов, связанных с переводом литературы народов Центральной Азии, исследуя другие произведения, а также разрабатывать более специфичные подходы к передаче культурных реалий в литературном переводе.

Литература:

1. Умирова Дильфуза «Проблемы перевода в Китайском языке» <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-perevoda-v-kitayskom-yazyke/viewer>
2. <https://www.oriens.uz/conference/article/analysis-on-the-translation-methods-of-chinese-proper-nouns-in-uzbek/>
3. <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-spetsialnyh-terminov-v-nauchno-tehnicheskome-kontekste-s-kitayskogo-yazyka-na-russkiy/viewer>
4. <https://uzresearchers.com/index.php/ijrs/article/view/2988>

Navigating challenges and strategies in cross-cultural humor translation

Yermekbayeva Aissulu Sherievna, phd, senior lecturer;

Saidazim Nasiba, student

Koja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University (Turkistan, Kazakhstan)

This article explores the challenges faced in translating humor and the strategies used by translators to preserve its effectiveness, relevance, and impact across different cultures. By examining the linguistic, cultural, and cognitive aspects of humor, this paper outlines key considerations and provides insights into the methods employed by translators to address these challenges.

Keywords: humor, humor translation, cross-cultural, pun.

Humor is a fundamental and multifaceted aspect of human communication, deeply ingrained in the social and cultural fabric of every society. It functions not merely as a source of entertainment or amusement but also as a sophisticated means of conveying messages, expressing attitudes, constructing identities, and maintaining social bonds. In both spoken and written discourse, humor serves various purposes: it can ease interpersonal tension, criticize societal norms, challenge authority, or simply bring people together through shared laughter. From literature and cinema

to advertising, online media, and everyday conversations, humor is a pervasive element that shapes how individuals relate to one another and to the world around them. Importantly, humor is not a universal or homogenous phenomenon; rather, it is highly variable, context-dependent, and shaped by the cultural, historical, and linguistic particularities of the community in which it occurs. As such, what is considered humorous in one language or culture may be perceived as confusing, irrelevant, or even offensive in another. This cultural and linguistic embeddedness makes humor both

a rich subject of academic inquiry and a notoriously difficult challenge for translators.

The translation of humor has long been recognized as one of the most complex and demanding tasks in the field of translation studies. Humor often operates on multiple semiotic levels, combining verbal wit, phonetic manipulation, syntactic ambiguity, cultural allusions, and paralinguistic cues, all of which must be carefully analyzed and interpreted by the translator. Unlike other forms of textual content that may have relatively straightforward equivalents across languages, humorous texts frequently involve wordplay, puns, idiomatic expressions, neologisms, sarcasm, irony, intertextuality, and satire—all of which rely heavily on the linguistic and cultural competence of the audience. These elements are often untranslatable in a literal sense, as their effect depends on a shared understanding of language structure, historical background, social conventions, and cultural symbolism. For example, a pun that plays on the homophony of words in English may be impossible to replicate in a language with a different phonetic system, requiring the translator to find a functionally equivalent joke or to replace the original humor with a culturally appropriate alternative. In many cases, this demands not just linguistic fluency but also a high degree of creativity, cultural knowledge, and pragmatic awareness.

Furthermore, humor is inherently context-sensitive and interpretive in nature. Its meaning is often constructed in interaction with the audience, depending on factors such as tone, timing, setting, and the relationship between speaker and listener. These contextual elements are particularly difficult to convey across linguistic and cultural boundaries, as they may be rooted in implicit assumptions, stereotypes, or social norms that are unfamiliar to the target audience. Translators must therefore make complex decisions about how much of the original humor to preserve, adapt, or replace, balancing the need for fidelity to the source text with the expectations and sensibilities of the target culture. This balancing act is further complicated by ethical and ideological considerations, as humor can also serve as a form of resistance, critique, or social commentary. The translator must decide whether to retain potentially controversial or provocative humor, modify it for cultural acceptability, or omit it altogether—each of which carries implications for the integrity and impact of the translated work.

In scholarly discussions of humor translation, various strategies have been proposed to address these challenges, ranging from substitution and localization to explanation and compensation. Some researchers advocate for a functionalist approach, emphasizing the importance of achieving a similar communicative effect in the target language, even if it requires substantial deviation from the source text. Others highlight the value of preserving the original form and content as much as possible, especially in literary or historical texts where the authenticity of the author's voice is paramount. In either case, the translator is tasked with navigating a complex web of linguistic, cultural, and aesthetic considerations, often making case-by-case decisions based on the specific nature of the text,

the intended audience, and the purpose of the translation. Moreover, recent developments in media studies and digital communication have introduced new forms of humor—such as memes, internet slang, and multimodal texts—that further complicate the translator's task by blending visual, textual, and cultural codes in rapidly evolving and globally disseminated formats.

The translation of humor is a highly intricate process that extends far beyond mere word-for-word substitution. It involves a deep engagement with the linguistic intricacies and cultural specificities of both the source and target texts, demanding a translator who is not only a bilingual communicator but also a cross-cultural mediator, a creative rewriter, and a culturally sensitive interpreter. As humor continues to evolve across genres, media platforms, and cultural contexts, its translation remains an essential yet challenging area of inquiry—one that invites ongoing theoretical exploration, practical experimentation, and interdisciplinary collaboration. Addressing the translation of humor, therefore, requires not only technical skill but also cultural empathy, intellectual flexibility, and a profound understanding of the human experience as mediated through language.

The challenges associated with humor translation have been the subject of extensive scholarly inquiry within the field of translation studies, especially in relation to a wide array of domains such as literature, audiovisual media, stand-up comedy, advertising, and digital communication. As a linguistic and cultural phenomenon, humor is inherently complex, requiring the translator to reconcile the semantic, pragmatic, and socio-cultural dimensions of both the source and target texts. Scholars have long debated the question of whether humor should be translated literally, adapted to fit the cultural framework of the target audience, or entirely replaced with functionally equivalent material to elicit a similar effect. These debates highlight the central tension in humor translation between fidelity to the original and acceptability in the target culture. In response to these challenges, various translation strategies have been proposed and employed depending on the context and constraints of the translation task. Among these strategies are literal translation, adaptation, substitution, modulation, transcreation, and compensation, each offering a different degree of flexibility and cultural accommodation.

In audiovisual translation, for example, the translation of humor is particularly constrained by the technical limitations of subtitling and dubbing. Subtitling requires brevity and synchronization with visual and auditory cues, while dubbing must preserve the timing, intonation, and lip movement of the original speakers. Consequently, humor must be translated not only linguistically but also performatively, ensuring that the target audience experiences a similar emotional and cognitive response. In literary translation, humor poses additional challenges due to the richness and intricacy of the source text, often requiring the translator to employ creative rewording, footnotes, glossaries, or even paratextual commentary to retain the author's intent and preserve the aesthetic qualities of the original. In certain cases, particularly in historical

or postmodern literature, humor may be interwoven with intertextuality, wordplay, and allusions that demand significant background knowledge from the reader. The translator must therefore make critical decisions about how much to explain, alter, or omit, guided by both the genre conventions and the expectations of the target readership.

In the realm of international business, diplomacy, and intercultural communication, humor represents a high-risk communicative act. Misinterpretations or failures to recognize cultural taboos can lead to misunderstandings, social discomfort, or even diplomatic tensions. In these contexts, humor must be handled with exceptional sensitivity and intercultural awareness, with translators often opting to neutralize or eliminate potentially offensive or ambiguous content. Furthermore, the rise of digital communication and social media has introduced new forms of humor, such as internet memes, emojis, and viral jokes, which pose fresh challenges for translators. These texts are typically multimodal, ephemeral, and heavily reliant on shared cultural knowledge, often requiring real-time adaptation and creative intervention.

Humor, therefore, must be understood not only as a stylistic or rhetorical device but as an integral component of human communication that encapsulates cultural identity, societal values, and interpersonal relationships. It is deeply embedded in linguistic structures, cognitive processes, and culturally specific worldviews, making its translation across languages and cultures a uniquely demanding intellectual and creative endeavor. The core difficulty in humor translation lies in its reliance on wordplay, puns, irony, satire, and culturally bound references, many of which lack direct equivalents or functional analogues in the target language. This requires translators to navigate a complex array of linguistic, cultural, cognitive, and contextual barriers, often in real time and under specific constraints. The translator must not only comprehend the underlying humorous mechanisms of the source text but also possess a deep understanding of the target audience's cultural sensibilities, humor conventions, and expectations.

Special emphasis will be placed on practical examples illustrating the nuanced decisions involved in translating different types of humor. These will be compared with selected Kazakh translation cases to demonstrate how cultural specificity and linguistic structure influence translation choices. By highlighting both the theoretical underpinnings and practical applications of humor translation strategies, this study aims to contribute to a deeper understanding of the translator's role as an intercultural mediator and creative problem-solver in the global communication landscape.

One of the most prominent and persistent challenges in the translation of humor is the linguistic disparity between the source and target languages. Humor frequently exploits language-specific features such as phonetic resemblance, morphological ambiguity, syntactic structures, and semantic double meanings—many of which are untranslatable without losing the original comedic effect [1]. These linguistic intricacies are particularly evident in puns, a common comedic device in English, which rely on homophones, homonyms, or

polysemous expressions to create a humorous twist. When translating into a target language that does not share the same phonological or lexical features, the humor risks being lost, distorted, or rendered unintelligible. In such cases, translators are often compelled to employ creative adaptation, opting for an equivalent joke or humorous element that fits the cultural and linguistic framework of the target audience, even if it departs from the literal meaning of the original.

A notable example illustrating this dilemma can be found in the animated film *Shrek* (2001), where the character Donkey jokingly calls Shrek “Onion Boy” and quips, “You’re so wrapped up in layers, Onion Boy!” This line is a play on the metaphor of onions having layers, which is humorously tied to Shrek’s claim that ogres are emotionally complex. In English, the phrase draws on both a visual metaphor and the comical use of a nickname, but a direct translation into Kazakh—such as «Сен пияз сияқты қабат-қабатсың!»—would not effectively convey the humorous tone or cultural familiarity of the metaphor. The onion as a metaphor for layered personality is not widely used in Kazakh discourse, and the nickname “Onion Boy” may seem confusing or fail to evoke amusement. Therefore, the translator must decide whether to domesticate the metaphor with a more culturally resonant comparison or compensate with humor elsewhere in the dialogue. This highlights the importance of cultural embeddedness in humor translation and the necessity for functional rather than literal equivalence.

A similar issue arises in *Madagascar* (2005), where King Julien’s famous line, “I like to move it, move it!” is a comedic catchphrase derived from a popular 1990s dance track. The humor in this line stems not only from its rhythmic repetition but also from its cultural recognition as part of global pop culture. A literal translation into Kazakh—«Маған қозғалуууу ұнайды!»—may retain the energetic rhythm but lose the intertextual reference and cultural familiarity of the song. A more culturally adapted rendering such as «Биле, биле, тоқтама!» (“Dance, dance, don’t stop!”) might more effectively capture the playful, high-energy mood of the scene while making the line more accessible and enjoyable to Kazakh-speaking viewers. This example underscores the importance of intertextuality and musicality in audiovisual humor and the translator’s role in balancing cultural fidelity with audience engagement.

In the animated film *Zootopia* (2016), another type of humor—situational and stereotype-based—presents a unique challenge. A central comedic moment involves the sloths working at the DMV (Department of Motor Vehicles), where the humor is derived from the contrast between the high-speed expectations of the main characters and the excruciatingly slow responses of the sloth employees. This joke relies heavily on shared cultural knowledge, particularly the widespread stereotype of bureaucratic inefficiency in American society. When localizing this scene into Kazakh, the translator must consider whether the target audience holds a similar perception of governmental or bureaucratic services. If this stereotype does not resonate culturally, the humor may fail to produce the intended comedic effect. In such cases, translators may choose

to emphasize exaggerated slowness through voice acting and timing, or even insert a culturally familiar equivalent stereotype to retain the humorous function [2].

Another illustrative case is found in the long-running television series *The Simpsons*, where the iconic exclamation "D'oh!"—used by Homer Simpson to express frustration or self-directed scorn—has become a trademark of the character. While many international versions of the show have chosen to retain the original "D'oh!" due to its global recognition and non-standard linguistic form, some localizations have attempted to translate it into expressions that mirror the emotional tone. In Kazakh, possible equivalents include «Ой, ақымақ!» ("Oh, idiot!") or other interjections conveying annoyance or regret. However, such replacements often lack the brevity, punch, and phonetic distinctiveness of the original, which has become semiotic in its own right. In many cases, leaving the expression untranslated while relying on contextual cues may be the most effective strategy, particularly when dealing with well-known or brand-specific humorous content.

These examples demonstrate that the process of translating humor—especially in audiovisual media—is not merely a linguistic operation but a complex act of intercultural mediation. Translators must negotiate between fidelity to the source material, functional equivalence, and cultural acceptability, all while ensuring that the humor remains comprehensible and entertaining for the target audience. In the Kazakh context, these challenges are further amplified by differences in humor conventions, metaphor usage, and socio-cultural references, all of which require translators to employ a nuanced, context-sensitive approach. The analysis of these examples provides valuable insight into the creative decisions and cultural competencies required in humor translation, and serves as a foundation for exploring broader strategies in Kazakh-language adaptations of global media content.

Similarly, syntactic structures play a crucial role in humor. The rhythm, tone, and sentence structure of a joke contribute to its impact, and restructuring these elements in translation can alter the comedic effect. Kazakh, as an agglutinative language with flexible word order, requires different approaches to preserving humor.

Humor is deeply embedded in cultural contexts, making it one of the most challenging elements to translate. Cultural references, historical events, social norms, taboos, and stereotypes all shape the way humor is constructed and understood [3]. A joke that resonates with one audience may be incomprehensible or even offensive to another due to differing cultural backgrounds [4].

In the American sitcom *Friends*, Chandler Bing frequently uses sarcasm and self-deprecating humor, which does not always translate well into Kazakh. Kazakh humor tends to rely more on witty sayings (*мақал-мәтелдер*) and situational irony rather than overt sarcasm. As a result, dubbed versions of the show sometimes soften or replace sarcastic lines with humor that aligns more with Kazakh comedic traditions.

National and historical references also pose difficulties. A joke about a Western celebrity or politician may need to be

replaced with a Kazakh equivalent to maintain the humor's relevance.

Beyond linguistic and cultural considerations, humor translation must account for cognitive and emotional responses. Humor often involves incongruity, surprise, or absurdity, requiring the audience to recognize and process the discrepancy between expectation and reality [5].

In *Alice's Adventures in Wonderland*, the phrase «We're all mad here» plays on the double meaning of «mad» as both insane and wildly excited. In Kazakh, the word «mad» does not carry the same connotation, so an alternative could be «Біз бәріміз қиялимыз!» («We are all dreamers!») to retain the whimsical tone without directly referencing madness.

Additionally, humor evokes emotional reactions such as amusement, empathy, or discomfort. Translators must consider the emotional impact of humor and strive to retain its intended effect while making it accessible to the target audience.

Given the complexities of humor translation, several strategies have been developed to preserve its effect in cross-cultural contexts. The choice of strategy depends on factors such as the type of humor, the target audience, and the intended impact of the original text.

Transposition involves altering the form or structure of a joke to fit the linguistic and cultural norms of the target language.

The English phrase «Why do cows have bells? Because their horns don't work!» relies on a double meaning of «horns». In Kazakh, this joke would not work as intended. Instead, a similar joke involving animals could be used, such as «*Heze mүйе cy iuneñdi? Себеби ол екі өркеумі!*» («Why doesn't the camel drink water? Because it has two humps!») to maintain a pun-based humor.

Cultural substitution involves replacing culturally specific references with analogous elements that are familiar to the target audience [6].

In the American animated show *The Simpsons*, Homer Simpson's catchphrase «D'oh!» is translated into Kazakh as «Ой!» or «Бәсе!» to provide a more culturally recognizable exclamation while preserving the comedic timing.

In cases where humor relies on complex cultural or linguistic references, explanatory translation can be employed.

When humor is deemed untranslatable, offensive, or irrelevant to the target audience, translators may choose to omit or adapt the joke.

Creative substitution is one of the most dynamic strategies in humor translation, allowing translators to craft entirely new jokes or humorous elements that preserve the spirit of the original text.

The translation of humor in cross-cultural contexts presents significant challenges, requiring translators to navigate linguistic, cultural, and cognitive complexities. Differences in language structures, cultural norms, and audience perceptions all influence the effectiveness of humor across languages.

Comparing humor translation with Kazakh highlights the complex and nuanced nature of this linguistic and cultural endeavor. It clearly demonstrates that translating humor is

not a one-size-fits-all process, but rather a multifaceted task that demands a deep understanding of both source and target cultures, as well as linguistic creativity. Humor often relies on wordplay, cultural references, idiomatic expressions, and context-specific cues that may not have direct equivalents in the Kazakh language. Therefore, translators must engage in a process of thoughtful adaptation, ensuring that the original comedic intent, emotional resonance, and cultural relevance are preserved and effectively conveyed to the target audience.

As language and technology continue to evolve, future studies in this field may benefit from examining the role of humor in emerging digital platforms such as social media, video games, and online entertainment content. These platforms introduce new forms of humor, such as internet memes, GIFs, emojis, and multimodal jokes, which are often highly contextual, fleeting, and culturally embedded. Consequently, they present unique challenges for translators, who must interpret not only textual and visual elements but also understand the digital culture and online behaviors of both source and target audiences. Additionally, interactive media and artificial intelligence-driven translation technologies open up new possibilities and challenges for humor translation. These technologies, while

increasingly sophisticated, still struggle to recognize and reproduce the subtlety and cultural specificity of humor, making this an area ripe for further research and innovation. Machine translation systems, for example, often lack the pragmatic competence required to decode irony, sarcasm, and humor rooted in cultural references, leading to misinterpretations or loss of meaning. Therefore, future developments in AI and natural language processing must focus on incorporating cultural awareness, emotional intelligence, and contextual reasoning into humor translation algorithms.

Moreover, the interdisciplinary nature of humor translation—spanning linguistics, cultural studies, cognitive science, media studies, and computer science—underscores the need for collaborative approaches to tackling its complexities. Pedagogical frameworks that integrate humor translation into translator training programs could better prepare future professionals for the multifaceted challenges they are likely to encounter in an increasingly globalized and digitally mediated world. Ultimately, the study and practice of humor translation not only enhance our ability to communicate across cultures but also foster mutual understanding, empathy, and appreciation for the diversity of human expression.

References:

1. Attardo, S. *Linguistic Theories of Humor*. Mouton de Gruyter. 1994
2. Attardo, S. *Humor and Translation*. *Humor: International Journal of Humor Research*, 15(2), 187–219. 2002
3. Baker, M. *Translation and Conflict: A Narrative Account*. Routledge. 2006
4. Chiaro, D. *Humor in Translation*. *Humor*, 18(2), 135–160. 2005
5. Gottlieb, H. *Subtitling: Diagonal Translation*. *Perspectives*, 2(1), 101–121. 1994
6. Krenn, B. *Cultural Barriers in Humor Translation*. Springer. 2012

Педагогический идеал и творческая индивидуальность педагога в произведении В. Г. Распутина «Уроки французского»

Жарбулова Сауле Таровна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель;

Муқанов Айдос Нурболатович, студент

Кызылординский университет имени Коркыт Ата (Казахстан)

Работа посвящена анализу педагогического идеала и творческой индивидуальности учителя на примере Лидии Михайловны — героини рассказа В. Г. Распутина «Уроки французского». Исследуется, как образ учителя в литературе способен оказывать глубокое влияние на формирование личности ученика. Автор подчеркивает важность сочетания профессионализма, эмпатии и внутренней стойкости в педагогической деятельности. Через образ Лидии Михайловны раскрываются моральные и духовные ориентиры, которые учитель передаёт своим ученикам. Рассказ Распутина становится ярким примером того, как педагог может быть не только наставником, но и настоящим моральным авторитетом.

Ключевые слова: уроки французского, педагогический идеал, учитель, творческая индивидуальность, воспитание, литература.

Образ учителя всегда занимал центральное место в литературе, поскольку педагог не только передает знания, но и оказывает значительное влияние на воспитание личности ученика. В литературных произведениях

учитель часто изображается как моральный ориентир, играющий ключевую роль в формировании духовных и нравственных ценностей, влияя на мировоззрение учеников. В разные исторические эпохи учитель отобра-

жался по-разному, от строгого наставника до более мягкого и понимающего педагога, что отражало изменения в обществе.

Учитель в художественной литературе часто предстает не только как преподаватель, но и как наставник, формирующий личность ученика. В произведениях он может быть строгим и справедливым, ориентированным на высокие моральные ценности, или более чутким, пытающимся понять и поддержать ученика. Его роль выходит за пределы образовательного процесса и включает воспитание духовных ориентиров и нравственных принципов.

В произведении «Уроки французского» Валентина Распутина образ учителя Лидии Михайловны раскрывает трудности педагогической деятельности. Она не только обучает, но и передает своим ученикам жизненные ценности, несмотря на внешние трудности и недостаток понимания со стороны учеников. Лидия Михайловна представлена как не идеализированный персонаж, чья борьба с внутренними сомнениями и внешними трудностями подчеркивает человеческую сторону педагогической работы.

В творчестве Валентина Распутина учитель — это не просто источник знаний, но и моральный ориентир для подрастающего поколения. В его произведениях часто поднимаются вопросы нравственного воспитания, моральных выборов и влияния учителя на развитие личности ученика. Распутин изображает учителей как людей, переживающих внутренний конфликт, пытающихся передать не только знания, но и духовные ориентиры.

В рассказе Валентина Распутина «Уроки французского» образ учительницы французского языка Лидии Михайловны раскрывается через её взаимодействие с учениками и описания её внешности и характера. Хотя конкретные детали её внешнего облика в тексте ограничены, акцент сделан на её поведении и отношении к ученикам.

Лидия Михайловна — учительница французского языка у главного героя. Она же классный руководитель: «...Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от нее что-либо было трудно»... [2, с. 8]

Она является хорошим, небезразличным человеком. Она не только преподает свой предмет, но также следит за жизнью своих учеников: «...Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шуточные, но обязательные для исполнения замечания»... [2, с. 9]

Возраст Лидии Михайловны — около 25 лет: «...Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того»... [2, с. 13]

О внешности Лидии Михайловны известно следующее: «...Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у нее косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят»... [2, с. 9] «...Она сидела передо мной аккуратная,

вся умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от нее»... [2, с. 10] «...я хорошо помню ее правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем черные, коротко остриженные волосы. Но при всем этом не было видно в ее лице жесткости <...> а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю? Теперь я думаю, что она к тому времени успела побывать замужем; по голосу, по походке — мягкой, но уверенной, свободной, по всему ее поведению в ней чувствовались смелость и опытность»... [2, с. 13] «...Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате»... [2, с. 14]

Она внимательный человек. Она замечает все, что происходит с ее учениками: «...я кожей почувствовал, как при взгляде ее косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой»... «...Но, как ни прятал я ее, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела»... [2, с. 11]

Лидия Михайловна живет в райцентре рядом со школой, в учительских домах. Ее соседом является директор школы: «...Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор»... «...да за стенкой живет Василий Андреевич. Он очень серьезный человек»... [2, с. 15]

Квартира Лидии Михайловны выглядит так: «...В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприемник; с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку»... [2, с. 15]

Лидия Михайловна — упорная молодая женщина. В школе у нее были проблемы с французским языком. Она поступила на французский факультет и доказала себе, что может освоить французский язык: «...пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других»... [2, с. 18]

Она называет себя городским человеком, то есть она привыкла жить в городе, а не в деревне: «...Я же городской человек»... [2, с. 15]

Лидия Михайловна родилась на Кубани. В Сибирь она приехала, чтобы работать учителем: «...А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда»... «...Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь»... [2, с. 19]

Она считает, что для учителя важно не принимать себя слишком всерьез, чтобы людям не было скучно: «...Иной раз полезно забыть, что ты учительница, — не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьез, понимать, что он может научить совсем немногому»... [2, с. 16]

В свои 25 лет Лидия Михайловна в душе является ребенком. В детстве она была отчаянной, озорной девочкой, а сейчас, во взрослом возрасте, ей по-прежнему хочется прыгать и скакать: «...А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь еще часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестает быть ребенком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала»... [2, с. 14]

Лидия Михайловна и уроки французского. Лидия Михайловна предлагает главному герою заниматься французским языком дополнительно — чтобы улучшить оценки. Мальчик ходит к учительнице домой. Однажды она показывает ему игру в «замеряшки» — игру на деньги. С тех пор они постоянно в нее играют. Так мальчик зарабатывает себе деньги на еду и перестает голодать: «...Вы играете на деньги с этим? <...> Играете с учеником?! Я правильно вас понял?»... [2, с. 20]

Однажды директор школы обнаруживает, что учительница и ее ученик играют на деньги. Директор осуждает Лидию Михайловну за аморальное поведение. В результате Лидия Михайловна увольняется из школы: «...Директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Расстление. Совращение. И еще, еще... Я двадцать лет работаю в школе, выдывал всякое, но такое»... [2, с. 20]

После увольнения Лидия Михайловна уезжает из Сибири домой на Кубань. Она и ее ученик больше никогда не видятся: «...Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому»... «...И больше я ее никогда не видел»... [2, с. 21]

Спустя некоторое время Лидия Михайловна присылает мальчику посылку с Кубани. В посылке — яблоки, которые мальчик никогда раньше не ел: «...мне пришла на школу по почте посылка <...> в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обертке я нашел три красных яблока»... [2, с. 21]

Это был цитатный образ и характеристика Лидии Михайловны в рассказе «Уроки французского»: описание внешности и характера героини, ее цитатный портрет.

Лидия Михайловна в произведении не просто передает знания по французскому языку, но и формирует важнейшие моральные ориентиры для своих учеников. Ее подход к обучению отличается глубокой человечностью и вниманием к каждому ученику. Несмотря на строгость и дисциплину, она проявляет терпимость и сочувствие, подчеркивая важность моральных ценностей, которые она передает не только через учебник, но и своим личным примером. Уроки Лидии Михайловны становятся для учеников не просто академической обязанностью, а важным этапом в личностном развитии, что превращает ее в своего рода наставницу, способную повлиять на будущее учеников.

Несмотря на внешнюю строгость, Лидия Михайловна сама сталкивается с внутренними противоречиями и трудностями. В самом начале своего пути она также не

могла освоить французский язык, что было для неё серьёзным вызовом. Но, преодолев эти трудности, она стала сильным и стойким человеком, который решает свои проблемы не только с помощью знания, но и через личную решимость и силу воли. Эти личностные противоречия делают ее образ особенно человечным и реалистичным. Она не стремится быть идеальной или безошибочной, что делает её более близкой и понятной ученикам. Ее внутренние терзания и борьба с собственными слабостями делают ее примером для подражания в плане преодоления жизненных трудностей.

Лидия Михайловна — это не просто учитель французского языка, но и важная фигура в воспитательном процессе. Она активно участвует в жизни учеников, следит за их эмоциональным состоянием, замечает даже самые незначительные изменения в их поведении и чувствах. Этот аспект её личности подчеркивает важность педагогической роли не только в передаче знаний, но и в воспитании целостной личности. Распутин показывает, что педагогический процесс — это не только уроки и дисциплина, но и внимательное, человеческое отношение к ученикам, которое способствует их моральному и интеллектуальному развитию. Лидия Михайловна, благодаря своей чуткости, позволяет ученикам раскрыться, стать уверенными в себе и в своем будущем.

Лидия Михайловна — это образ молодого, чуткого и преданного своему делу учителя, который воплощает в себе не только профессиональные качества, но и глубокую человеческую теплоту и искренность. Несмотря на свой возраст и внешнюю строгость, она проявляет заботу о каждом ученике, умело сочетая строгость и мягкость, внимание и терпимость. Ее жизненный опыт и внутренний стержень позволяют ей быть не просто преподавателем французского языка, но и важной наставницей, которая помогает ученикам не только учиться, но и осознавать важность моральных ориентиров в жизни. Лидия Михайловна — человек, который не боится признавать свои слабости и трудности, а наоборот, стремится преодолеть их, доказывая себе и окружающим свою стойкость и решимость. В то же время она сохраняет в себе юношескую непосредственность и искренность, что делает её образ особенно привлекательным и многогранным. Через её фигуру Распутин подчеркивает важность педагогической роли в жизни каждого человека, а также показывает, как значимо для учителя оставаться человеком, способным на личностное развитие и внутреннюю гармонию.

В заключение можно отметить, что в рассказе Валентина Распутина «Уроки французского» образ Лидии Михайловны представляет собой пример идеального учителя, который сочетает в себе не только профессионализм, но и глубокую человечность, внимание к каждому ученику. Педагог, несмотря на трудности и непонимание со стороны учеников, продолжает свою работу, веря в важность образования и воспитания. Лидия Михайловна не только передает знания, но и учит ценить их, вдохновляет на саморазвитие и открывает перед учениками новые го-

ризонты. Её терпение, отзывчивость и искреннее желание помочь ученикам становятся теми качествами, которые помогают ей преодолевать трудности и сохранять любовь к своему делу.

Педагогический идеал, представленный через образ Лидии Михайловны, включает следующие важнейшие аспекты:

Профессионализм и компетентность:

Идеальный педагог — это профессионал, который не только обладает глубокими знаниями в своей области, но и понимает, как их передать ученикам. Такой учитель имеет высокий уровень профессиональной подготовки, разрабатывает эффективные методики обучения и постоянно совершенствует свои навыки. Он должен знать не только свой предмет, но и современные подходы к обучению, чтобы адаптировать их под нужды учеников.

Человечность и эмпатия:

Учитель, как Лидия Михайловна, должен проявлять искреннюю заботу о своих учениках, видеть в них не просто «учебные единицы», а личности, каждый из которых имеет свои особенности, переживания и потребности. Эмпатия и внимание к эмоциональному состоянию учеников являются важными качествами педагога. Он должен быть готов выслушать, поддержать и понять, особенно в сложных жизненных ситуациях.

Гибкость и индивидуальный подход:

Идеальный педагог умеет подстроиться под каждого ученика. Он использует индивидуальный подход, по-

нимая, что у каждого ученика свои темпы и способы восприятия материала. Это требует от учителя гибкости в методах обучения и способности корректировать планы и подходы в зависимости от ситуации. Важно, чтобы педагог чувствовал потребности и проблемы учеников, и был готов подстраивать свои уроки под них.

Способность мотивировать и вдохновлять:

Учитель должен уметь не только объяснять материал, но и вдохновлять учеников на саморазвитие, пробуждать интерес к обучению и научить их ценить знания. Он должен быть источником мотивации для студентов, помогать им раскрывать потенциал и идти за пределы своих возможностей. Это включает в себя вдохновение на достижения и стимулирование личных амбиций учеников.

В конечном итоге, идеальный учитель, как Лидия Михайловна, сочетает в себе целый ряд важных качеств: он является профессионалом своего дела, наставником и другом для своих учеников. Он влияет не только на формирование знаний, но и на воспитание, духовное развитие личности ученика. Такой учитель способен оставить глубокий след в жизни каждого своего воспитанника, помочь ему не только с учебной, но и в становлении как личности. Педагогический идеал включает в себя способность учителя влиять на ученика как на человека, а не только как на студента. Тот, кто создает атмосферу уважения и доверия, становится для своих воспитанников не просто учителем, а человеком, с которым они могут пройти через все трудности жизни.

Литература:

1. Валентин Григорьевич Распутин. Уроки французского. — АСТ, 2022
2. Электронная версия книги В. Г. Распутина. Уроки французского. Анастасии Прокопьевне Копыловой.
3. <https://www.literaturus.ru/2016/02/uchitelnica-lidija-mihajlovna-uroki-francuzskogo-obraz-harakteristika.html?ysclid=m88ya4f3ek480266354&m=1>

The role of gender in translation: comparing different Russian and Kazakh translations of Wilde's «The Happy Prince»

Kabilanova Alina Adilbekovna, student master's degree
KAZGUU University named after M. S. Narikbaev (Astana, Kazakhstan)

The article analyses the ways gender is represented and altered in Oscar Wilde's «The Happy Prince» translations. The research lies within the study of language and gender, a field focused on both gender expression within the language structures and linguistic behavior of men and women. Using a comparative approach of four Russian and two Kazakh translations, the paper explores different approaches that either aim to adapt the story to conservative mindset or be faithful till the end and render the challenging aspect of sexuality through translation.

Keywords: gender and language, Oscar Wilde, translation, fairy tales.

Background

The exploration of gender issues in language began in the 1970s in Europe, and was connected to the second wave

of feminism. In the next decade, gender entered the research in translation studies [1]. It was focused on both rendering concepts of gender across language, on misrepresentation, and visibility of women translators in history. The researchers as von

Flotow [2] [3], Simon [4], and Chamberlain [5] contributed to the study of gender and translation by exploring various issues such as feminist critique of language and feminist translation, intersectionality, translation of gendered metaphors, representation of gender minorities in cultures, and so on. Therefore, this study lies within the former direction, that is, it will compare the existing translations of The Happy Prince from the gender perspective.

The Happy Prince is a fairy tale first published in 1888 as a part of The Happy Prince and Other Tales collection consisting of five short stories. It is a story of love, social issues, compassion, and tragedy. The main characters are the statue of the happy prince and the swallow, both masculine in the original version of the story. The issue is that due to different factors, the translators of the story into several languages (e.g. Russian, Spanish, Hebrew) introduced some modifications, changing the gender of the swallow into feminine in order to make the romantic line conventional. For instance, Rojas-Lizana et al [6] researched this matter based on Spanish translations and concluded that there was no censorship law in Spain at the time, so the decision to make the translated version traditional was probably rooted in translator’s personal views. The researchers proposed several possible techniques that could have been utilized to make the translation more faithful, such as changing

the species of the bird or specifying the gender with a complex noun, such as male swallow. Similarly, the analysis on seventeen Hebrew translations revealed that the minority (35 %) of translations kept masculine gender of the swallow.

Concerning the Russian translations, they have also been analysed mostly on Chukovsky [7] and Sergeyev & Nuzhdin [8] translations. Zimyanina investigated different techniques used by several translations of Wilde’s fairy tales, including the Happy Prince [9]. At the same time, Rojavin [10] compared the two aforementioned translations, and found that despite the fact that Sergeyev & Nuzhdin translations render the concept of gender in a faithful to the original story way, it lacks the emotional depth and the quality of translation itself. This study adds to the previous analysis by including the recent translations of Polyak [11], Gurbanovskaya [12], Kazymova [13], and Amanzhol [14].

Russian Translations

I have compared four Russian translations made by Chukovsky (1960), Sergeyev & Nuzhdin (2003), Gurbanovskaya (2019), and Polyak (2023) and two Kazakh translations by Kazymova (2018) and Amanzhol (2014) The summary is presented in Table 1.

Table 1

Source Text (English)	Chukovsky (Russian)	Sergeyev & Nuzhdin (Russian)	Polyak (Russian)	Gurbanovskaya (Russian)	Kazymova (Kazakh)	Amanzhol (Kazakh)
Swallow, masculine	Feminine (Ласточка)	Masculine (Скворец)	Feminine (Ласточка)	Masculine (Стриж)	Neutral Қарлығаш	Neutral Қарлығаш
Reed, feminine	Masculine (Тростник)	Feminine (Тростинка)	Masculine (Тростник)	Feminine (Тростинка)	Neutral Қурай	Neutral Қамыс
Death, masculine	Masculine, Смерть	Feminine, Смерть	Feminine Смерть	Feminine Смерть	Neutral өлім	Neutral өлім
Sleep, neutral	Masculine, Сон	Neutral, grammatically masculine, Сон	Grammatically masculine Сон	Grammatically masculine Сон	Neutral ұйқы	Neutral ұйқы

As expected, in the earlier translation by Chukovsky, the genders of the Swallow (originally masculine) and Reed (feminine) are switched. They are also in the correlation with the grammatical gender of these words in Russian, that is, *Ласточка* (swallow, feminine) and *Тростник* (reed, masculine). Interestingly, in the part when the Swallow blames the Reed (masculine in the translation) for flirting with the wind, the grammatical gender of the wind remains masculine: *и я боюсь, что он (he, masculine) очень кокетлив: заигрывает с каждым ветерком (wind, masculine)* [7] — “and I am afraid that she is a coquette, for she is always flirting with the wind. Even though the pairs in this translation correspond to the traditional

standards (i.e. they are both feminine+masculine), this part still demonstrates same-gender romantic communication.

As Swallow becomes feminine in the Chukovsky’s translation, the connected words were translated as feminine too: *His friends (gender unknown) had gone away to Egypt six weeks before, but he had stayed behind, for he was in love with the most beautiful Reed.* — «Ее *подрузи* (friends, feminine) вот уже седьмая неделя как улетели в Египет, а она отстала от них, потому что была влюблена в гибкий красивый Тростник» [7]. Similarly in Polyak’s version the swallow becomes a feminine character, even though her translation was published in 2023.

In contrast, Sergeyev & Nuzhdin have decided to retain the initial gender of the characters by choosing synonyms (the bird of different species) for the Swallow and the Reed with the corresponding grammatical gender: Swallow (he) — Скворец (masculine), Reed (she) — Тростинка (feminine, not the synonym, but rather diminutive form of the translation used by Chukovsky). It is also evident that in this translation a greater attention is devoted to gender: *I am going to the House of Death. Death is the brother of Sleep, is he not?* — while in the source text Death is a masculine concept, in the second translation it is feminine: *Я отправляюсь в Замок Смерти. Смерть — сестра Сна, правда?* [8] — *Death is the sister of Sleep, is she not?* Death is called sister as the grammatical gender of the word is feminine. At the same time in Chukovsky's translation: *"Я улетаю в Обитель Смерти. Смерть и Сон не родные ли братья?"* [7] — *Death and Sleep are brothers*, despite the fact that Death is still grammatically feminine, the translator names them both "brothers". The similar situation can be observed in Gurbanovskaya's translation: *«Смерть же сестра Сна, правда?»* [12] — *Death is the sister of Sleep, isn't she?* The translator aims to retrain the original gender of the swallow by translating it as a bird of a different species — a swift, which psychically resembles swallow.

The main ideas, that is, the contrast between a true, deeper love and a superficial attachment, misery and poverty of society, are still conveyed in all translations as love is still love regardless of the gender of characters. The topics of how unfortunate people around us may be and the great gap between the wealthy and the poor of Wilde's times are not affected either by the decisions of translators concerning gender.

Still, Chukovsky was not only a translator, but a writer of stories for children. It is not difficult to predict that his interpretation of the Happy Prince was meant to be read by the young readers (because of the fairytale language) of the Soviet period, who would not understand the main message about love if the characters were of the same gender as in the source text. Moreover, such a translation may not have been permitted to publish at all at that time due to the strict censorship matters. However, Polyak's translation was published long after the collapse of the Soviet censorship regime, and still it was performed in terms of heteronormative representation of love. This may be due to the fact that in post-Soviet countries, the matter of unconventional relationships is still being censored (the respective publishing house Foliant is based in Kazakhstan).

On the other hand, the translation of Sergeyev & Nuzhdin, which was published 43 years later after Chukovsky, both conveys the message and retains the details of the original. Taking into consideration the author's biography, it is reasonable to expect that Wilde wanted to implicitly highlight that love is possible between the representatives of the same gender, but if it is, then the Chukovsky's and Polyak's translations completely lose this idea, while Sergeyev & Nuzhdin and Gurbanovskaya were right when they decided to stick with the original genders of the characters by choosing

synonyms. This makes me think that If gender didn't play such an important role in Wilde's story, then he wouldn't probably have assigned gender to inanimate objects, or made both pairs (Swallow and Reed, Swallow and the Statue of Prince) of the opposite or the same gender. However, Polyak has also adapted opposite-gender characters strategy despite the fact that the translation was published only two years ago. In this regard, one needs to remember that Chukovsky's and Polyak's translations were officially published by some prominent publishing houses in Russia (Martin, Azbuka Klassika) and Kazakhstan (Foliant), while Sergeyev & Nuzhdin and Gurbanovskaya translations were only published on online websites of journals.

Kazakh Translations

Apparently, the Kazakh translations of The Happy Prince have not been officially published by any publishing house. However, it was possible to find two online translations (Kazymova and Amanzhol) that can also be analysed. One needs to remember that Kazakh belongs to genderless languages group, which means that it does not express this concept neither in words (no grammatical gender category), nor in pronouns (such as in English). Apparently, the speakers of Kazakh would have to decide themselves the gender of the Reed and Swallow as their gender is not expressed. Though, I need to note that the direct translation of the swallow, that is, *Қарлығаш* is also Kazakh feminine name. Therefore, it is possible that Swallow is still associated as a woman in the Kazakh version of the story.

Apart from that, there was another aspect where the concept of gender was expressed through rather lexical than grammatical means: *I am going to the House of Death. Death is the brother of Sleep, is he not?* — *“Өлім мен ұйқы екеуі ағайынды емес пе”* [13] — *The Death and the Sleep are brothers, aren't they?* Contrasting with Russian translations where Sleep and Death are sisters, Kazakh retains the gender of the original by naming the Sleep and the Death brother. The same is true for the second version of the Kazakh translation by Amanzhol.

Conclusion

It is true that gender aspects may not impact the core message of the story, which is self-sacrifice, social inequality, and unconditional and pure love. Still, the approaches considered in this article may conceal a secondary message on the possibility and acceptance of same-sex relationships. This may happen due to the resistance of the target audience to this kind of attachment which is directly connected to censorship that may be existing till the day. So far, only unofficial translations published in open access within the Internet dare to challenge this kind of perception and try to perform a faithful and a dareful to some extent translations. Apparently, Kazakh, being a genderless language, provides for broader possibilities to do so, however, the gendered concepts can retain in the lexical layer of the language.

References:

1. Handbook of translation studies. Vol. 1 / ed. by Y. Gambier, L. van Doorslaer. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. — ISBN 9789027203311.
2. Flotow L. von. Feminist translation: Contexts, practices, theories // TTR: Traduction, Terminologie, Rédaction. — 1991. — Vol. 4, № 2. — P. 69–84.
3. Flotow L. von. Translation and gender: Translating in the era of feminism. — Manchester; Ottawa: St. Jerome & University of Ottawa Press, 1997.
4. Simon S. Translation and gender: The politics of cultural transmission. — London; New York: Routledge, 1996.
5. Chamberlain L. Gender and the metaphors of translation // Signs: Journal of Women in Culture and Society. — 1988. — Vol. 13, № 3. — P. 454–472.
6. Rojas-Lizana S., Tolton L., Hannah E. “Kiss Me on the Lips, for I Love You” Over A Century of Heterosexism in the Spanish Translation of Oscar Wilde // International Journal of Comparative Literature and Translation Studies. — 2018. — Vol. 6, № 2. — P. 9. — DOI: 10.7575/aiac.ijcls.v.6n.2p.9.
7. Уайльд О. Счастливый принц [Электронный ресурс] // Нукадети. — URL: <https://nukadeti.ru/skazki/schastlivyyj-princ> (дата обращения: 4.04.2025).
8. Wilde O. The Happy Prince [Электронный ресурс] // Lib.ru. — URL: https://lib.ru/WILDE/prince.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 4.04.2025).
9. Zimyanina V. N. Translation of Oscar Wilde's literary fairy tales and the problem of their adaptation to another culture // Polylinguality and Transcultural Practices. — 2015. — № 5. — P. 349–353.
10. Rojavin M. If the Swallow Made the Prince Happy: Translating Wilde into Russian // The Slavic and East European Journal. — 2014. — Vol. 58, № 1. — P. 76–92. — URL: <http://www.jstor.org/stable/44739651> (дата обращения: 4.04.2025).
11. Уайльд О. Счастливый принц и две другие сказки / пер. с англ. — Астана: Фолиант, 2023.
12. Уайльд О. Счастливый принц [Электронный ресурс] // Samlib.ru. — URL: <https://samlib.ru/l/lus/prinzip.shtml> (дата обращения: 3.04.2025).
13. Уайльд О. Бақытты ханзада [Электронный ресурс] // Qazaquni.kz. — 2018. — 25 декабря. — URL: <https://qazaquni.kz/adebiet/85109-oskar-wajld-baqytty-hanzada> (дата обращения: 4.04.2025).
14. Уайльд О. Бақытты ханзада [Электронный ресурс] // Massaget.kz. — URL: <https://massaget.kz/audarma/oskar-uayld-bakyittyi-hanzada-16889/> (дата обращения: 4.04.2025).

Methods and techniques of translating poetry works

Khudainazarov Jasur Alisherovich, student;
 Rysdaulet Dariga Bekdauletkyzy, student;
 Altynbekova Asel Kairatkyzy, student;
 Ashimetova Dilyara Aybekqyzy, student;
 Sabit Dilnaz Baurzhanqyzy, student

Scientific advisor: Sherimbetova Meruert Alievna, senior teacher
 Koja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University (Turkestan)

Translation of poetry works is undoubtedly a special kind of literary translation. It is an act of both interlanguage and intercultural communication and necessarily requires creative reworking of the original. It is designed to bring the art and beauty of the word to representatives of different languages and cultures. As in the poetic text itself, the unity of form and content must be preserved in the poetic translation. However, such unity should not be completely equivalent to the corresponding unity in the original text. The main principle of translation is adequacy, which consists in the comparability of the aesthetic impact of the original and the translation.

Keywords: poetry, translation, methods, transformation, technique.

The translation method is a deliberate system of related procedures that considers the type of translation as well as the naturally occurring translation techniques [1. p. 100–111]. P. A. Vyazemsky distinguishes between two translation techniques: independent and subordinate, because any two languages are incommensurable by nature. After the first,

the translator «pours the spirit of the original into his forms, imbued with it; after the second, he seeks to maintain the forms themselves, naturally in consideration of the elements of the language that is at hand.»... In Russia, Karamzin and Zhukovsky provided excellent examples of independent translations, or re-creations, or transmigrations of souls from foreign languages

into Russian [2. p. 10]. First and foremost, translators who use the subordinate way of translation aim to accurately represent the work's form. This translation approach assumes that the poem's dimensions, stanzas, and meters will all be preserved, as well as the rhyme scheme, melody, and sound structure. This is the only way to maintain the author's unique style in translation, according to many translators [3. p. 36]. Therefore, prior to selecting a translation technique, a translator needs to ascertain the goal of the translation, the target audience, and the characteristics of the target language—that is, how well the target language can express the characteristics of the source language. Researcher K. Rice writes: «The translator translates, that is, carries out the transfer in two directions: either he transfers the foreign author to his reader, or he transfers his reader to the foreign author. Hence, there are two completely different methods of translation. In the first case, the translator sees his task in bringing the original closer to the method of thinking and to the language of his compatriots, in order to make the foreign author speak as his compatriot would speak. In the second case, the reader must clearly feel that a foreigner is addressing him. He must learn new, unfamiliar thoughts and means of expression, he must feel not at home, but in a foreign land...» [4. p. 202].

According to local linguists, a translation ought to be as readable as the source text. In their creative creations, some translators aim to capture the characteristics of foreign speech. N. A. Zabolotsky writes, «This is a misconception: a cuckoo cannot call a thrush, and a nightingale cannot call a cuckoo» [5. p. 251]. The type of poetry determines the translation method to be used. According to E. G. Etkind, «the relationship between logical content, stylistic expression, and sound pattern changes depending on the type of poetry» [6. p. 40]. The primary goal in translating works with social orientation is to convey the meaning and stylistic coloring of the text, but it is crucial to convey an image or mood when translating lyric poetry.

The approach developed by V. Ya. Bryusov states that the combination of a poetry work's different constituent elements—such as language style, pictures, meter and rhyme, verse movement, and the play of syllables and sounds—more or less thoroughly represent the artist's sentiment and poetic idea. Since it is impossible to precisely and completely translate all of these elements, the translator tries to express one or, at most, two of them (usually image and rhyme), altering the others. Nevertheless, as V. Ya. Bryusov points out, there are poems where the primary focus is not visuals but rather, for instance, word sounds or even rhymes. The most crucial decision is whatever aspect of the poetry being translated is most crucial [7. p. 188–189]. Another problem arises when translating works written in a language that is not the author's native language. Here the translator is forced to abandon the traditional dichotomy of «original language — translation language» and include another language (the author's native language), which conveys certain concepts of the original culture and ideas characteristic of its speakers [8. p. 1].

Thus, the following principles can be identified that should be followed when translating poetry:

- reader-oriented;
- consideration of nationally specific elements;
- identity of the original and the translation.

The translator must use a variety of transformations when translating poetry, which is typically caused by the translator's innate worldview and the related phenomenon of linguistic selectivity. Every culture has unique realities that pertain to many facets of human existence. Realia is characterized as an occurrence or object that is unusual for one culture and characteristic of another. They are the ones that are most challenging to translate. They should therefore be given more consideration when translating. Translation alterations may also be caused by internal language factors, such as compatibility and the communicative structure of statements. It is the translator's responsibility to replicate all aspects of the message's style and form in the target language, in addition to faithfully expressing the ideas expressed in the source language. This is what sets translation apart from other techniques of communicating in a different language, such as summarizing or retelling, since it recreates the unity of form and substance. The issue is that the internal structure of the source and destination languages differs in the majority of cases. It is always necessary to make grammatical changes initially when there are structural differences between the two languages. These mismatches are either complete or partial. The transformations by which the transition from the units of the original to the units of translation is carried out are called translation transformations. Ya. I. Retsker distinguishes two types of transformations:

- grammatical transformations in the form of replacement of parts of speech or members of a sentence;
- lexical transformations consist of concretization, generalization, differentiation of meanings, anatomical translation of compensation for losses that arise in the translation process, as well as semantic development and holistic transformation [9. p. 78].

V. E. Shchetinkin names the following types of translation transformations:

- lexical — concretization, antonymic translation, amplification, generalization, semantic agreement, adaptation, compensation, explication;
- stylistic — one common technique — modulation;
- grammatical — four subtypes are distinguished: permutations, omissions, replacements, additions [10. p. 28].

In contrast to them, L. K. Latyshev identifies six types of translation transformations:

- lexical transformations — replacement of lexemes with synonyms depending on the context;
- stylistic transformations — transformation of the stylistic coloring of the word being translated;
- morphological transformations — transformation of one part of speech into another or its replacement with several parts of speech;
- syntactic transformations — transformation of syntactic constructions (words, phrases and sentences), change of the type of subordinate clauses, type of syntactic

connection, transformation of sentences into phrases and rearrangement of subordinate clauses in complex and compound sentences;

- semantic transformations («semantic development») — replacement of detail-features;

- transformations of mixed type — converse transformation and antonymic translation [11. p. 74].

Finding an equivalent, transposition, adaptation, and modulation are included in the second group, while literal translation, tracing, and borrowing are included in the first. The following conclusion can be drawn after taking into account the opinions of numerous academics, both local and foreign: the writers share a common understanding of how to recognize particular kinds of translation alterations. It should be mentioned, nonetheless, that the fact that various linguists recognize varying numbers of translation transformation procedures makes it difficult to develop a single classification. Combining transformations can give them the appearance of complex transformations. The same transformations can be categorized as distinct types, and different transformation types can be used interchangeably. It should be mentioned that the original's intonation and rhythmic-melodic structure are rarely replicated by translations. The poetry under consideration is composed of two six-line stanzas in iambic pentameter, which is more common than pentacles and tercets but less common than quatrains. Since there are no set forms for the six-line stanzas, the translator has a lot of options. The most «song-like» rhyme, sometimes referred to as a Ronsard stanza, is one of the various rhymes used.

Since the translator nearly always runs into differences between the grammatical structures of the source and target languages, grammatical transformations are the most prevalent kind of interlingual transformations. Many grammatical transformations were examined in this work, including rearranging sentences, changing sentence components, changing reverse word order to direct word order, adding or removing words, changing parts of speech grammatically, and making unmotivated changes.

Within the framework of this study, we share the position of R. R. Tchaikovsky, who believes that poetic translation is possible. Moreover, based on the analysis of textual material of the 20th century, the scientist identifies 9 types of poetic translation [12, p. 56]:

- 1) adequate translation,
- 2) free translation,
- 3) imitation,
- 4) translation — reminiscence,
- 5) translation — devaluation,
- 6) poem on the motive of the original,
- 7) interlinear translation,
- 8) prose translation,
- 9) adaptation.

The same poetry original can be translated in a variety of ways. Three essentially distinct approaches to translating the same literary original are available, depending on the kind of information the translator wants to convey as accurately as

possible (and this, of course, depends on the communicative function he chooses for his production).

1. The sole method for translating poetry meant for poetic communication is poetic translation itself. Two requirements must be met by poetry communication: first, it must be a poetic text that serves as its carrier (and causal agent); second, it must be structured in a way that allows it to communicate the most complicated information in a succinct verbal manner. The poetry language contains so much information that dozens of scientists' multi-volume studies are occasionally devoted to interpreting a single sonnet.

2. Poetic translation is a technique for translating poetry in which the original's factual content is expressed solely through poetic discourse in the target language.

Both artistically and in terms of words and idioms, this kind of translation closely resembles the original. This type of translation was mastered by such great poets as Katenin, Fet, and Vyazemsky in the previous century, and by A. Blok and M. Gasparov in the current one. Regretfully, conceptual information is distorted and aesthetic information is essentially not reproduced by this kind of translation.

3. A poetry text's philological translation is done in prose and aims to convey the original's factual information as completely as possible, practically verbatim.

The difficulties of translating poetry have consistently drawn far more attention than those of translating other types of literature. Many works in this field, however, are mostly either evaluations of various translation possibilities for a single book or anecdotes of individual translators addressing their own challenges.

André Lefevere, a translation theorist from Belgium, lists seven distinct approaches to interpreting poetry:

- 1) *Phonemic translation* is an effort to accurately express the meaning of a text while preserving its original sound. Lefevere comes to the conclusion that even though he actively employs onomatopoeia, these translations are typically awkward and frequently pointless.

- 2) A *literal translation*, which alters the original's grammar and meaning.

- 3) *Metrical translation*, in which maintaining the original text's meter is the primary requirement. Lefevere claims that, similar to literal translation, in this instance, the focus is on a single element of the source text at the expense of the text as a whole.

- 4) Poetry presented in prose, which, in Lefever's opinion, results in the loss of the original text's grammatical elements, meaning, and communication value.

- 5) *Rhymed translation*. The translator «falls into double bondage» of meter and rhyme when translating rhyming texts. Such translations are referred to as «caricatures» by Lefever.

- 6) *Translation in blank verse*: though this type of translation is more accurate and literal, the translator's options for text organization are restricted.

- 7) *Interpretation*. Lefever classifies imitations, in which the translator produces his own poetic works that only «the title and the starting point of the narrative» match the original text,

as well as translations that retain the essence of the original text but alter its form.

Since the translator overemphasizes one or more aspects of the poetry work at the expense of all the others, it is evident that each of these methods has shortcomings.

The translation of poetry from the distant past presents a different challenge. After all, not only are the poet and his peers deceased at the time of translation, but so is the poetry work's contextual value. Additionally, the genre itself may be «dead» at times, as in the case of pastoral, and a translation that does not closely like the original in terms of form, size, and structure will not assist to revitalize it.

Poetry translation entails maintaining rhythm, tone, imagery, and emotional impact in addition to transmitting meaning. In order to preserve the spirit of the original poem and make it appealing to the intended audience, translators must employ a variety of strategies to negotiate language barriers. In this delicate balance, the translation strategies of generalization, modulation, omission, addition, and concretization can all be very important.

1. *Concretization in poetry* translation is the process of giving abstract ideas from the original poem more concrete or precise meaning in the target language. This grounds the poem's imagery and frequently facilitates the intended audience's ability to see the scenario or comprehend the feeling. For instance, the line «I doubted if I should ever come back» from Robert Frost's well-known poem «*The Road Not Taken*» could be translated into a more specific phrase in another language, such as «I feared I might never return». Here, the nebulous «doubted» gives way to the more tangible and passionate «feared» which intensifies the sensation and makes it more immediate. The translator makes sure that the imagery or emotional impact is clear and relatable by employing concretization.

2. *Addition* is employed when the translator feels compelled to include more background or explanation that isn't expressed in the original text but aids the reader in understanding the intended meaning, particularly in poetry where cultural allusions and imagery can be very specific. For instance, the term «the river» which in Chinese poetry may metaphorically relate to the passage of time or a voyage, may appear in a translation of a classical Chinese poem. For readers who are not familiar with the symbolism, a translator may use «the river, symbolizing the passage of time», to help them grasp its deeper significance. Addition helps clarify cultural or contextual nuances that might be lost in translation. In poetry, where meaning is often compressed, this can be crucial for the reader's understanding.

3. *Omission*. When translating poetry, omission refers to removing words or components from the source that are culturally particular, superfluous to the overall meaning, or that might alter the poem's rhythm and flow in the target language. Sometimes the emotional or artistic quality of the poem is preserved by leaving out certain elements. As an illustration,

the original German text of Rainer Maria Rilke's poem «The Panther» has the line, «Die Stäbe sind aus Eisen». This could be translated literally as «The bars are made of iron». The word «iron» in English, however, could add needless weight. The material element may be left out by the translator, who might translate it as «The bars» which is adequate to capture the feeling of imprisonment without disrupting the beat. Omission is often employed when the original detail doesn't significantly affect the meaning or rhythm of the poem in the target language, thus maintaining the aesthetic flow.

4. *Generalization* is the process of substituting a more general phrase in the target language for a specific one in the source text. This is especially useful when a more universal or generalized term is more effective and a particular cultural reference, object, or concept is absent from the target language. Consider the following passage from Pablo Neruda's «*The Book of Questions*»: «What happened to the fish of the river Araucano?» In Chilean culture, the term «Araucano» is highly particular. To make the topic more accessible to a wider audience, a translator can generalize it to «What happened to the fish of the river?» particularly if the geographical reference doesn't have the same meaning in the target language. Generalization helps to make the poem's meaning universally relatable, avoiding cultural specificity that might be confusing for readers from a different background.

5. In poetry translation, *modulation* refers to altering the original text's viewpoint or emphasis in order to produce a more organic or significant expression in the target language. While adjusting it to the linguistic and cultural features of the target language, this may entail changing the voice, structure, or point of view to preserve the original's rhythm, tone, or emotion. The line «Il dort» in Arthur Rimbaud's English translation of his French poem «*Le Dormeur du Val*» is one example. He sleeps. Quoique le sort fût pour lui bien étrange. Despite the fact that fate was peculiar for him, this could be adjusted to something like «He sleeps, though fate had dealt him a cruel hand». Modulation helps the translator adjust for stylistic differences between languages, ensuring that the emotional weight of the original is preserved while the target text sounds natural and poetic in its new form.

To sum up, when translating poetry, strategies including generalization, modulation, omission, concretization, and addition are used to maintain the original work's emotional depth, rhythm, and meaning while also making it understandable to a diverse linguistic and cultural audience. These methods are particularly helpful in overcoming the difficulties associated with translating poetry's highly symbolic, condensed, and culturally distinctive content. In order to ensure that the translated poem strikes a deep chord with its new audience, the translator must strike a balance between maintaining the original text's integrity and the requirement for poetic fluency in the target language.

References:

1. Goncharenko S. F. Poetic structures of lyric text and poetic translation // Poetics of translation. — M., 1988. — pp. 100–111.

2. Komissarov V. N. *Modern Translation Studies: Lecture Course*. Moscow: ETS, 1999.
3. Naumenko O. V. *Features of Poetic Translation // Current Issues in Translation Studies and Translation Practice*. Nizhny Novgorod, 2012.
4. Rice K. *Classification of Texts and Translation Methods*. *Translation Theory Issues in Foreign Linguistics*. Moscow, 1978.
5. Zabolotsky N. A. *Translator's Notes*. *Translation Craftsmanship: A Collection of Articles*. Moscow: Sovetsky Pisatel, 1959.
6. Etkind E. *Poetry and Translation / E. Etkind*. — M.: Sovetsky pisatel, 1963. — p.431.
7. Bryusov V.Ya. *Selected Works in Two Volumes*. Vol. 2. Moscow: Goslitizdat, 1955.
8. Naydenova N. S. *Translation of Francophone Romances: Dichotomies in the Triad // La Main de Thôt*. 2014. Numéro 2.
9. Retsker Ya.I. *Translation Theory and Translation Practice*. M.: International Relations, 1974.
10. Shchetinkin V. E. *Handbook of Translation from French into Russian*. M.: Education, 1987.
11. Latyshev L. K. *Translation: Problems of Theory, Practice, and Teaching Methods: A Book for Teachers of Schools with In-Depth Study of German*. M.: Education, 1988.
12. Tchaikovsky R. R. *Realities of poetic translation. Typological and sociological aspects*. — Magadan: Kordis, 1997.- p.198.

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Дыхание в психоанализе

Балуева Наталья Юрьевна, студент магистратуры
Восточно-Европейский институт психоанализа (г. Санкт-Петербург)

В статье представлен психоаналитический взгляд на феномен дыхания в рамках психоаналитического дискурса на примере клинического случая.

Ключевые слова: психоанализ, дыхание, перенос, бессознательный образ тела, бессознательное.

Breathing in psychoanalysis

Baluyeva Natalya Yuryevna, student master's degree
East European Institute of Psychoanalysis (St. Petersburg)

The article presents a psychoanalytic view of the phenomenon of breathing within the framework of psychoanalytic discourse using a clinical case as an example.

Keywords: psychoanalysis, breathing, transference, unconscious body image, unconscious.

*Не мы первые, кому приходится ждать,
пока начнут понимать их язык.*

З. Фрейд, из письма Карлу Юнгу, 26 мая 1907 г.

Все дышащие существа покидают этот мир на выдохе, а приходят в него на вдохе.

Прямых обращений к дыханию как феномену в психоанализе мало и еще меньше психоаналитической литературы по этой теме. Может быть потому, что дыхание может рассказать о нас куда больше, чем мы готовы о себе узнать.

Что не смирится с несовершенством жизни, что «прокричит» вопреки всему, когда человек утратил надежду и веру в глубинном конфликте?

Дыхание.

Этот конфликт не нов и уже давно известен нам, как диссонанс. Но кого мы отчаянно не хотим услышать в этом диссонансе? Кто остается говорить с нами, не теряя надежду и веру до последнего вздоха?

Дыхание.

В терапии нередко можно ощутить и услышать, как пациент, почувствовав доверие, начинает дышать медленнее и ровнее, и наоборот, не чувствуя доверия, испытывая страх, старается бессознательно сдерживать дыхание, в попытке защититься от неприятных чувств.

В переносе я как аналитик невольно замечаю, что вдруг начинаю дышать не свойственно себе, словно перенимая дыхание пациента, а когда мы приближаемся к травматическому событию, дыхание пациента и моё становится учащенным. Из практики предполагаю, что в этот момент самое главное в поведении психоаналитика не заглушить, не перебить разговор дыхания словом или действием.

Заметив этот феномен в терапии, я осмелилась применить новые знания в анализе пациента А. Пациент А обратился за помощью по вопросу принятия поставленного диагноза, не смертельного, но значительно ухудшающего качество жизни.

Наша первая сессия началась не с приветствия, а с просьбы: «Дайте мне, пожалуйста, листок бумаги и карандаш, я буду рассказывать вам о своей большой семье. На листке запишу их всех, чтобы никого и ничего не упустить». Не увидев необходимости ломать сценарий пациента, я положила перед ним чистый листок бумаги и карандаш, не комментируя происходящего, а лишь слушая дыхание пациента.

Дыхание А. было прерывистым, будто скованным. Он навис над бумагой, но не брал в руки карандаш. Архитектура тишины способствовала дыханию.

По прошествии нескольких минут к дыханию стали примешиваться хрипы, а на листке бумаги стали видны большие следы капель слез.

В переносе я чувствовала себя переполненным сосудом, стенки которого уже не могут сдерживать содержимое. А моё дыхание становилось напряженным, будто загоняемым в рамки. В этот момент мой опыт подсказал мне не вмешивать в терапевтическое пространство никакого действия и никакого слова, а лишь продолжать слушать дыхание пациента.

Через несколько минут нарастающего напряжения в дыхании кабинет был залит протяжным выдохом с криком, подобным животному реву. Пациент не разрыдался, а освобождающе прокричал: «Нет, я буду говорить только о ней!».

Д. С. Рождественский писал: «Мне нередко приходилось наблюдать загадочные трансформации изначального запроса, с которым пациент обращается к психоаналитической терапии; ситуации, в которых запрос этот со временем забывается им или, будучи удовлетворен, отступает на дальний план». [4, С.109].

Анализ моего дыхания в переносе дал мне возможность понять значимого для пациента человека и принес понимание того, как выстроить терапию, в которой желание быть принятым полностью изживет конфликт с невозможностью быть вобранным всецело.

Последующие сессии мы говорили о матери пациента и о том, какое она имела влияние на диагноз, а какого не имела. Дыхание на протяжении нашего пути изменилось от пульсирующего, до спокойного, текучего, сопровождающего каждый дальнейший звук абсолютным принятием. Терапия была успешной.

Через некоторое время пациент А сообщил, что в медицинском учреждении, в котором он проходил обследование, диагноз поставили под сомнение, но, что было для меня не менее ценно, пациент непринужденно высказал очень важную для меня обратную связь: «Не вмешавшись в начале, вы будто открыли какие-то шлюзы в моей душе, которые я все это время пытался пробить головой, и дали мне дышать самостоятельно!». В двусмысленности озна-

чающего «дышать самостоятельно» было одновременно и о свободном дыхании, как физиологической функции, и о приобретении пациентом внутренней свободы, ощущении в себе жизни.

Концепция бессознательного образа Ф. Дольто предполагает формирование бессознательного образа ребенка ещё в утробе матери, а дыхательный образ самым архаичным.

«Образ тела — это живой синтез нашего эмоционального опыта: отношений с людьми, пережитых через избирательные эрогенные ощущения, архаичные или актуальные» [1, С.16].

«Дыхательный образ — самый архаичный, поскольку воздух, которым мы дышим, — это общая для всех плацента» [2, С.18].

В утробе матери у младенца еще отсутствует легочное дыхание, дыхательная функция осуществляется плацентой.

Во вне утробной жизни первое и самое главное усилие, которое мы совершаем, это усилие сделать самостоятельный вдох, задышать самостоятельно.

Возможно, в случае пациента А, аналитику надлежало в «плацентарном» переносе помочь пациенту осуществить переход от дыхания с помощью плаценты (жизни на одном дыхании с матерью) к дыханию легочному (независимому и самостоятельному).

Помогая пациенту продышать трудный путь к осознанию того, что прорывается из бессознательного, мы становимся свидетелями рождения тех слов, которые не находились; тех ключей, которые ведут к успеху терапии.

«Процессы системы бессознательного находятся вне времени, то есть они не упорядочены во времени» [5, С.138]. Как и возникающие в бессознательном сны, наше дыхание наполнено сложными, исключительными проявлениями наших подлинных желаний, страхов и потребностей.

Лишь подступившись к вопросу дыхания, оставаясь исключительно в поле аналитического дискурса, лишь наметив вектор траектории движения исследования, мы открываем множество возможностей и трудностей рассматривания дыхания в психоанализе. Но перед тем, как искать ответ на вопрос: «О чем нам говорит дыхание?», видится важным повторить главное: дыхание говорит.

Литература:

1. Дольто, Ф. Бессознательный образ тела. Т. XVI / Ф.Дольто. — Ижевск: ERGO, 2006. — 376 с.
2. Дольто, Ф. Ребенок зеркала / Ф.Дольто, Ж.-Д. Назьо. — Москва: ПЕР СЭ, 2004. — 96 с.
3. Лапланш, Ж. Словарь по психоанализу / Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис. — Москва: Высшая школа, 1996. — 623 с.
4. Рождественский, Д. С. Психоанализ: перенос: учебное пособие для вузов/ Д. С. Рождественский. — 2-е изд. — Москва: Юрайт, 2023. — 258 с.
5. Фрейд, З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 13: Статьи по метапсихологии / З.Фрейд; пер. с нем. А.Боковинова. — Санкт-Петербург: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2020. — С. 384.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 16 (567) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 30.04.2025. Дата выхода в свет: 07.05.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.